

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

Том 16

№ 3 · 2015

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2015

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149. Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации принимаются
по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц. (зам. гл. редактора); **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н. В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (тех. директор); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. эконом. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук,
проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А. В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А. Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А. А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю. П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия); **Знаков В. В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В. И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина); **Никовская Л. И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С. П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А. П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И. С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л. А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О. Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А. Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О. А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Гусейнов А.Ш., Фоменко Г.Ю., Рябикина З.И. Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода 6

Савченко С. В. Особенности коммуникативной компетенции у студентов-математиков 22

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Хлыщева Е.В. Мифологема «свой-чужой» в гетеротопном пространстве общества потребления. 34

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Терёшина М.В., Онищенко М.В. Политико-управленческие барьеры «зеленого» роста в Российской Федерации. 50

Соколов А.В. Краудсорсинговые площадки органов власти (на примере региональных программ «Открытый регион» и «Электронное правительство»). 75

Тезадова Д.А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели 90

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Ждановский А.М., Некрасов С.Д. Особенности личностных ориентиров студентов первого курса на профессиональную деятельность 107

РЕЦЕНЗИИ

Баранов А.В. Как осмыслить пространство? 126

Гайнутдинова Е.В. Гуманитарные проблемы элитологии 132

НАШИ АВТОРЫ 136

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 140

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 146

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

3-2015

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room K. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru

Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DSc, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Guseynov A. Sh., Fomenko G.Yu., Ryabikina Z.I. Protest activity of personality within the framework of subjective existential approach 6

Savchenko S.V. Features of communicative competence of students of mathematics 22

PROBLEMS OF SOCIAL THEORY

Khlysheva E. V. The mytheme “our-stranger” in heterotopy space of consumer society 34

POLITICAL MANAGEMENT

Tereshina M.V., Onischenko M.V. Political and administrative barriers of «green» growth in the Russian Federation. 50

Sokolov A. V. Governments’ crowdsourcing platforms (The case of the regional programs “open region” and “e-government”) 75

Tezadova D.A. Social policy in the modern state: the main content, directions and models 90

PROBLEMS OF EDUCATION

Zhdanovskij A.M., Nekrasov S.D. Peculiarities of first-year students’ personal cues for professional activity 107

REVIEWS

Baranov A. V. How should we think of space? 126

Gajnutdinova E.V. Humanitarian issues of elitology 132

OUR AUTHORS 138

INFORMATION FOR THE AUTHORS 145

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 147

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

.....

Гусейнов А. Ш., Фоменко Г. Ю., Рябикина З. И.

Гусейнов Александр Шамильевич, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 350015, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Буденного, 161. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru.

Фоменко Галина Юрьевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: fomgal27@mail.ru.

Рябикина Зинаида Ивановна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru.

Интегральный феномен протестной активности личности концептуализирован в контексте методологии субъекта. Излагаются положения авторской (Гусейнов А. Ш.) концепции протестной активности личности. Протестная активность личности рассматривается как процесс, направленный на реструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях. В контексте субъектно-бытийного подхода предлагается типология форм протестной активности личности: деструктивные (негативизм, нигилизм, эскапизм, оппозиция) и конструктивные (высший эскапизм, эмансипация). Указанные формы анализируются как модусы бытия личности, оформившиеся в конкретных социально-исторических условиях в результате процесса экзистенциального самоопределения и субъектной активности личности. Обосновывается, что личности как субъекты протестной активности различаются масштабом и спецификой бытийных противоречий, степенью конструктивности их разрешения. Предлагается деструктивные и позитивные аспекты протестной активности личности анализировать с позиций ложной/истинной субъектности, аутентичности/ неаутентичности бытия.

Ключевые слова: протестная активность личности, субъектно-бытийный подход, бытийные противоречия, экзистенциальное самоопределение, ложная и истинная субъектность, аутентичность и неаутентичность бытия, модусы бытия личности.

1. Протестная активность личности в современном мире: новые тенденции в аспектах проявления и способах интерпретации

В период подъема социального активизма нередко наблюдается перерождение справедливого протеста в свою противоположность с отступлением от гуманистических ценностей. События на Украине показывают, с какой скоростью мирный протест против несправедливости и коррупции перерос в неуправляемые действия толпы, вплоть до свержения государственной власти, породив анархию и гражданскую войну. В истории примеры подобного перерождения справедливого протеста

в свою противоположность встречаются постоянно. Например, неожиданный исход французской революции, целью которой было установление свободы в полном объеме и возрождение «нового человека», а завершившейся вакханалией казней, массовым террором. Красивый лозунг «свобода, равенство, братство» очень быстро сменился на повсеместно реализованный призыв «аристократов — на фонарь». Несмотря на многочисленные исторические примеры подобного перерождения остаётся неясным и недостаточно изученным механизм этого явления.

Современная действительность порождает также массу вопросов, связанных с феноменом новых разновидностей протестной активности личности (в частности, дауншифтинг). Изменяются и объяснительные модели этих феноменов, акцент смещается в сторону онтологических оснований поиска иных форм образа жизни. А психологи в этом контексте обращаются к, казалось бы, философской проблематике отчуждения. Трудно поддается объяснению добровольное вступление в радикальные ряды ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация) успешных, образцовых студентов ВУЗов из обеспеченных семей, казалось бы, социально необделенной категории населения, на которую в последнее время делают ставку вербовщики.

Осуществляется пересмотр понятия «социализации», т.е. изменяется понятийный тезаурус, с помощью которого обсуждается развитие протеста на всех этапах: профилактика, специфика, последствия (для личности, общества, государства — как известной взаимосвязанной триады проблем безопасности) (Гусейнов, 2013). Значимой тенденцией развития психологической науки является растущий интерес мирового научного сообщества к онтологическому аспекту существования человека в мире, проблемам автономности, свободы, ответственности, личностного выбора (Deci, Ryan, 2008; Леонтьев, 2011; Карпинский, 2011). Многие исследователи обращаются к проблематике самоопределения личности как субъекта бытия (Горская, 2005; Фоменко, 2009; Журавлев, Купрейченко, 2011; Шиповская, 2013). В процессе самоопределения субъект на основе собственного мироотношения способен конструировать стратегию своей жизни и преобразовывать существующую в обществе систему ценностей и идеалов, моральных норм и правил. Предпочитаемые способы существования отражают разные варианты самоопределения личности и его психологические последствия.

Исследование закономерностей протестной активности личности, ее психологической сущности, структуры, ключевых компонентов, специфики проявлений — это актуальная и многоплановая научная проблема в контексте масштабных проблем безопасности и запросов практики.

2. Теоретико-методологические «лакуны» в изучении протестной активности и возможные способы их преодоления: от адаптивной парадигмы к субъектной

Несмотря на мощное влияние протеста на современный социокультурный контекст, а также значительный масштаб его последствий для личности и со-

циума, наблюдается существенное отставание психологии от социологии в освоении данного феномена. На данный момент не существует единого подхода к выделению компонентов структуры протестной активности личности, неясен механизм этого явления, не осуществлена операционализация конструкта, отсутствуют методики исследования данного феномена.

История становления взглядов на проблему протеста в отечественной психологии связана с именами выдающихся исследователей (А. С. Выготский, П. П. Блонский, А. Ф. Обухова, Д. Б. Эльконин, А. И. Божович и др.). Эти авторы подробно описали различные протестные реакции, симптомы протеста и их неоднозначное влияние на личностное становление в контексте возрастных кризисов. Протест рассматривался не только как негативная ответная реакция детей на запреты взрослых, препятствующие удовлетворению потребности в самостоятельности, но и как средство привлечения к себе внимания, поведение, связанное с зависимостью и нежеланием ребенка становиться самостоятельным.

В западной психологии анализ протестных реакций осуществлялся преимущественно в контексте психоаналитических теорий и концепций (З. Фрейд, М. Эйнсуорт, М. Малер, Э. Эриксон, Х. Хартман), а также в рамках теории агрессии и фрустрации (Д. Доллард, Н. Миллер). А. Адлер проникательно усмотрел в некоторых проявлениях протеста формирующийся жизненный стиль личности.

В современной психологии понятие протеста используется для описания дезадаптивных стратегий поведения. Исследователи преимущественно фиксируются на внешнем наблюдении поведенческих проявлений протеста и ожидании того, что поведение должно четко соответствовать статистическим нормативам и показателям адаптации. Акцентируя внимание на результативных характеристиках явления, авторы упускают при этом процессуальные характеристики и все многообразие формирующих его факторов. Подобный «объективный» анализ личности как управляемого объекта, по сути, не имеющей субъектной сущности, связан с игнорированием онтологических оснований человеческой жизни, «когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира» (Клочко, 2008).

Статичная инструментальная интерпретация с ее акцентами на односторонней и однолинейной детерминации поведения человека не способна объяснить все противоречия личности в усложняющихся условиях бытия, сверхнормативную природу активности индивида, плодотворность и ресурсность здоровых, перспективных для личности и обновления социума протестных форм.

Следовательно, требуются другие объяснительные модели, не может быть и однозначной интерпретации протеста, поскольку сама жизнь показывает несостоятельность этих объяснений. Очевидна необходимость дихотомичного

рассмотрения этого явления, характеризующего позицию личности по отношению к бытию. Феномен требует концептуализации и расширенного эмпирического анализа в рамках психологии «рефлексивного человека» с акцентом на самодетерминации различных форм его активности. Согласно В. А. Мазилову (2012), целостные по своей природе явления невозможно изучать с помощью конструктивного подхода, ориентированного на воссоздание целостности из элементов, поскольку в этом случае происходит принудительный перевод сложных явлений к простой схеме. Решая сложную проблему, нужно использовать другой алгоритм, где за основу берется целостность, которая затем расчленяется и типологизируется. Приведем также мнение Д. А. Леонтьева (2011): «Признание реальности внутреннего мира личности влечет за собой необходимость содержания и отношений; признание системной организации жизнедеятельности влечет за собой необходимость изучения атрибутивных схем и принципов структурной организации систем личности, признание рефлексии, самодетерминации и выбора влечет за собой изучение стратегий, межуровневых регуляторов и механизмов самотрансценденции».

В основе нашего видения проблемы протестной активности личности лежит методология субъектно-бытийного подхода, позволяющая рассматривать эту проблему в онтологической реальности. Личность выступает субъектом процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной субъектной активностью, при этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру и личность становится фактором, объединяющим все стороны своего бытия (как субъективные, так и объективные) в неразрывной целостности (Рябикина, Фоменко, 2009). Такое понимание личности снимает проблему ее изоляционализма и противопоставления социуму, поскольку «личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира» (Фоменко, 2010б).

В субъектно-бытийном подходе сформировано представление о личности как структурном полисистемном образовании, включающем пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопересекающиеся подпространства: «планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: конативный, когнитивный, аффективный. Таким образом, личностный смысл вбирает в себя информацию о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распредмечивание, «опредмеченную» потребность, конкретизировавшуюся в мотиве и окрасившая предмет и поведение пристрастностью (Рябикина, Танасов, 2010).

В своем поведении личность реализует три сопряженные базовые потребности: в самоактуализации, во внутренней согласованности, в поиске подтверждения своей значимости для внешнего мира (Рябикина, Фоменко 2009). Соответственно подчеркивается направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. на такое преобразование реальности внешнего мира, когда мир становится объективированием субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии.

Невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие, порождая различного рода деструктивные явления (Рябикина, Фоменко, 2010а).

Поэтому субъектно-бытийный подход создает устойчивую методологическую основу для изучения феномена протестной активности личности, позволяя понять истинную природу, сущность изучаемого явления и сконцентрироваться на его парадоксальности, типологическом разнообразии его форм и процессуальной трансформации способов выражения.

3. Формы протестной активности личности: основания дифференциации

Исследование особенностей личности как субъекта протестной активности осуществлялось на разном контингенте с учетом реального контекста жизнедеятельности людей (подростки, студенты, спортсмены, представители разных профессий, осужденные).

Исходя из методологического принципа субъекта, позволяющего интегрировать представления о протестной активности личности, сформулированные в границах психологического и междисциплинарного знания в целостную систему взглядов, нами были выделены и концептуализированы конструктивные (эмансипация, высший эскапизм) и деструктивные формы протестной активности личности (оппозиция, нигилизм, негативный эскапизм, негативизм).

В процессе концептуализации протестных форм мы обратили внимание на то, что протест сопряжен с субъективными переживаниями несправедливости, депривации, ограничения свободы, неудовлетворенности, несовпадения личностно-значимых ценностей с ценностями, исходящими от других (Гусейнов, 2013). В существующей реальности протестная активность личности, обнаруживая себя во взаимодействии с социальным окружением, апеллируя к социуму, всегда направлена на изменения. Выявляются кардинальные различия в спектре, масштабе, побудительных силах и причинах протеста, который варьируется от неосмысленного, стихийного акта до действия, выступающего как поступок «парадоксальный, неоправданный с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникальный и предельно осмысленный с точки зрения высших человеческих ценностей, интересов и внеситуативных регуляторов» (Леонтьев, 2011).

При выделении различных протестных форм в контексте концепции протестной активности личности мы опирались на разработанные С. Л. Рубинштейном (2003) положения о двух способах существования: стихийном (реактивном) и рефлексивном, о тождественности сущности личности и способа существования, утверждение о том, что каждый способ существования характеризуется качественной определённой его субъектов, и их конкретизацию в концепции бытия личности в экстремальных условиях с выделением модуса бытия личности (предельного и экстремального) (Рябикина, Фоменко, 2009). Опора на данные положения позволила сконструировать структурно-диалектическую модель протестной активности личности и содержательно наполнить применительно к изучаемому феномену выделенную структуру модусов бытия. Конфигурация последних предполагает учёт типа личностной субъектности и особенностей экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием, спецификой аффективно-потребностной сферы и конструирования образа мира, способом организации личностной активности и спецификой разрешения разноуровневых противоречий (Фоменко, 2010а)

Концентрация на процессе тесной сопряженности и взаимовлиянии указанных параметров позволила провести сопоставительный анализ деструктивных/конструктивных форм протестной активности личности и, зафиксировав общие, повторяющиеся тенденции, выделить следующие основания для их дифференциации.

Ценностно-смысловая направленность личности: а) деструктивные формы — система заимствованных жизненных принципов и ценностей, ценностно-целевые приоритеты заострены вокруг полюса D-смыслов (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие себя и других как «расходного» материала); самоограничение личностного потенциала; б) конструктивные формы — гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей; генерирование, интеграция и трансляция L-смыслов (смыслов бытия); движение к самоактуализации на основе множественности выборов.

Особенности мотивационно-потребностной сферы: а) деструктивные формы — невротический жизненный план, потребностная мотивация и блокада ценностной мотивации; отсутствие потребности встраивания в социум; сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов, зависть, неудовлетворенность; б) конструктивные — позитивная ценностная мотивация, направленность на личностный рост, потребность в самоисполненности; самодетерминация на основе осознанной саморегуляции.

Образ мира: а) в оформлении деструктивных форм большую роль играет система стереотипов, способствующих искаженному восприятию мира; несогласованность, а также оппозиция между внутренним и внешним миром, обуславливающая недоверие к миру, отчуждение, ощущение неподконтроль-

ности жизни, абсолютизацию протеста; б) конструктивные протестные формы оформляются посредством системы гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие.

Системообразующими в конструкте «модус бытия личности» являются субъектная позиция личности и экзистенциальное самоопределение. В этом же качестве они выступают и применительно к выделению и дифференциации форм протестной активности.

Экзистенциальное самоопределение: а) деструктивные формы: извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия); б) конструктивные — глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества).

Субъектная активность личности: а) в деструктивных формах — объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни, суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности; б) в конструктивных протестных формах (высший эскапизм, эмансипация) на первый план выступает отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на самосовершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом.

Отмечена способность личности к осуществлению позитивного интересубъектного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.

Использование в совокупности единых структурных элементов позволило увидеть феномен в развернутой социально-исторической перспективе, сравнить психологические характеристики протестных форм, установить специфику и сходство в их содержании. В зависимости от того, какая форма протестной активности предпочитается, можно судить о самоопределении личности — конструктивно-преобразовательном, творческом или деструктивном, бездуховно-бесплодном и разных модусах бытия. В этом контексте протестная активность личности — это способ проживания жизни, т.е. процесс, направляющий личность в сторону духовной эволюции или личностной деградации и деструктивности.

Протестная активность личности определяется как процесс, направленный на переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях.

В самом общем виде протестная активность рассматривается как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности, благоприятствующий или препятствующий сохранению целостности личности и аутентичности бытия, опосредованный особенностями субъектной активности и экзистенциальным самоопределением, посредством которых конструируется и воспроизводится способ бытия.

Конструкт протестной активности личности предстает как сложный интегральный психологический феномен, проявляемый в конкретно-историческом контексте и варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные протестные формы, специфика которых обусловлена вариантом личностного выбора и типом субъектного позиционирования.

Выявленные в исследовании психологические закономерности показывают, как изменение одного параметра, например, искажение в ценностно-смысловой сфере (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие людей как расходного материала и пр.) или изменение мировоззрения, социальной позиции влечет за собой модификацию других структурных параметров системы протестной активности. Это дополнительно свидетельствует о том, что протестная активность представляет собой разновидность модусов бытия личности, принимающих характер социальных деструкций, которые определяются хорошо структурированными и устойчивыми протестными формами, трудно поддающимися корректировке. Расширенное понимание протестной активности личности позволило объяснить следующий парадокс: почему люди, выступая за благие намерения и преследуя возвышенные цели в их понимании, перерождаются в обезличенных монстров и их активность становится деструктивной и приводит к катастрофическим для общества и самих участников протеста последствиям. Мы отвечаем, что смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, создают условия для подобной трансформации протестной активности, которая оборачивается взрывами и насилием. Таким образом, предложенная концепция позволяет по-новому посмотреть на соотношение и взаимовлияние компонентов системы протестной активности личности и тех результатов, которые из этой взаимосвязи следуют, а также зафиксировать структурирующую функцию каждого компонента.

4. Протестная активность личности как субъекта разрешения противоречий

Мы исходим из того, что для уяснения особенностей и понимания психологических механизмов изучаемого явления целесообразно обращение к теме

противоречий личности в различных пространствах ее бытия, характер осмысления и разрешения которых во многом определяет качество субъектной активности и становление протестных форм. В методологии субъектно-бытийного подхода выделены основные их разновидности: 1) между внутренними задачами личности и внешними обстоятельствами, требованиями; 2) между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни и возрастанием социального прессинга; 3) между социальной ролью человека и его индивидуальностью (Фоменко, 2009; Фоменко, 2010б). Отмечается, что трудности и следующие за ними неудачи в разрешении противоречий препятствуют самоопределению в социальной структуре общества и создают основу для деструктивных явлений. Следовательно, если эти основные противоречия в их конкретном преломлении к реальным жизненным обстоятельствам неадекватно осмыслены и неконструктивно разрешены личностью (с точки зрения их соответствия ее масштабу), она неминуемо столкнется впоследствии с новыми, уже измененными противоречиями. Ниже классифицированы бытийные противоречия, характерные для деструктивных протестных форм:

– *ценностно-смысловые противоречия*: стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования;

- *противоречия в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство»*: восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и стремление к снятию последней не собственной активностью, а внешними политическими или юридическими мерами; желание достичь социального статуса и неготовность к полноценному включению в социум в связи с неспособностью определить своё место в общественных структурах;

- *внутриличностные противоречия* — несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию; несоответствие между бытием и долженствованием;

- *экзистенциальные противоречия*: между осознанием фундаментальной изоляции и несформированной потребностью в принадлежности к большему целому.

Таким образом, для всех деструктивных протестных форм характерно неконструктивное разрешение бытийных противоречий — невозможность их выдерживать, нежелание их осознавать в виде проблем и находить продуктивные способы их решения, что обуславливает социальную непродуктивность личности и указывает на неспособность личности занять достойное, адекватное своим способностям и возможностям положение в обществе. Наличие комплекса примитивных защит и несформированность нравственно-этических норм

поддерживает объектную ориентацию, усугубляет внутриличностный конфликт и затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствуя их продуктивному разрешению, а склонность к безальтернативным интерпретациям жизни приводит к одномерному черно-белому восприятию мира с преобладающим ощущением ущемленности. В конструктивных формах на первый план выступают нравственные, ценностно-смысловые противоречия между выработанными в процессе углубленной рефлексии ценностями и косностью общественных структур, не готовых воспринять транслируемые субъектом ценности. Осознание себя деятелем, субъектом, способным с помощью самостоятельно выработанных ценностей и смыслов творчески преобразовывать наличные условия бытия, способствует умению выявлять проблемные ситуации и их решать на основе активной и устойчивой субъектной позиции, взяв на себя ответственность за последствия своих действий. Качество субъектной позиции зависит от уровня духовности, нравственности, этического самопонимания, от степени внутренней свободы.

На основе выделения способов разрешения противоречий, актуализируемых в протестных формах, определена специфика протестных форм: а) *деструктивные формы*: **оппозиция** — повышенная мотивация достижения и фиксация на неудачах, препятствующая достижению целей; креативные способности и приземленность, вызывающая усеченную реализацию задуманного; соперничество и отсутствие желания достигать целей; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, подстрекательство других на противоборство, наряду с желанием остаться в «тени»; **негативизм** — склонность к независимым действиям и зависимость в опеке, патронации; склонность к доминированию, желание контролировать и подчинять среду и сниженный самоконтроль, негативный образ себя и сознание собственной исключительности; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; дерзость и нерешительность; высокие статусные притязания личности и отсутствие потребности в самореализации; неконформизм и отсутствие доброты; **нигилизм** — чувство собственной грандиозности и сниженная способность к созиданию; желание преобразований и неспособность в гуманистическом русле реализовать свои цели, вследствие небольшого диапазона творческих способностей и низкого личностного потенциала; несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни, девальвация ценностей жизни, десакрализация существования и тотальность деструктивности; несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; внешняя принципиальность и моральная беспринципность; **негативный эскапизм** — экзистенциальный вакуум вызывает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но в результате не способен решить; эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный; б) *конструктивные формы*:

высший эскапизм — форма протеста, согласующаяся с характеристиками истинной субъектности, переходящая в процессе сложного взаимодействия различных параметров (внешних/внутренних) в преобразовательную активность; **эмансипация** — стремление к автономии, жизнестойкость сочетаются с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств по отношению к этому субъекту; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных институтов; духовность, креативность, развитые способности и готовность к борьбе с теми, кто препятствует процессу самореализации.

Очевидно, что характер противоречий, а также способы их разрешения являются одним из важных критериев конструктивности взаимодействия личности и социума. Подчеркнем, что реализация конструктивных форм протеста (это касается не только эмансипации, но и высшего эскапизма) не означает окончательное и автоматическое снятие противоречий, т.е. человеку необходимо постоянно их разрешать в ситуациях повседневности в соответствии с достигнутым уровнем зрелости личности и ее масштаба. В противном случае человек останавливается в своем развитии и происходит характерное «скатывание вниз» к примитивному, механистичному уровню существования с невозможностью сохранения целостности личности и аутентичности бытия. Закостенение, духовная стагнация, отказ от проблематизации собственного существования инициируют процесс, который приводит к личностной трансформации и смене субъектного позиционирования на объектное, в результате которого человек быстро оказывается в тех же условиях, которые способствуют образованию деструктивных форм протеста. Следовательно, через анализ противоречий получает более четкую определённую проблема позиционирования личности, связанная с ложной/истинной субъектностью, выделенная в качестве одного из основных дифференцирующих признаков конструктивных/деструктивных протестных форм. С этих позиций получает интерпретацию и дауншифтинг, который представляет собой мятеж против навязываемых бездуховных ценностей, нарастающего прессинга социального контроля над личностью, ведущего к ее социальной запрограммированности. Уход из привычной среды и отказ от мотивированной необходимости предстает как попытка преодоления отчуждения и «репетиция» более аутентичной, связанной с реализацией собственной уникальности формы бытия, которую в техногенной реальности все труднее удовлетворить.

В своем анализе мы следовали требованию субъектно-бытийного подхода: введение какого-либо феномена в широкий социальный контекст предполагает осмысление системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости (Фоменко, 2009). Представляется, что система, культивирующая объектное отношение к личности и лишаящая человека возможности влияния на происходящие процессы, существенно осложняет процесс

самоопределения личности и создает питательную среду для деструктивных протестных форм и экстремистских настроений (Рябикина, Фоменко, 2010б). Нельзя ставить человека в однозначно объектную позицию, поскольку воспринимая себя в качестве объекта и инструмента в руках социальных структур и государства, человек неминуемо разрушается, превращаясь в безликую «человек-машину», попутно разрушая все вокруг себя. Незрелость индивидуального сознания, обуславливающая стремление влиться в массу, становится основой для безропотного подчинения личности лидеру, вплоть до утраты духовного «Я». Такие люди легко попадают в экстремистские группы, объединенные на основе отчуждения, клановости, нравственных изъянов.

Понимание и уяснение сути феномена протестной активности связано с субъектной методологией, позволившей расширить ценностно-смысловые контексты решаемой проблемы и выйти за рамки категории деятельности. Представленная здесь структурно-диалектическая модель протестной активности личности дала возможность рассмотреть феномен в макросоциальных координатах и объяснить психологические механизмы парадокса, который можно эксплицировать в виде вопроса: почему, когда человек выступает как «послушное тело» социального субъекта и становится максимально адаптированным и успешным, его готовность к бунту многократно возрастает? Основой социальной стабильности и прогрессивного развития общества является не конформный, безликий «массовый человек» (более того, именно он является потенциально взрывоопасным элементом), а когнитивно сложная, активная личность, интегрированная в культурный контекст, воспринимающая и позиционирующая себя как подлинный субъект исторического процесса, понимающая степень и границы своего влияния на происходящие процессы, творчески преобразующая и разрешающая противоречия, обладающая глубоким и масштабным мышлением. В этом случае просто не оказывается причин для деструктивной активности личности по отношению к социальным институтам и по отношению к самой себе.

Библиографический список

1. Горская Г. Б. (2005). Контекстные детерминанты субъектности личности. В. В. Знаков, З. И. Рябикина (ред.). *Субъект, личность и психология человеческого бытия* (с. 178–190). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
2. Гусейнов А. Ш. (2013). *Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация*. Монография. Краснодар: Экоинвест.
3. Журавлев А. А., Купрейченко А. Б. (2011). Развитие идеи С. А. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии. К. А. Абульханова (ред.). *Философско-психологическое наследие С. А. Рубинштейна* (с. 216–233). Москва: Институт психологии РАН.
4. Карпинский К. В. (2011). Дезинтеграция смысла жизни как предпосылка кризиса в развитии личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–16.

5. Ключко В. Е. (2008). Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа. В. В. Знаков, Г. В. Залевский (ред.). *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* (с. 41–61). Москва: Институт психологии РАН.
6. Леонтьев Д. А. (ред.). (2011). *Личностный потенциал: структура и диагностика*. Москва: Смысл.
7. Мазиллов В. А. (2012). Парадигмы в психологии: от истории к современности. А. А. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (ред.) (2012). *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 57–94). Москва: Институт психологии РАН.
8. Рубинштейн С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
9. Рябикина З. И., Танасов Г. Г. (2010). Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений). *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–20.
10. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2010а). Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектного и событийного подходов. А. Г. Дикая, А. А. Журавлев (ред.). *Социальная психология труда: теория и практика* (с. 82–101). Москва: ИП РАН.
11. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2010б). Психология безопасности и интерпретация феномена терроризма в контексте субъектно-бытийного подхода. *Материалы международной научно-практической конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму* (29–30 октября 2009). (с. 250–253). Москва: МЦНМО.
12. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2009). Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 26–37.
13. Фоменко Г. Ю. (2009). Проблема противоречий в современных условиях бытия личности. А. А. Журавлёв, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова (ред.) *Материалы международного конгресса «Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика»* (10–13 сентября, 2009) (с. 394–398). Москва; Кострома: Издательство КГУ им. Некрасова.
14. Фоменко Г. Ю. (2010а). Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода. В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко (ред.) *Психология субъекта и психология человеческого бытия* (с. 158–174). Краснодар: Издательство КубГУ.
15. Фоменко Г. Ю. (2010б). Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 83–99.
16. Шиповская В. В. (2013). Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода. *Известия СГУ*. 4–2 (28), 89–93.
17. Deci E. L., Ryan R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182–185.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015.

PROTEST ACTIVITY OF PERSONALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF SUBJECTIVE EXISTENTIAL APPROACH

Guseynov A. Sh., Fomenko G. Yu., Ryabikina Z. I.

Guseinov Aleksandr Shamilievich, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, 350015, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, st. Budyonny, 161. E-mail: AGuseinov@yandex.ru.

Fomenko Galina Yurievna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: fomgal27@mail.ru.

Ryabikina Zinaida Ivanovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru.

An integral phenomenon of protest activity of personality is conceptualized in the context of methodology of the subject. The contribution of the author's (A. Sh.Guseynov) conception of protest activity of personality is enunciated. Protest activity of personality is considered as a process aimed at restructuring the external (micro- and macrosociety) in accordance with the specificity of personal identity in the concrete historical contradictions. A typology of forms of protest activity of personality: destructive (negation, nihilism, escapism, opposition) and constructive (ultimate escapism, emancipation) is proposed in the context of the subject-existential approach. These forms are analyzed as modes of being of personality that took shape in specific socio-historical conditions as a result of a process of existential personal identity and the subjective activity of personality. It is proved that personalities as subjects of protest activity are differentiated by scale and specificity of existential contradictions, a degree of constructiveness of their resolution. Destructive and positive aspects of the protest activity of personality are offered to analyze from a perspective of false/true subjectivity, authenticity/inauthenticity of being.

Key words: protest activity of personality, subjective-existential approach, existential contradictions, existential personal identity, false and true subjectivity, authenticity and inauthenticity of being, modes of existence of personality.

References

1. Gorskaya G. B. (2005). Kontekstnyie determinanti subyektivnosti lichnosti [Contextual determinants of subjectivity of the personality]. V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina (eds.). *Subyekt, lichnost i psihologiya chelovecheskogo byitiya* [The subject, personality and psychology of human existence]. (pp. 178–190). Moscow, Institut psihologii RAN.
2. Guseynov A. Sh. (2013). Protestnaya aktivnost lichnosti: suschnost, dinamika, transformatsiya: monografiya [Protest activity of personality: the essence, dynamics, transformation: monograph]. Krasnodar, Ekoinvest.
3. Juravlev A. L. & Kupreychenko A. B. (2011). Razvitie idei S. L. Rubinshteyna o samoopredelenii subyekta v sovremennoy sotsialnoy psihologii [The development of the idea of Rubinstein of personal identity of the subject in modern social psychology]. Edited by K. A. Abulkhanova. *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshteyna* [Philosophical and psychological legacy of S. L. Rubinstein]. (pp. 216–233). Moscow, Institut psihologii RAN.
4. Karpinskiy K. V. (2011). Dezintegratsiya smysla jizni kak predposylka krizisa v razvitii lichnosti [The disintegration of life purpose as a prerequisite for the crisis in the personal enhancement]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–16.
5. Klochko V. E. (2008). Zakonomernosti dvizheniya psihologicheskogo poznaniya: problema tsennostey i smysla v prizme transspektivnogo analiza [Regularities of process of psychological knowledge: the problem of values and meaning in the prism transpective

- analysis]. V. V. Znakov, G. V. Zalevskiy (eds.). *Tsennostnyie osnovaniya psihologicheskoy nauki i psihologiya tsennostey* [Axiological bases of psychology and axiological psychology] (pp. 41–61). Moscow, Institut psihologii RAN.
6. Leontev D. A. (ed.). (2011). *Lichnostnyiy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow, Smyisl.
7. Mazilov V. A. (2012). Paradigmy v psihologii: ot istorii k sovremennosti [Paradigms in psychology: from history to the modern times]. A. L. Juravlev, T. V. Kornilova, A. V. Yurevich (eds.). *Paradigmy v psihologii: nauchovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: scientific analysis]. (pp. 57–94). Moscow, Institut psihologii RAN.
8. Rubinshteyn S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. The man and the world]. Saint-Petersburg, Piter Publ..
9. Ryabikina Z. I. & Tanasov G. G. (2010). Subyektno-byitiyniy podhod k lichnosti i analizu ee so-byitiya s Drugimi (konstruktivnaya versiya postmodernistskih nastroyeniy) [Subject-existential approach to the personality and analysis of her co-existence with the others (constructive version of postmodern public mood)] *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–20.
10. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. YU. (2010a). Lichnost v professii: teoretiko-empiricheskaya interpretatsiya v kontekste subyektного i sobyitiynogo podhodov. L. G. Dikaya, A. Juravlev (eds.). *Sotsialnaya psihologiya truda: teoriya i praktika* [The personality in profession: theoretical and empirical interpretation in the context of the subjective and the event-driven approaches Social labour psychology: theory and practice]. (pp. 82–101). Moscow, Institut psihologii RAN.
11. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. Yu. (2010b). Psihologiya bezopasnosti i interpretatsiya fenomena terrorizma v kontekste subyektно-byitiynogo podhoda. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeystviya terrorizmu* [Psychology of safety and interpretation of the phenomenon of terrorism in the context of the subject-existential approach. Proceedings of the international research and practice conference on security and counter-terrorism (29–30 October 2009)]. (pp. 250–253). Moscow, MTSNMO.
12. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. YU. (2009). Subyektно-byitiyniy podhod: preemstvennost traditsiy [Subject-existential approach: the continuity of traditions]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, 26–37.
13. Fomenko G. Yu. (2009). Problema protivorechiy v sovremennyih usloviyah byitiya lichnosti A. L. Zhuravlev, N. P. Fetiskin, T. I. Mironova (eds.). *Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Psihologiya XXI stoletiya: Teoriya. Eksperiment. Social'naya praktika"* [The problem of contradictions in modern conditions of personal being. Proceedings of the international congress "Psychology of the XXI Century: Theory. Experiment. Social Practice"]. (pp. 394–398). Moscow; Kostroma, Izdatelstvo KGU im. Nekrasova.
14. Fomenko G. Yu. (2010a). Modusy byitiya lichnosti v kontekste subyektно-byitiynogo podhoda. V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko (eds.) *Psihologiya subyekta i psihologiya chelovecheskogo byitiya* [Modes of being of the personality in the context of the subject-existential approach. Psychology of the subject and the psychology of human existence]. (p. 158–174). Krasnodar, KubGU.
15. Fomenko G. Yu. (2010b). Psihologiya bezopasnosti lichnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya institutsionalizatsii [Psychology of personal security: theoretical and method-

- ological foundations of institutionalization]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 83–99.
16. Shipovskaya V. V. (2013). Modusyi preodolevayuschey aktivnosti lichnosti v kontekste subyektno-byitiynogo podhoda [Modes of overcoming activity of the personality in the context of the subject-existential approach]. *Izvestia SGU* [Bulletin of SGU], 4–2 (28), 89–93.
 17. Deci E. L., Ryan R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182–185.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ

.....

Савченко С. В.

Савченко Светлана Владимировна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: svsavchenko@kubsu.ru.

В статье представлены результаты исследования особенностей коммуникативных характеристик у студентов-математиков.

В современном мире важной составляющей профессионального успеха выступает комплексный личностный ресурс специалиста, обеспечивающий эффективную коммуникацию. Коммуникативная компетентность — существенный фактор, определяющий способность личности к публичному выступлению, дискуссии, ведению переговоров, разрешения производственных конфликтов и т.д.

В рамках проведенного исследования выявлены особенности уровня развития коммуникативной компетентности у студентов-математиков (данная специальность по классификации Е. А. Климова относится к профессиям сигнономического типа). У 63 студентов-математиков Кубанского государственного университета были изучены уровень коммуникабельности, эмпатия, стратегии психологической защиты в процессе общения и предрасположенность к конфликтному поведению.

Была подтверждена гипотеза о том, что существуют различия в особенностях коммуникативной компетентности студентов-математиков первого и последнего курсов обучения в вузе. Оказалось, что для выпускного курса характерны более низкие показатели коммуникабельности и эмпатии по сравнению с учащимися первого курса. В процессе обучения наблюдается снижение способности к партнерству и сотрудничеству, умения идти на компромиссы. В то же время возрастает уровень агрессии, усиливается ощущение угрозы для субъектной реальности студентов в процессе профессионального становления.

Выявлены общие тенденции в особенностях коммуникативной компетентности. Для студентов-математиков ведущей стратегией защиты в общении служит избегание, стремление защитить свою субъектную реальность путем экономии интеллектуальных и эмоциональных ресурсов. Конкуренция, слабо выраженная у всех студентов-математиков, имеет малую положительную динамику на протяжении обучения, но так и не достигает высокого уровня к моменту окончания обучения.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, сигнономический тип профессии, компетенция.

В условиях современного динамичного развития общества конкурентоспособность личности на рынке труда определяется не только опытом работы или теоретическими познаниями в своей предметной области, но и умением правильно «подать себя» на всех этапах работы в компании, способностью ори-

ентироваться в различных ситуациях общения, устанавливать и поддерживать необходимые контакты с коллегами и деловыми партнерами. Все перечисленное обуславливает актуальность исследования коммуникативной компетентности личности как существенного фактора, определяющего способность к публичному выступлению, дискуссии, ведению переговоров, совещанию, презентации, разрешению производственных конфликтов и т.д.

Поэтому в процессе подготовки специалиста в любой профессиональной области (технической или гуманитарной) возникает необходимость формирования коммуникативной компетентности как важного личностного фактора будущего профессионального успеха.

Отметим, что в научную и образовательную сферы категории «компетентность» и «компетенция» были введены лишь в 1960–1970-х гг. В этот же период стало формироваться представление о сущности и различиях в интерпретации данных понятий (Хомский, 1972; While, 1959). В 1984 г. Дж. Равен сформулировал развернутое определение компетентности, попытался описать ее природу и разницу между ее видами. По мнению ученого, компетентность есть жизненный успех в социально значимой области (Равен, 2002).

В 1990-х гг. в России началось активное изучение понятия компетентности и ее видов. Н. В. Кузьмина и Л. А. Петровская рассматривают компетентность как «свойство личности». Термин компетентности ученые тесно связывают с понятием профессионализма. Одновременно с проблемой определения понятия компетентности и ее видов встал вопрос о соотношении понятий «компетенция» и «компетентность». Одни ученые считают эти термины синонимичными (В. С. Леднев, В. А. Болотов, В. В. Сериков, М. В. Рыжаков и др.) и определяют их через деятельностные характеристики личности. Другие исследователи (И. А. Зимняя, Р. П. Мильруд, А. В. Хуторской, С. Е. Шишов и др.) видят в данных понятиях принципиальные различия, понимая под компетенцией некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые знания, представления, системы ценностей, которые потом проявляются в компетентности человека (Зимняя, 2006). По мнению А. В. Хуторского, компетенция — это совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно, продуктивно действовать по отношению к ним. Компетентность — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету его деятельности (Хуторской, 2007). Иначе говоря, компетентность есть комплексный личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром с помощью соответствующих компетенций (Мильруд, 2004).

В итоге исследования в этой области оформились в так называемый компетентностный подход, который стал активно развиваться и внедряться в системе

российского высшего образования, особенно в последнее десятилетие. В основе компетентного подхода к определению целей высшего образования лежит стремление к реализации двух основных задач: 1) формирование у обучаемых качеств, необходимых для реализации профессиональной деятельности, т.е. качеств, необходимых работодателю; 2) унификация критериев и параметров оценки результатов современного образования, выражаемых в терминах и результатах, которые будут понятны в любом образовательном учреждении любой страны. Предъявление требований к результатам образования в виде компетенций выводит профессиональное образование на новый уровень. При этом происходит формирование специалиста, способного оперативно адаптироваться к условиям труда, динамично изменяющимся даже в рамках одной профессии (Ломакина, 2012).

Одним из важных видов компетентности, которым должен обладать современный квалифицированный специалист, выступает *коммуникативная компетентность*. Отечественные психологи предлагают различные определения коммуникативной компетентности. Так, М. А. Хазанова коммуникативную компетентность рассматривает как владение языком, умение ориентироваться в объекте общения для создания прогностической модели его поведения, эмпатию, личностные характеристики самого субъекта общения. Г. М. Андреева считает, что это способность к ориентации, а Г. С. Трофимова — ориентированность в различных ситуациях общения. По мнению Л. Д. Столяренко, коммуникативная компетентность представляет собой способность формировать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. Высокую значимость в социальной адаптации коммуникативной компетентности отмечает в своих исследованиях Т. С. Филиппиди и др. (Филиппиди, 2015; Филиппиди, Флоровский, 2014). Л. А. Петровская утверждает, что это система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенных ситуациях межличностного взаимодействия. Е. В. Ключев и И. Н. Горелова определяют коммуникативную компетентность как набор коммуникативных тактик и стратегий, присущих индивиду.

Из перечисленных наиболее интегрирующим различные точки зрения является определение Л. А. Петровской, согласно которой коммуникативная компетентность представляет собой готовность и умение планировать и осуществлять эффективные коммуникативные действия с использованием имеющихся внешних и внутренних ресурсов (Жуков, Петровская, Растянников, 1991), характеризующихся особой структурой, наличием взаимосвязанных компонентов и уровней. Среди базовых компонентов в структуре коммуникативной компетентности выделяют: уровень коммуникабельности, эмпатию, стратегии психологической защиты в процессе общения и стратегии поведения в конфликте (другими словами, предрасположенность к конфликтному поведению).

Окончив профессиональное обучение и выходя на рынок труда в качестве специалиста, выпускник вуза должен владеть компетенциями, определенными для каждого направления обучения в основных образовательных программах высшего профессионального образования. Современные образовательные программы профессий социономического типа (по классификации Е. А. Климова) (Климов, 1995), где объектом труда выступает человек, существенно отличаются в части приобретаемых компетенций от профессий сигнономического типа, где объектом труда выступает знаковая система. Например, среди базовых и профессиональных компетенций психолога как типичного представителя социономических профессий можно выделить владение навыками анализа своей деятельности и умение применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции собственной деятельности и психического состояния, восприятия личности другого, эмпатии, установления доверительного контакта и диалога, убеждения и поддержки людей (ООП ВПО по направлению подготовки «Психология», 2014). Социономическое образование ориентировано в числе прочего на формирование указанных навыков как неотъемлемой составляющей *коммуникативной компетентности* специалиста, тогда как представители сигнономических профессий, к которым не предъявляется требование овладения указанными компетенциями, зачастую испытывают дефицит навыков межличностного общения. То есть студенты-математики (как представители профессии сигнономического типа), будучи профессионалами в своей области, испытывают затруднения при работе с людьми, не способны изменить в нужный момент свое решение, поведение, не испытывают интереса к контактам, дискуссии и диалогу, не имеют навыков выступления перед аудиторией, что снижает их деловую и профессиональную активность.

Можно также утверждать, что сам по себе выбор профессии существенно зависит от личностных характеристик человека. Так, замкнутый, малообщительный молодой человек не будет расположен к выбору профессии социономического типа, где предполагается тесное, длительное общение с людьми, с широкой аудиторией. Кроме того, в процессе обучения в вузе у студентов сигнономических направлений не происходит стимулирования развития навыков межличностного взаимодействия, что будет способствовать снижению коммуникативной компетентности личности профессионала и ослабит его конкурентоспособность.

Цель работы — исследовать особенности коммуникативной компетентности у студентов-математиков на разных этапах обучения.

Гипотеза исследования: существуют различия в особенностях коммуникативной компетентности у студентов-математиков первого и последнего курсов обучения.

Для проверки данной гипотезы было проведено эмпирическое исследование особенностей коммуникативной компетентности студентов-математиков.

В исследовании приняли участие 63 студента факультета математики и компьютерных наук Кубанского государственного университета. Все респонденты были разделены на две группы: студенты 1-го курса (32 чел. в возрасте 17–19 лет, в том числе 18 девушек и 14 юношей) и студенты выпускного 4-го курса бакалавриата (31 чел. в возрасте 20–23 лет, в том числе 12 девушек и 19 юношей).

Выбор методик базировался на теоретическом представлении о структуре коммуникативной компетентности, которая может включать множество различных критериев: уровень коммуникабельности и эмпатии; стратегии психологической защиты в процессе общения; предрасположенность к конфликтному поведению.

Для определения уровня коммуникабельности респондентов использовался тест В. Ф. Ряховского «Оценка уровня общительности» (Ильин, 2009). Уровень эмпатии опрашиваемых студентов оценивался с помощью методики «Диагностика уровня эмпатии» В. В. Бойко (Ильин, 2009). Для определения присущей респонденту стратегии психологической защиты в общении с партнерами использовался опросник «Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В. В. Бойко (Райгородский, 2001). Личностная предрасположенность к конфликтному поведению определялась с помощью теста описания поведения К. Томаса, адаптированного Н. В. Гришиной (Гришина, 1981).

Для статистического анализа результатов исследования полученные данные были переведены из шкалы отношений в порядковую шкалу методом разбиения на интервалы. Для выявления значимых различий в распределении показателей указанных групп использовался критерий χ^2 (хи-квадрат).

Исследование позволило выявить значимые изменения, происходящие в структуре коммуникативной компетентности студентов-математиков в процессе обучения в вузе.

Опишем полученные результаты.

Прежде всего отметим общие особенности коммуникативной компетентности по курсам.

1. Среди студентов 1-го курса немалая часть респондентов имеет уровень коммуникабельности хоть и невысокий, но достаточный для адаптации в новых обстоятельствах, для сближения с незнакомыми людьми. Студенты в меру общительны, а число замкнутых учащихся очень мало. Эмпатийность первокурсников в основном на низком или среднем уровне, стремление к личным контактам они проявляют слабое, мало интересуются проблемами окружающих. В общении в качестве психологической защиты студенты 1-го курса предпочитают избегать сближения, экономя внутренние интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, но в целом миролюбивы, не агрессивны, в конфликтных ситуациях предпочитают компромисс. Однако способность к конкуренции,

соревновательности представлена у первокурсников на чрезвычайно низком уровне.

2. К старшим курсам уровень общительности учащихся существенно снижается, усиливается чувство неуверенности, проявляется стремление уклониться от новых контактов, споров, диспутов, публичных выступлений. Ослабевает способность к эмоциональной отзывчивости и эмпатическому восприятию собеседника, а также к сопереживанию, постановке себя на его место. Уровень соперничества, стремления добиться удовлетворения своих интересов незначительно возрастает, но так и не достигает высокого уровня к моменту окончания обучения. В общении старшекурсники, как и первокурсники, предпочитают ограждать свой внутренний мир от внешних вмешательств через коммуникацию, стремясь сберечь внутренние ресурсы. Они утрачивают часть способностей к партнерству и сотрудничеству, становятся более агрессивными в общении, что может свидетельствовать об усилении ощущения дискомфорта, некой угрозы для их субъектной реальности в процессе профессионального становления

Далее в ходе проверки гипотезы исследования были выявлены различия в особенностях коммуникативной компетентности студентов-математиков.

1. Отмечены значимые различия в показателях уровня коммуникабельности респондентов разных групп на уровне значимости $p < 0,01$ ($\chi^2_{\text{эмп}} = 16,02$; $\chi^2_{\text{кр}} = 9,49$). В обеих группах доля респондентов со средним уровнем общительности одинакова и составляет примерно треть от общего числа, но на 4-м курсе заметно выше доля студентов с низким уровнем общительности (30% против 6% среди первокурсников). В группе выпускников, в отличие от первокурсников, отсутствуют респонденты с высоким уровнем общительности, а с уровнем выше среднего выявлен лишь один респондент.

Для выпускного курса студентов-математиков не характерен высокий уровень коммуникабельности, в отличие от учащихся первого курса, у которых этот показатель хоть и незначительно, но представлен. Значительно возросло к 4-му курсу число студентов с низким уровнем коммуникабельности.

2. Обнаружены значимые различия в показателях уровня эмпатии респондентов на уровне значимости $p < 0,05$ ($\chi^2_{\text{эмп}} = 10,69$; $\chi^2_{\text{кр}} = 5,98$). Высокий уровень эмпатии не характерен ни для одной из исследуемых групп, доля респондентов с очень низким уровнем эмпатии одинакова в обеих группах (около 16%). Однако обнаружены существенные различия в распределении показателей низкого (первокурсники — 43% респондентов, выпускники — 77,5%) и среднего уровней эмпатии (41 и 6,5% соответственно). Кроме того, отмечены близкие к значимым различия по следующим параметрам: «установки, способствующие или препятствующие эмпатии» — $\chi^2_{\text{эмп.}} = 5,79$ ($\chi^2_{\text{кр}} = 5,98$) (уровень значимости $p < 0,1$) и «идентификация» — $\chi^2_{\text{эмп.}} = 5,82$ ($\chi^2_{\text{кр}} = 5,98$) (уровень значимости $p < 0,1$).

В группе выпускников отмечены более низкие показатели указанных параметров по сравнению с первокурсниками.

Результаты исследования уровня эмпатии показали, что способность студентов-математиков 4-го курса эмоционально отзываться на переживание других людей заметно ниже таковых способностей учащихся начального курса.

3. Ведущей стратегией психологической защиты в общении в обеих группах стало избегание. Но у групп были отмечены различия в показателях по таким поведенческим стратегиям, как миролюбие (различие с достоверностью 80%) и агрессия (различие с достоверностью 70%) – нетипичное указание вероятности неслучайного различия средних величин. В группе первокурсников преобладает средний уровень показателя «миролюбие», а часть респондентов продемонстрировали высокий уровень этого показателя. В группе выпускников число респондентов с низким уровнем показателя «миролюбие» значительно выше, а респондентов с высоким уровнем нет. Что касается поведенческой стратегии «агрессия», то в первой группе преобладает низкий её уровень, а во второй — средний.

Таким образом, для студентов как младших, так и старших курсов ведущей стратегией защиты в общении остается избегание. От первого курса к выпускному для большей части учащихся характерно снижение показателя «миролюбие». Наблюдается возрастание от начального года обучения к 4-му курсу уровня агрессии.

4. Проведенный анализ показал, что в конфликтных ситуациях у обеих групп респондентов (1-й и 4-й курс) в поведении доминирует компромисс, второе место занимает такая форма поведения, как избегание. Однако по параметру «соперничество» группы продемонстрировали значимые различия на уровне значимости $p < 0,05$ ($\chi^2_{\text{эмп}} = 12,1$; $\chi^2_{\text{кр}} = 7,8$): 44 и 22% — очень низкий и низкий уровень соперничества соответственно в первой группе; 16 и 42% — соответственно во второй; 12 и 22% — средний и высокий уровень соперничества соответственно в первой группе; 35,5 и 6,5% — соответственно во второй.

Также отмечены различия (с достоверностью 70%) групп в показателях по параметру «избегание»: в первой группе очень низкий и низкий уровни избегания продемонстрировали соответственно 3 и 38% респондентов, а во второй — 6,4 и 29%. Средний и высокий уровни соперничества выявлены соответственно у 56 и 3% респондентов первой группы и у 48,4 и 16,2% — у респондентов второй группы.

Таким образом, большинству учащихся первого курса свойственен очень низкий уровень соперничества как формы поведения в конфликтных ситуациях, к 4-му курсу заметно возрастает число студентов со средним уровнем соперничества. Высокий же уровень этого показателя мало отмечен как в первой, так и во второй группе.

Итак, сформулированная в данной работе гипотеза о различиях в особенностях коммуникативной компетентности студентов сигнономических профессий нашла свое подтверждение.

Было выявлено, что коммуникативная компетентность студентов-математиков на начальной стадии профессионального обучения невысока, а к концу обучения наблюдается заметная её регрессия. Так, конкуренция, слабо выражена у всех студентов-математиков, имеет малую положительную динамику на протяжении обучения, но так и не достигает высокого уровня к моменту окончания обучения. Для выпускного курса характерны более низкие показатели коммуникабельности и эмпатии по сравнению с учащимися первого курса. Для студентов-математиков ведущей стратегией защиты в общении служит избегание, стремление защитить свою субъектную реальность путем экономии интеллектуальных и эмоциональных ресурсов. В процессе обучения наблюдается снижение способности к партнерству и сотрудничеству, умения идти на компромиссы. В то же время возрастает уровень агрессии, усиливается ощущение угрозы для субъектной реальности студентов в процессе профессионального становления.

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблемы личности и ее профессионального становления в сигнономической специальности. Можно предположить, что различия обусловлены изменением особенностей коммуникативной компетентности личности в ходе обучения, так как высокая включенность личности в образовательную профессиональную среду, насыщенную коммуникацией «человек-знак», постепенно деформирует имеющиеся коммуникативные навыки и уж точно их не развивает. Безусловно, полученные результаты требуют дальнейшего уточнения, но уже сейчас можно говорить о том, что студент-математик нуждается в профилактике или даже коррекции своих коммуникативных навыков, которые будут ему необходимы в производственной деятельности в общении с коллегами, заказчиками, руководством и в других сферах социальной жизни.

Библиографический список

1. Батаршев, А. В. (2006). *Диагностика способности к общению*. Санкт-Петербург: Питер.
2. Бедерханова, В. П., Бондарев, П. Б., Игнатович, В. К., Курочкина, В. Е., Хагуров, Т. А. (2010). *Управление качеством общего образования в условиях реализации комплексного проекта модернизации системы образования Кубани: гуманистический и компетентностный подходы*. Краснодар: Просвещение-Юг.
3. Гришина, Н. В. (1981). *К вопросу о предрасположенности к конфликтному поведению. Психические состояния*. Ленинград.
4. Жуков, Ю. М., Петровская, Л. А., Растянников, П. В. (1991). *Диагностика и развитие компетентности в общении*. Москва.

5. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования. *Интернет-журнал «Эйдос»*. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
6. Зотова, И. Н. (2006). Характеристика коммуникативной компетентности. *Известия ТРГУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика»*, 68 (13), 225–227.
7. Иванов, Д. А., Митрофанов, К. Г., Соколова, О. В. (2003). *Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий*. Учеб.-метод. пособие. Москва: АПКПРО.
8. Ильин, Е. П. (2009). *Психология общения и межличностных отношений*. Санкт-Петербург.
9. Климов, Е. А. (1995). *Образ мира в разнотипных профессиях*. Москва.
10. Коган, Е. Я. (2001). Компетентностный подход и новое качество образования. В *Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию*. Под ред. А. В. Великановой. Самара: Профи.
11. Ломакина, Г. Р. (2012). Компетентностный подход как прагматико-ориентированный подход к результатам высшего образования. *Теория и практика общественного развития*, 12, 217–221.
12. Мильруд, Р. П. (2004). Компетентность в изучении языка. *ИЯШ*, 11, 30–36.
13. ООП ВПО по направлению подготовки «Психология». Режим доступа: <http://db.edu.kubannet.ru/infoneeds/guests/selectspeciality.jsp?fid=14>.
14. Основы социально-психологической теории (1995). В *Международная педагогическая академия*. Под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. Москва.
15. *Психологические тесты*. (2007). Под ред. А. А. Карелина. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС.
16. Равен, Дж. (2002). *Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация*. Москва.
17. Райгородский, Д. Я. (2001). *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Учеб. пособие. Самара.
18. Филипиди, Т. С. (2015). Взаимодействие операционально-поведенческих и ценностно-смысловых компонентов в структуре социально-коммуникативной компетентности личности с опытом компенсации затруднённого психического развития (на материале старшего подросткового возраста). *Психология. Экономика. Право*, 1, 29–38.
19. Филипиди, Т. С., Флоровский, С. Ю. (2014). Взаимосвязь социально-коммуникативных умений и копинг-стратегий подростков с компенсированной затрудненностью психического развития. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 124–141.
20. Хомский, Н. (1972). *Аспекты теории синтаксиса*. Пер. с англ. Москва.
21. Хуторской, А. В. (2003). Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования. *Народное образование*, 2, 58–64.
22. Хуторской, А. В. (2007). *Современная дидактика*. Москва.
23. Light, J. & McNaughton, D. (2014). Communicative competence for individuals who require augmentative and alternative communication: A new definition for a new era of communication? *AAC: Augmentative and Alternative Communication*, 30 (1), 1–18

24. Pitts, M. J. & Harwood, J. (2015). Communication accommodation competence: The nature and nurture of accommodative resources across the lifespan. *Language and Communication*, 41, March 01, 89–99.
25. Verdugo, A. A. G. & Fierro, R. O. I. (2014). Media consumption patterns and communicative competence of university students. *Global Media Journal, Canadian Edition*, 7 (2), 23–39.
26. While, R. W. (1959). Motivation reconsidered: The concept of competence. *Psychological review*, 66 (5), 297–333.

Статья поступила в редакцию 14.04.2015.

.....

FEATURES OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS OF MATHEMATICS

Savchenko S. V.

Savchenko Svetlana Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: svsavchenko@kubsu.ru.

The article presents the results of research of communicative characteristics of students mathematicians.

Important component of professional success in the modern world is the complex personal resource of the expert providing effective communication. Communicative competence is the essential factor defining ability of the personality to a public statement, discussion, negotiating, permissions of the production conflicts, etc.

In the course of research features of a level of development of communicative competence at students-mathematicians are revealed (this specialty is a profession of signonomical type according to E. A. Klimov's classification). Skill to communicate level, empathy, strategy of psychological protection in communication and predisposition to conflict behavior of 63 students mathematicians of the Kuban state university were studied.

The hypothesis that there are distinctions in features of communicative competence of students mathematicians of the first and last courses of higher education institution was confirmed. It appeared that students of a final year have lower indicators of skill to communicate and empathy in comparison with pupils of the first course. In the course of training decline in the ability to partnership and cooperation, abilities to go on compromises is observed. At the same time aggression level increases, the feeling of threat for subject reality of students in the course of professional formation amplifies.

The general tendencies in features of communicative competence are revealed. For students mathematicians the leading strategy of protection in communication is avoiding, protection the subject reality by economy of intellectual and emotional resources. The competition which is poorly expressed at all students mathematicians has low positive dynamics throughout training, but doesn't reach high level by the time of the end of training.

Key words: communicative competence, signonomical type of a profession, competence.

References

1. Batarshhev, A. V. (2006). *Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu* [Diagnostics of ability to communication]. St. Petersburg: Piter.
2. Bederkhanova, V. P., Bondarev, P. B., Ignatovich, V. K., Kurochkina, V.E. & Khagurov, T.A. (2010). *Upravlenie kachestvom obshchego obrazovaniya v usloviyakh realizatsii kompleksnogo proekta modernizatsii sistemy obrazovaniya Kubani: gumanisticheskij i kompetentnostnyy podkhody* [Quality management of the general education in the conditions

- of implementation of the complex project of modernization of an education system of Kuban: humanistic and competence-based approaches]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.
3. Filipidi, T. I. (2015). Vzaimodeystvie operatsional'no-povedencheskikh i tsennostno-smyslovyykh komponentov v strukture sotsial'no-kommunikativnoy kompetentnosti lichnosti s opytom kompensatsii zatrudnennogo psikhicheskogo razvitiya (na materiale starshego podrostkovogo vozrasta) [Interrelation of operational-behavioral and valuable-semantic components in structure of socio-communicative competence of personality with compensatory experience of overcoming of difficult psychological development (by the example of senior teenagers)]. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo* [Psychology. Economy. Right], 1, 29–38.
 4. Filipidi, T. I. & Florovskiy, S. Yu. (2014). Vzaimosvyaz' sotsial'no-kommunikativnykh umeniy i koping-strategiy podrostkov s kompensirovannoy zatrudnennost'yu psikhicheskogo razvitiya [Interrelation of socio-communicative skills and coping strategies of teenagers with compensated difficulties of psychological development]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community Management], 1, 124–141.
 5. Grishina, N. V. (1981). *K voprosu o predraspolozhennosti k konfliktному поведению. Psikhicheskie sostoyaniya* [To a question of predisposition to conflict behavior. Mental states]. Leningrad.
 6. Il'in, E. P. (2009). *Psikhologiya obshcheniya i mezhluchnostnykh otnosheniy* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg.
 7. Ivanov, D. A., Mitrofanov, K. G. & Sokolova, O. V. (2003). *Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii. Problemy, ponyatiya, instrumentariy* [Competence-based approach in education. Problems, concepts, tools]. Moscow: APKiPRO.
 8. Karelin, A. A. (Ed.) *Psikhologicheskie testy* [Psychological tests]. (2007). Moscow: Vldos-Press.
 9. Khomskiy, N. (1972). *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow.
 10. Khutorskoy, A. V. (2003). Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno orientirovannoy paradigmy obrazovaniya [Key competences as a component of personally focused education paradigm]. *Narodnoe obrazovanie* [National education], 2, 58–64.
 11. Khutorskoy, A. V. (2007). *Sovremennaya didaktika* [Modern didactics]. Moscow.
 12. Klimov, E. A. (1995). *Obraz mira v raznotipnykh professiyakh* [An image of the world in polytypic professions]. Moscow.
 13. Kogan, E. Ya. (2001). Kompetentnostnyy podkhod i novoe kachestvo obrazovaniya [Competence-based approach and new quality of education]. In A. V. Velikanova (Ed.) *Sovremennye podkhody k kompetentnostno-orientirovannomu obrazovaniyu* [Modern approaches to the competence-based focused education]. Samara: Profi.
 14. Light, J. & McNaughton, D. (2014). Communicative competence for individuals who require augmentative and alternative communication: A new definition for a new era of communication? *AAC: Augmentative and Alternative Communication*, 30 (1), 1–18
 15. Lomakina, G. R. (2012). Kompetentnostnyy podkhod kak pragmatiko-orientirovanny podkhod k rezul'tatam vysshego obrazovaniya [Competence approach as a practice-oriented approach to the higher education's results]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 12, 217–221.

16. Mil'rud, R. P. (2004). Kompetentnost' v izuchenii yazyka [Competence of studying of language]. *IYaSh*, 11, 30–36.
17. OOP VPO po napravleniyu podgotovki "Psikhologiya" [OOP VPO in the direction of preparation "Psychology"]. Retrieved from: <http://db.edu.kubannet.ru/infoneeds/guests/selectspeciality.jsp?fid=14>.
18. Osnovy sotsial'no-psikhologicheskoy teorii (1995). In A. A. Bodalev, A. N. Sukhov (Eds.) *Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya* [International pedagogical academy]. Moscow.
19. Pitts, M. J. & Harwood, J. (2015). Communication accommodation competence: The nature and nurture of accommodative resources across the lifespan. *Language and Communication*, 41, March 01, 89–99.
20. Raven, Dzh. (2002). *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyyavlenie, razvitie i realizatsiya* [Competence of modern society. Identification, development and realization]. Moscow.
21. Raygorodskiy, D. Ya. (2001). *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Techniques and tests]. Samara.
22. Verdugo, A. A. G. & Fierro, R. O. I. (2014). Media consumption patterns and communicative competence of university students. *Global Media Journal, Canadian Edition*, 7 (2), 23–39.
23. While, R. W. (1959). Motivation reconsidered: The concept of competence. *Psychological review*, 66 (5), 297–333.
24. Zhukov, Yu. M., Petrovskaya, L. A. & Rastyannikov, P. V. (1991). *Diagnostika i razvitie kompetentnosti v obshchenii* [Diagnostics and development of competence of communication]. Moscow.
25. Zimnyaya, I. A. Klyuchevye kompetentsii — novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya [Key competences — a new paradigm of result of modern education]. *Internet-zhurnal "Eydos"* [Internet magazine "Eydos"]. Retrieved from: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
26. Zotova, I. N. (2006). Kharakteristika kommunikativnoy kompetentnosti [Characteristic of communicative competence]. *Izvestiya TRGU. Tematicheskij vypusk "Psikhologiya i pedagogika"* [TRGU news. Thematic release "Psychology and pedagogics"], 68 (13), 225–227.

МИФОЛОГЕМА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ГЕТЕРОТОПНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ¹

Хлыщева Е. В.

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: culture_mar@mail.ru.

Данная статья посвящена проблеме межкультурного взаимодействия современных обществ. Цель данной статьи — выявить причины продуктивного функционирования современного мифа в различных формах и культурных артефактах, среди которых особо следует выделить механизм определения «свой-чужой», тесно связанный с идеологией общества потребления. Основная задача — обозначить новое отношение к пространству и миру, используя гетеротопный подход, ломающий сложившиеся стереотипы и конструирующий целостное пространство, позволяя одновременно объяснить мифологические и реальные миры. Такой подход представляется необходимым в силу устойчивости структурных элементов мифа и их включенности во все сферы деятельности человека современного культурного пространства. Особо наглядно мифологические стереотипы воспроизводятся в межкультурном общении, затрагивая все уровни коммуникации: от профессионального до бытового. В основе такого взаимодействия лежит четкое различие «своих» и «чужих», что уже не соответствует изменяющимся социокультурным условиям, когда мощные миграционные потоки сталкивают культуры между собой.

Адаптационную функцию в современном обществе начинает играть культура потребления, однако и здесь четко определяются границы между своими и чужими через потребительские практики. А актуализация доминирующего культурного кода происходит с помощью мифологем.

В современном обществе гетеротопия проявляется в разновекторной направленности дихотомии «свой-чужие». Затрагивая глубины сознания индивида, именно миф закладывает определенные модели поведения, создавая устойчивые стереотипы различения.

Выводы были подтверждены социологическими исследованиями, позволившими выявить особенности восприятия информации и степень «замифологизированности» сознания людей, принадлежащих к разным этноконфессиональным группам и социальным уровням.

Ключевые слова: гетеротопия, «свой-чужой», общество потребления, мифологема, мифосознание, стереотип, симулякр.

Введение

Общество в большей своей части стойко воспроизводит стереотипы, исходя из своих культурных паттернов в плоскости «Свой — Чужой», что является

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».

определяющим при всех культурных контактах. Стереотипы управляют процессом восприятия информации, подгоняемой под устойчивую общую формулу, что делает сам процесс восприятия относительно легким и лишенным критического анализа. Для закрепления стереотипа в сознании чаще всего используется метод повторения, однако это не единственный способ. Не менее важным является мифотворчество, усиленное в современном обществе компьютерными технологиями и «миром симулякров» экранной культуры.

Именно язык мифа, благодаря своей исконной символичности, оказался самым удобным для выражения «вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и культурного космоса» (Кемерова, Керимова, 2003). Однако со временем стереотипы вступают в противоречие с изменяющимися социокультурными условиями, а потому начинают затруднять взаимодействие культур и мешают их взаимопониманию.

Своеобразным маркером соответствия/несоответствия реалиям является механизм «включения/исключения, конструирующий символические границы между сообществами» (Cohen, 1985), отделяющий Своих от Чужих и определяющий первое «как норму и второе — как девиацию» (Cohen, 1985). Изменение социокультурного пространства влечет за собой необходимость трансформации механизма адаптации как своих, так и чужих, что представляет определенную трудность ввиду проблематичности перехода на новый уровень осознания самой проблемы.

Цель данной статьи — выявить причины продуктивного функционирования современного мифа в различных формах и культурных артефактах, среди которых особо следует выделить механизм определения «свой-чужой», тесно связанный с идеологией общества потребления. По сути, миф по-прежнему выступает одним из ключевых средств конструирования системы ценностей и установления социального порядка.

Основная задача — обозначить новое отношение к пространству и миру, используя гетеротопный подход, предлагающий взгляд на пространство как «неразрывно внутренне взаимосвязанное, взаимообусловленное такими явлениями, как время, история, развитие, человек обыкновенный, повседневность» (Фуко, 2006).

Методы и подходы

Базовой методологией исследования является гетеротопный подход, позволяющий по-новому рассмотреть привычные культурные явления, ломая сложившиеся стереотипы и помогая выйти на более конструктивный уровень межкультурного общения. Гетеротопии конструируются как пространства, одновременно мифологические и реальные, с воображаемыми и материальными элементами. Они не существуют изолированно, но становятся заметны из-за своих отличий от других мест, нарушая пространственные отношения или предлагая их альтернативные репрезентации. Гетеротопии обычно хранят следы

первоначального замысла и тем самым соотносятся с мифологической картиной мира, где миф не случаен, а представляет собой жизненную необходимость.

Гетеротопный подход становится востребованным для научного мышления конца XX столетия, проявив проблемное поле культуры рубежа столетий и обозначив специфику преломления, способов и средств видения, концептуализации пространства, пространственных отношений, а также соотносимых с ними явлений и понятий (Шестакова, 2014).

Поскольку цель статьи — выявить причины продуктивного функционирования современного мифа в гетеротопном пространстве, необходимо проанализировать трансформацию самого мифа в условиях общества потребления и выявить мифологическую основу массовой культуры. Для этого используется комплексная система методов, в основе которой лежит сравнительная аналитика механизмов распространения мифологической картины мира в процессах социального взаимодействия в их историческом развитии.

Анализ процесса мифологизации современного культурного пространства массового общества реализуется через полипарадигмальность и интердисциплинарность, которые представляют возможность рассмотреть объект во всей его многосторонней целостности.

Общество потребления рассматривается в статье как общество «нового типа» (Бауман, 2004), характеризующееся массовым потреблением материальных благ и соответствующей системой ценностных ориентаций, вызвавшей к жизни феномен демонстративного потребления. Особенности знаковой природы такого потребления исследуются в работах западных исследователей (Бурдье, 2001; Бодрийяр, 2006; Веблен, 1984; Зиммель, 1996; Ильин, 2000; Фромм, 2000; Маркузе, 2002; Тоффлер, 2002; Гофман, 2004).

Специфика и модели потребления в советском и постсоветском обществе представлены в работах О. Ю. Гуровой, анализирующей динамику изменения отношения к вещам, моде, нормативным повседневным практикам обращения человека с бытовыми вещами в советском обществе (Гурова, 2005), О. Г. Ечевской, исследующей практики потребления, являющиеся «в представлениях людей маркерами бедности и богатства» и способы выстраивания социальных различий вокруг таких маркеров (Ечевская, 2010), В. И. Ильина, изучавшего социальное пространство общества потребления, обуславливающее поведение разных групп потребителей (Ильин, 2000, 2008), Фуркина Б. А., выявившего символический характер потребления в пространстве виртуальной реальности (Фуркин, 2012) и др.

В идее символического потребления Ж. Бодрийяр видит один из важнейших вызовов современности. Объектом потребления становятся функциональные симулякры, служащие средством снятия психологического напряжения. Поэтому общество потребления «в себе самом есть свой собственный миф» (Бодрийяр, 2006), вне мифа оно просто не существует.

В нашем исследовании мы придерживаемся понимания мифа как сложной символической формы, сосуществующей даже с наукой, и в то же время способной самостоятельно конструировать действительность, т.е. фиксировать сопричастность человека с природой и обществом. Трансформируясь в процессе цивилизационного развития общества, миф по-прежнему остается одним из способов человеческого бытия в культуре. И несмотря на то, что современные мифы по содержанию и по форме отличаются от древних, они все также влияют на умы и поступки массового человека, который даже не подозревает, что живет в мире мифа-симулякра.

Современная социокультурная ситуация демонстрирует устойчивость структурных элементов мифа и их включенность во все сферы культурной деятельности человека. В науке в последнее время появилось немало исследований, анализирующих наличие мифологических элементов в сознании современного человека (Барт, 2003; Кассирер, 2003; Кэмпбелл, 1971; Латса, 2013; Липпманн, 2007; Мак-Гуайр, 2004; Филиппова, 2002). Значительный вклад в осмысление проблем мифа и социального мифотворчества, их роли и особенностей, возможностей и последствий внесли отечественные ученые (Иконникова, 2005; Костина, 2011; Раздьяконова, 2009; Рамазанова, 2004; Сыров, 2010; Ученова, 2012), подчеркивающих разнообразие форм современного мифотворчества в пространстве культуры современного общества. Удовлетворяя социокультурную потребность в целостном знании, миф организует и регламентирует жизнь человека, предписывая правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума. Этим обуславливается теоретическая и практическая актуальность исследования степени отражения мифа в обществе потребления.

Мифологические стереотипы общества потребления: культурологический анализ

Говоря об исторических причинах появления общества потребления, исследователи называют: «последствия Второй мировой войны, разрушившей аграрную экономику и «аристократическую» систему» (Бауман, 2004); «увеличение объемов выпускаемой продукции, замена ручного производства машинным, «конвейерным», стремлением к смыыванию границ между товарами массовыми и элитарными» (Радаев, 2005); «маркетинговую революцию и изменения в формировании нового информационного пространства» (Ильин, 2000); «изобилие товаров и услуг, представленных в многочисленных торговых центрах, приводящих к росту консюмеризма» (Бодрийяр, 2006) и т.д.

Общество потребления нацелено на удовлетворение масс всевозможными товарами, с целью снижения через абсолютное потребление социальной напряженности. Однако именно такой подход рождает современные мифологемы потребления и рассматривается большинством исследователей как иллюзия (Бодрийяр, 2013; Ильин, 2000; Фромм, 2000; Маркузе, 2002 и др).

Как первая форма познания человеком мира миф создает типовые модели общественного поведения, на основании которых народ воспитывался в соответствии с запросами социума. Эта функция мифологии остается актуальной и на сегодняшний день, когда могущественная сила мифа используется в этнокультурных и государственных нуждах.

Чаще всего мифологические структуры сознания проявляются в повседневном обыденном сознании, в котором не всегда рационально освоено накопленное культурой знание. В результате сохранение в современных структурах мышления мифологического восприятия мира не зависит от развития научных форм мышления, хотя в чем-то и трансформируется под влиянием научного опыта и ее практики. Поэтому миф все еще способен поработить сознание, не обременяющее себя рациональными логическими процедурами мышления.

Затрагивая глубины сознания индивида, именно миф закладывает определенные модели поведения, создавая устойчивые стереотипы различия. В этом случае рациональные знания, идеи, здравый смысл уже не являются определяющими регуляторами действий индивида. Сегодня миф скорее представляет набор «правильных» суждений и реакций в конкретных ситуациях повседневности, что освобождает индивида от необходимости самостоятельно принимать решение. Но современные мифы, базируясь на архаических «истинах», изменяют последние до неузнаваемости по причине отсутствия опыта осмысления мира конкретным индивидом. Как результат, миф становится симулякром.

Соединяя «несоединимое» в едином пространстве, миф представляет мир в виде «облеченных в конкретную чувственную форму абстрактных идей, воспринимаемых как непосредственная, живая реальность» (Бодрийяр, 2006), а современный массовый человек, испытывая явный недостаток образования, субъективно подходит к любой полученной информации, сводя в одно религиозные системы, исторические события, политику, рекламу и т.п., что делает его легкой «добычей» мифа.

С помощью мифологем происходит актуализация доминирующего культурного кода. Если в обществе существует проблема, не имеющая однозначного решения, то именно такая проблема, как правило, становится фундаментом для рождения мифологем. отождествление образа с определенным мифическим сюжетом автоматически включает механизмы эмоциональной сопричастности и сопереживания.

Особое внимание уделяется созданию коллективных мифов, где активно используются укоренившиеся в коллективном сознании архетипы и образы, причем, чем более абстрактный облик приобретают архетипы, тем больше они требуют наглядного воплощения и легче могут быть заполнены любым наглядным содержанием. Поэтому переполненность современной информационной сферы реальными фигурами и историческими сюжетами «не должна порождать иллюзии по поводу победы просветительских интенций современной культуры»

(Сыров, 2010). Напротив, использование реальных дат и исторических событий только усиливают процессы мифологизации сознания.

Так, всплеск интереса к этнической мифологии 90-х гг. объясняется социальной необходимостью снизить недовольство населения и «переключить» внимание на межнациональные проблемы (пусть даже искусственно созданные). Кроме того, этническая самоидентификация осталась практически единственным действенным рычагом управления в то время. Плодотворно функционирующая мифологема о дружбе народов в СССР перестала удовлетворять новым реалиям, диктуя потребность создания иной мифологемы, построенной уже на этическом самосознании, основу которого составляет гордость за свой великий народ, базирующаяся на сказаниях-былинах о богатырях и их подвигах, великих именах культурных деятелей и блестящих достижениях в прошлом. Насущными становятся проблемы сохранения исконного языка, возрождения традиционных ценностей и обычаев своих предков.

С одной стороны, такие начинания достойны похвалы, однако, отражая стремление к повышению этнополитического статуса, часто содержат претензии к другим народам, что не способствует конструктивным взаимоотношениям. Наглядным примером создания такой мифологии является перекраивание истории в республиках, отделившихся от СССР. Такие мифы демонстрируют высочайшую степень развития ксенофобии, способствующей нагнетанию межэтнической напряженности.

Достаточно распространены мифы и о славных предках-славянах, которые были цивилизованнее своих соседей-европейцев. Для примера можно посмотреть фильмы, снятые М. Задорновым («Рюрик. Потерянная быль», «Рюрик. Откуда пошла земля русская», планируется фильм о вещем Олеге). В еще большей степени дезинтегрирующие мифы характерны для «нерусских» регионов, где этническому прошлому придается особое значение. Часто такое возвеличивание исключительно своих предков приводит к разному толкованию одних и тех же событий, а это не может способствовать укреплению добрососедских отношений, приводя, напротив, к четкому делению на «своих» и «чужих».

Мифосознание предполагает опустошение содержания используемых сюжетов, превращая их в символы или знаки. Для массового сознания такие образы подлинны, потому что растиражированы до уровня повседневности и профанированы. Главное, чтобы подача культурного материала носила красочный, яркий, доступный, наглядный характер. Именно это позволяет мифам стать способом защиты от потока новаций, интегрируя последние в свою структуру.

Благодаря такой технологии мифология массового общества может эффективно сосуществовать с любым типом культуры. Суть данного сосуществования — «уметь скользить по поверхности культурного пространства, никуда не углубляясь и ни к чему не прикипая душой» (Сыров, 2010). Это означает умение принимать любые объекты исключительно как символы, которые могут постоянно изменяться.

Каждый человек всем своим образом жизни создает «текст», с помощью которого он говорит о себе: о своем социальном положении, этноконфессиональной принадлежности, вкусе, уме, такте и т.д. Иногда «мы пишем текст своим стилем потребления сознательно, заранее предвидя реакцию окружающих, рассчитывая на нее, в других случаях это делается автоматически, по привычке» (Ильин, 2008). Окружающие лишь «считывают» информацию, но далеко не всегда так, как это хотел сказать автор, понимая «текст» на своем уровне восприятия.

Иными словами, создается культурное поле со своим языком, в рамках которого происходит идентификация индивида. В пределах существующего культурного поля всегда присутствует своеобразное навязывание стандартов поведения и общения. Субъективный (индивидуальный или групповой) выбор культурных программ на первый взгляд представляется результатом действия индивидуальных механизмов. Однако, за якобы свободным выбором индивида всегда стоит скрытое принуждение тех социокультурных полей, в которых он находится: семьи, друзей и знакомых, культурных особенностей религиозной общности, города, страны. А принятые здесь стандарты поведения и ценности спланируют «своих» и вытеснят «чужих». «Покажи мне, что ты потребляешь, и я скажу, кто ты» (Ильин, 2007). И индивид, знающий язык своего поля, формирует свое потребление с учетом известных ему правил. Он не просто потребляет, но и общается окружающим текст о себе, манипулирует их впечатлениями.

«Свои» пользуются определенной системой потребительских знаков «по которым узнают» принадлежность к определенному слою независимо от желания индивида. Более того, люди, прошедшие социализацию в определенном слое, чувствуют дискомфорт от пребывания в чужом поле. Данной проблеме посвящены многие произведения литературы и кинематографа («Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура» М. Твена, фильмы «Красотка», «Их поменяли местами» и т.д.).

В каждом обществе формируется набор критериев, с помощью которых общественное мнение описывает границы между своими и чужими. Идентификация чаще всего происходит по видимым предметам потребления, которым придается статус символов принадлежности к определенной группе.

В современном обществе гетеротопия проявляется в разновекторной направленности дихотомии «свой-чужие». Это уже не просто классовое или этнокультурное разделение. Доминирующим признаком становится «эклектизм как нулевая степень общей культуры» (Зверева, 2011).

Нахождение людей в условиях относительно однотипного уровня жизни формирует соответствующий потребительский уровень, т.е. специфический набор критериев «нормальной жизни», принятый в данной группе и формирующий субкультуру, которая позволяет отличить «нас» от «них».

Сегодня именно культура потребления является своеобразным механизмом адаптации в обществе. Она разделяется большинством общества (чаще всего)

или его элитой, имеющей достаточно сил, чтобы навязывать свои вкусы как проявление «истинной» культуры.

Принадлежность к той или иной потребительской группе обозначается через систему потребительских знаков и одним из способов «узнавания» является престижное, показное потребление. Это ведет к конструированию границы через потребительские практики.

На мотивы покупки и потребительские предпочтения огромное влияние оказывают мифы, которые на обыденном уровне превращаются в притчи, сказки, суеверия, амулеты, сны, поверья, догмы. Если человек вместе с вещью покупает его миф, то он приобретает нечто большее, чем вещь. Он покупает созвучие со своей картиной мира. Элементами культуры потребления являются ценности и нормы, которые формируются в семье и передаются из поколения в поколение. Поэтому во многом потребление определяется доходом семьи. Но в массовом обществе ценности формируются специальными структурами, направленными на увеличение потребления: «то, что не востребовано, просто не имеет права на существование». Поэтому характер потребления тесно связан с воспитанием потребительских предпочтений.

Наглядно это проявляется в России, где уже с начала 2000-х гг. быстро произошло деление на «богатых», для которых характерна относительно высокая планка платежеспособности и «бедных», потребительская корзина которых сведена к минимуму. Маркером такой границы стали потребительские практики. Так, символом принадлежности к богатым выступают многоэтажные комфортабельные коттеджи в пригородах больших городов, а символом бедности — «трущобное» жилье (разваливающиеся частные дома без удобств, комнаты в «малосемейках», общежитиях, в разваливающихся блочных домах в плохих районах городов).

Однако в силу уже упомянутых факторов, в России на роскошном автомобиле придется ездить по дорогам с плохим покрытием, и «никто не гарантирует, что этот автомобиль не заправят разбавленным бензином» (Ильин, 2007). Можно иметь большие деньги, но сложно найти работников, которые сделают все качественно. «Элитные» дома окружены «трущобами», общежитиями или частными домиками, и социальных проблем избежать не удастся ни бедным, ни богатым, поэтому элитные дома превращаются в своеобразные крепости с охраной, теленаблюдением, бронированными дверьми, домофонами и кодовыми замками. Здесь свои законы, своя программа — программа индивидуального успеха.

Даже реклама, ориентированная на зарубежные стандарты массового потребления и столь успешная в западных странах, особого успеха у российского потребителя не имеет в силу того, что преимущества новейшей компьютерно-информационной культуры для большинства населения, проживающего в российской глубинке остаются малодоступными и потому малопривлекательными. Такая реклама

оказывается малоэффективной и воспринимается либо как символика элитарности, либо, что значительно чаще, как раздражающий фактор (Ученова, 2012).

Кроме того, отечественная потребительская культура создает завышенный уровень социальных притязаний, который не подкрепляется ростом реальных доходов населения. А потому не выполняет своей главной функции — социальной адаптации индивида к изменяющимся условиям жизни. В постсоветской России наблюдается резкий разрыв между уровнем доходов высших и низших слоев, четкое разделение на «своих» и «чужих».

И, наконец, немаловажную роль играет практически отсутствие символического ценностного кода современной российской культуры. Нынешняя ценностная символика российской культуры противоречива и эклектична. В ней соседствуют элементы, связанные с традиционализмом и инновациями, духовностью и материальным стяжательством, аристократизмом и криминальностью. Все это отражается и на уровне обыденности, в названиях фирм, кафе и ресторанов, магазинов и товаров, где соседствует кириллица и латиница, в публичной лексике, шоу-бизнесе, TV.

Через посредство медиа массовая культура «возвращается к архаическому восприятию мира, в котором нет начала и конца, не существует разделения на реальное и воображаемое» (Жижек, 2002). Более того, мифические миры начинают восприниматься реальнее, чем сама действительность. Так появляется образ нестабильного мира, где копия «перестаёт быть вторичной по отношению к модели, обман претендует на истинность, изначально не существует, стираются все границы и поглощаются основания» (Делез, 1998). Такие симулякры становятся полноправными объектами, «не соотнесенные ни с какой реальностью, кроме своей собственной» (Бодрийяр, 2013). Именно данные симулякры создают современную жизненную среду массового человека, где нет различия между иллюзией и реальностью, а существует широкая возможность мифотворчества во всех сферах.

В результате формируется постоянная готовность свободного подхода к объяснению окружающего мира, приписывая последнему мифические смыслы и прочно закрепляя пространства за «своими» и «чужими». И дело здесь даже не в активности медийных инстанций, а в способах интерпретации событий и явлений как медиа, так и самим индивидом.

Проведенные социологические исследования (2014–2015 гг.) позволили выявить особенности восприятия информации и степень «замифологизированности» сознания людей, принадлежащих к разным социальным уровням. Опросы проводились среди людей разных возрастов, профессий, этноконфессиональной принадлежности. Объединяло их только место постоянного проживания — Астраханская область.

В целом, все опрошенные признают факт существования мифов в современном обществе. При этом 92% респондентов считают, что миф — это прежде всего

объяснение мира в первобытную эпоху, 8% назвали миф сказкой или жизненной историей.

Говоря о сферах распространения мифологии 65% опрошенных назвали религию, 53% — политику, 13% экономику, 7% — науку. Распространение мифов в повседневной культуре отметили 59% респондентов.

В качестве отличий современного мифа от архаического были названы: меньший символизм современного мифа, упрощенность восприятия, отражение запросов массового человека, использование в коммерческих целях, деление общества на «своих» и «чужих», проникновение во все сферы жизнедеятельности. По мнению респондентов современный миф, в отличие от архаического, не объясняет, а отвлекает массы от конкретных действий по преобразованию окружающего мира. Отличается современный миф утонченной техникой подачи и всегда направляет людей в «нужное русло».

Практически поровну разделились мнения по вопросу необходимости мифа в современной культуре: да ответили 54% респондентов, нет — 46%. Последствиями мифологического восприятия мира были названы: большой вред обществу и себе (12%), помощь в понимании мира (27%), просто интересно (41%). Показателен тот факт, что только 41% опрошенных считают, что мифами в жизни руководствоваться нельзя.

Примерами наиболее часто встречающихся мифов в современном обществе стали мифы «успеха» (35%), «свободы выборов» (14%), мифы о демократии (4%), о «Золушке» (16%), о супермене (20%), о «маленьком человеке» (12%), «богатые тоже плачут» (20%).

Из качеств, которыми нужно обладать, чтобы распознать миф, были названы необходимость научного мышления (55%) и широкий кругозор (76%). Интересно, что за необходимость научного мышления студенты ратуют гораздо меньше, нежели взрослые люди. Более того, часть студентов (11%) считают необходимым для распознавания мифов проникнуться религиозным мышлением, а 3% опрошенных — эмоциональностью.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о наличии в современном обществе проблемы качества восприятия и адекватного реагирования на поданную информацию. Практически повсеместно наблюдается отсутствие критического анализа получаемой информации и неумение соотносить разные материалы для формирования целостной картины мира.

Выводы

Таким образом, мифологема «свой»-«чужой» в современном культурном пространстве наиболее наглядно проявляется в потребительских практиках. Так, в России возникает слой людей, который по своим материальным возможностям может позволить воспроизводство стилей жизни зажиточных групп в развитых

стран мира. В тоже время большинство населения в пространство реального общества потребления не вписывается по причине неплатежеспособности. Вот для них и существует мифология массового потребления.

Устойчивые обобщенные образы «своего» и чужого» упорядочивают мир, четко разделяя его на «добро» и «зло», так как «самоидентификация индивида и сообщества невозможна без оценки отличий «себя» от «чужих» (Баранов, 2014). Растворяясь в группе «своих», индивид начинает непроизвольно враждебно относиться к внешнему окружению. При этом современный человек существует в амбивалентной реальности: с одной стороны, в своих действиях он руководствуется собственным жизненным опытом, но с другой, он живет в мире реальности контролируемой, а иногда и просто навязываемой.

Картина мира складывается не только на основе традиционных знаний и ценностей, в нее вписываются мнения и настроения других по текущим проблемам. При этом не учитывается быстротечность и противоречивость оценки «здесь и сейчас бытия», суждения о котором легко меняются под влиянием эмоций. Кроме того, сама степень восприимчивости к распространяемой информации сильно разнится от индивида к индивиду. Большую роль начинают играть не только возрастные отличия, но и разница в образовании, предпочтениях, что влечет за собой модификацию информации, так как жесткая модель подачи нужной информации уже не срабатывает. А поскольку в информационном обществе информация не может «жить» долго, ее необходимо постоянно обновлять. Из этого вытекает одна из главных функций современных масс-медиа — не отражать, а моделировать «новые миры» на основе виртуальной реальности. Именно таким путем обществу предлагаются необходимые стереотипы поведения, которые определяют степень «нормальности» и «девиантности».

Именно так руководящей инстанцией становится социальный миф, который сознательно деформирует культурные смыслы и заменяет или восполняет недостающее в реальности. Миф обладает внушительной силой воздействия, он способен мобилизовывать большие группы людей. При этом массовые действия могут носить как созидательный, так и разрушительный характер.

Усиливающаяся мифологизация социальных отношений, отражающаяся в медийных структурах, приводит к упрощению картины мира и развитию фрагментарности мышления, в результате чего в коммуникативном пространстве современного мира происходит усложнение процессов социальной коммуникации и увеличение уровней виртуализации социального воздействия.

Социальные мифы, выступая в качестве стереотипов и архетипов на различных уровнях массового сознания, с одной стороны, позволяют человеку ориентироваться в постоянно изменяющемся мире, руководствоваться ими в повседневной жизни, при выборе способов и средств построения желаемого будущего, но, с другой стороны, они препятствуют оперативной перестройке массового сознания в связи с изменяющимися социальными условиями.

Таким образом, доминирующие в обществе мифологемы представляют специфическую интерпретацию бытия, где «иллюзорные духовные образования, наполненные фиктивными идеями, предстают облаченными в рационализированную форму» (Костина, 2011). Процесс же создания мифов осуществляется целенаправленно, основываясь на упрощенном отражении действительности и некритическом ее восприятии. Получается интересное противостояние: без медиа в современном обществе обходиться не может никто, но в то же время мы попадаем под власть медиа-информации, фильтровать которую по-прежнему могут далеко не все. Так, медиа-технологии начинают управлять действиями масс, создавая социальные мифы, которые подсказывают, что нужно делать, как думать и какое принимать решение в определенных ситуациях.

Библиографический список

1. Баранов, А. В. (2014). Роль мифов в конструировании идентичности казачества. *История и современность*, (1), 69–86.
2. Барт, Р. (2003). *Мифологии*. Москва: Изд. имени Сабашниковых.
3. Бауман, З. (2004). *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Москва: Издательство «Весь Мир».
4. Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структура*. Москва: Республика; Культурная революция.
5. Бодрийяр, Ж. (2013). *Симулякры и симуляции*. Тула: Тульский полиграфист.
6. Бодрийяр, Ж. (1995). *Система вещей*. Москва: Рудомино.
7. Борисова, Ю. В. (2014). *Миф как инструмент PR*. Режим доступа <http://vk.com/topic-7898645330922765>
8. Бурдье, П. (2001). *Практический смысл*. Санкт-Петербург: Алейна.
9. Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс.
10. Гофман, А. Б. (2004). *Мода и люди: новая теория моды и модного поведения*. Москва.
11. Гурова, О. Ю. (2005). Идеология потребления в советском обществе. *Социологический журнал*, (4), 117–131.
12. Делез, Ж. (1998). *Логика смысла*. Екатеринбург: «Деловая книга».
13. Ечевская, О. Г. (2010). Практики потребления и различения в контексте социально обусловленных оправданий бедности и богатства. *Регион: экономика и социология*, (1), 129–148.
14. Жижек, С. (2002). *Добро пожаловать в пустыню Реального*. Москва: Фонд «Прагматика культуры».
15. Зверева, Е. А. (2011). Функции мифа и бренда в процессе медиатизации постмодернистской реальности. *Социально-экономические явления и процессы*, 9 (031), 196–201.
16. Зиммель, Г. (1996). *Мода*. В Г. Зиммель *Избранное. Т. 2. Созерцание жизни* (с. 266–291). Москва: Юристъ.
17. Иконникова, С. Н. (2005). *История культурологических теорий*. Санкт-Петербург: Питер.

18. Ильин, В. И. (2007). *Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления*. Санкт-Петербург: Интерсоцис.
19. Ильин, В. И. (2008). *Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность*. Режим доступа <http://www.ruthenia.ru/logos/kr/ilyin.pdf>
20. Ильин, В. И. (2000). *Поведение потребителей*. Санкт-Петербург: Питер.
21. Кассирер, Э. (1995). Философия символических форм. В С. Я. Левит (ред.) *Культурология. XX век. Антология* (с. 163–213). Москва: Юрист.
22. Кассирер, Э. (1998). *Избранное. Опыт о человеке*. Москва: Гардарика.
23. Костина, А. В. (2011). *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. Москва: Издательство АКИ.
24. Латса, А. (2013). *Мифы О России: от Грозного до Путина. Мы глазами иностранцев*. Москва: Астрель.
25. Лихачев, Д. (2007). Мифы о России старые и новые. Глава из книги «Раздумья о России». *Наука и Жизнь*, (1). Режим доступа <http://www.nkj.ru/archive/articles/8660>
26. Мак-Гуайр, В. (2004). *Миф о массированном воздействии СМИ. Публичная коммуникация и поведение*. Москва — Санкт-Петербург — Киев: Издательский дом «Вильямс».
27. Маркузе, Г. (2002). *Эрос и цивилизация*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
28. Мединский, В. (2015). *Об «особом» пути и загадочной русской душе. Мифы о России*. Москва: Олма медиа групп.
29. Раздьяконова, Е. В. (2009). *Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры*. (Автореф. канд. диссертации. Томск.
30. Радаев, В. В. (2005). Социология потребления: основные подходы. Режим доступа http://ecsocman.hse.ru/data/838/062/1217/001_radaev_2005-1.pdf
31. Рамазанова, А. Х. (2011). *Особенности современного мифотворчества и мифосознания*. Алматы: Вестник КазНУ.
32. Кемеров, В. Е., Керимов Т. Х. (ред.). (2003). *Социальная философия. Словарь*. Москва: Академический проект.
33. Сыров, В. Н. (2010). *Массовая культура: мифы и реальность*. Москва: Водолей.
34. Тоффлер, Э. (2002). *Шок будущего*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
35. Ученова, В. В. (2012). *Реклама и массовая культура*. Москва: Юнити.
36. Фромм, Э. (2000). *Иметь или быть*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
37. Фуко, М. (2006). *Другие пространства. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. Москва: Праксис.
38. Фуркин, Б. А. (2012). Символическое потребление и человек в информационном обществе. *Вестник МГУКИ*, 6 (50), 45–50.
39. Шестакова, Э. Г. (2014). Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект. *Критика и семиотика*, 1, 58–72.
40. Cohen, A. P. (1985). *The Symbolic Construction of Community*. Chichester: E. Horwood; London; New York: Tavistock Publications.
41. Lippmann, W. (2007). Stereotypes. In N. A. Ford (Ed.) *Language in Uniform: A Reader on Propaganda*. New York.

Статья поступила в редакцию 14.05.2015.

THE MYTHEME “OUR-STRANGER” IN HETEROTOPY SPACE OF CONSUMER SOCIETY

Khlysheva Elena Vladislavovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, str. Tatishcheva, 20a. E-mail: culture_mar@mail.ru.

This article is devoted to a problem of cross-cultural interaction of modern societies. The purpose of this article is to establish the reasons of productive functioning of the modern myth in various forms and cultural artifacts among which we must distinguish the definition mechanism “our-stranger”, closely connected with the ideology of consumer society. The main objective of the article is to designate the new relation to space and the world, using the heterotopy approach, which which breaks habitual stereotypes and designs the complete space, allowing to explain both the mythological, and real worlds at the same time.

Such approach seems necessary owing to stability of structural elements of myth and their inclusiveness in all fields of person's activity in modern cultural space. Especially visually mythological stereotypes are reproduced in cross-cultural communication, mentioning all levels of communication: from professional to the ordinary. The foundation of such interaction lies in accurate distinction “our” and “stranger”, that doesn't correspond to the changing sociocultural conditions when powerful migratory streams push together cultures among themselves.

Now the culture of consumption starts to play adaptation function, but in it we can also see borders between “our” and “stranger” through consumer practitioners. And updating of the dominating cultural code happens to the help of mythemes.

In modern society heterotopy is shown in a multi-vector orientation of a dichotomy “our” and “stranger”. Mentioning individual depths of consciousness, myth puts certain behavior models, creating steady stereotypes of distinction.

Conclusions of this article are confirmed with the sociological researches which allowed to reveal features of perception of information and degree of mythologization of consciousness of the people belonging to different ethnoconfessional groups and social levels.

Keywords: heterotopia, “our–stranger”, consumer society, mytheme, myth consciousness, stereotype, simulacrum.

References

1. Baranov, A. V. (2014). Rol' mifov v konstruirovaniy identichnosti kazachestva [A Role of Myths in Designing of Identity of the Cossacks]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Present], (1), 69–86.
2. Bart, R. (2003). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izd. imeni Sabashnikovykh.
3. Bauman, Z. (2004). *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for the Person and Society]. Moscow, Izdatel'stvo “Ves' Mir”».
4. Bodriyyar, Zh. (2006). *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktura* [Consumer Society. Its Myths and Structure]. Moscow, Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya.
5. Bodriyyar, Zh. (2013). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Tula, Tul'skiy poligrafist.
6. Bodriyyar, Zh. (1995). *Sistema veshchey* [System of Things]. Moscow, Rudomino.
7. Borisova, Yu. V. (2014). *Mif kak instrument PR* [Myth as PR Tool]. Retrieved from <http://vk.com/topic-7898645330922765>
8. Burd'e, P. (2001). *Prakticheskiy smysl* [Practical Sense]. St. Petersburg, Aleyna.
9. Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of an Idle Class]. Moscow, Progress.

10. Gofman, A. B. (2004). *Moda i lyudi: novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People: New Theory of Fashion and Fashionable Behavior]. Moscow.
11. Gurova, O. Yu. (2005). Ideologiya potrebleniya v sovetskom obshchestve [Ideology of Consumption in the Soviet Society]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological magazine], (4), 117–131.
12. Delez, Zh. (1998). *Logika smysla* [Logic of Sense]. Ekaterinburg, “Delovaya kniga”.
13. Echevskaya, O. G. (2010). Praktiki potrebleniya i razlicheniya v kontekste sotsial’no obuslovlennykh opravdaniy bednosti i bogatstva [Practices of Consumption and Distinction in the Context of Socially Caused Justifications of Poverty and Wealth]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economy and Sociology], (1), 129–148.
14. Zhizhek, S. (2002). *Dobro pozhalovat’ v pustynyu Real’nogo* [Welcome to the Desert of Real]. Moscow, Fond “Pragmatika kul’tury”.
15. Zvereva, E. A. (2011). Funktsii mifa i brenda v protsesse mediatizatsii postmodernistskoy real’nosti [Functions of the Myth and a Brand in the Course of a Mediatization of Post-Modernist Reality]. *Sotsial’no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 9 (031), 196–201.
16. Zimmel’, G. (1996). Moda [Fashion]. In G. Zimmel’ *Izbrannoe. T.2. Sozertsanie zhizni* [Chosen Works. Vol. 2. Contemplation of Life] (pp. 266–291). Moscow, Yurist.
17. Ikonnikova, S. N. (2005). *Istoriya kul’turologicheskikh teoriy* [History of Culturological Theories]. St. Petersburg, Piter.
18. Il’in, V. I. (2007). *Byt i bytie molodezhi rossiyskogo megapolisa: sotsial’naya strukturatsiya povsednevnosti obshchestva potrebleniya* [The Lifestyles and Existence of Russian Urban Youth: Social Strukturation of Daily Occurrence of a Consumer Society]. St. Petersburg, Intersotsis.
19. Il’in, V. I. (2000). *Povedenie potrebiteley* [Behavior of Consumers]. St. Petersburg, Piter.
20. Il’in, V. I. (2008). *Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model’ i rossiyskaya real’nost’* [Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality]. Retrieved from <http://www.ruthenia.ru/logos/kr/ilyin.pdf>
21. Kassirer, E. (1998). *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Favourites. Experience about the Person]. Moscow, Gardarika.
22. Kassirer, E. (1995). Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of Symbolical Forms]. In S. Ya. Levit (Ed.) *Kul’turologiya. XX vek. Antologiya* [Cultural Science. The XX Century. Anthology] (pp. 163–213). Moscow, Yurist.
23. Kostina, A. V. (2011). *Massovaya kul’tura kak fenomen postindustrial’nogo obshchestva* [Mass Culture as Phenomenon of Post-Industrial Society]. Moscow, Izdatel’sтво LKI.
24. Latsa, A. (2013). *Mify O Rossii: ot Groznogo do Putina. My glazami inostrantsev* [Myths about Russia: from Grozny to Putin. Foreign View of Us]. Moscow, Astrel’.
25. Likhachev, D. (2007). Mify o Rossii starye i novye. Glava iz knigi “Razdum’ya o Rossii” [Myths about Russia old and new. The head from the book “Thoughts about Russia”]. *Nauka i Zhizn’* [Science and Life], (1). Retrieved from <http://www.nkj.ru/archive/articles/8660>
26. Mak-Guayr, V. (2004). *Mifo massirovannom vozdeystvii SMI. Publichnaya kommunikatsiya i povedenie* [The Myth about Massive Influence of Mass Media. Public Communication and Behavior]. Moscow — St. Petersburg — Kiev: Izdatel’skiy dom “Vil’yame”.

27. Markuze, G. (2002). *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and Civilization]. Moscow, ООО "Izdatel'stvo AST".
28. Medinskiy, V. (2015). *Ob "osobom" puti i zagadochnoy russkoy dushe. Mify o Rossii* [About a "Special" Way and Mysterious Russian Soul. Myths about Russia]. Moscow, Olma media grupp.
29. Razd'yakonova, E. V. (2009). *Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniya sovremennoy kul'tury* [Myth as Reality and Reality as Myth: Mythological Bases of Modern Culture]. (Abstract of Cand. Dissertatation). Tomsk.
30. Radaev, V. V. (2005). *Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podkhody* [Consumption Sociology: Main Approaches]. Retrieved from http://ecsocman.hse.ru/data/838/062/1217/001_radaev_2005-1.pdf
31. Ramazanova, A. Kh. (2011). *Osobennosti sovremennogo mifotvorchestva i mifosoznaniya* [Features of a Modern Formation of Myths and Mythological Consciousness]. Almaty, Vestnik KazNu.
32. Kemerov, V. E., Kerimov T. Kh. (Eds.). (2003). *Sotsial'naya filosofiya. Slovar'* [Social Philosophy. Dictionary]. Moscow, Akademicheskiiy proekt.
33. Syrov, V. N. (2010). *Massovaya kul'tura: mify i real'nost'* [Mass Culture: Myths and Reality]. Moscow, Vodoley.
34. Toffler, E. (2002). *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow: ООО "Izdatel'stvo ACT".
35. Uchenova, V. V. (2012). *Reklama i massovaya kul'tura* [Advertizing and Mass Culture]. Moscow: Yuniti.
36. Fromm, E. (2000). *Imet' ili byt'* [To Have or Be]. Moscow, ООО "Izdatel'stvo ACT".
37. Foucault, M. (2006). *Drugie prostranstva. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Other Spaces. Intellectuals and Power: Chosen Political Articles, Performances and Interview]. Moscow, Praksis.
38. Furkin, B. A. (2012). Simvolicheskoe potreblenie i chelovek v informatsionnom obshchestve [Symbolical Consumption and the Person in Information Society]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI], 6 (50), 45–50.
39. Shestakova, E. G. (2014). Geterotopiya — rabochee ponyatie sovremennoy gumanitaristiki: literaturovedcheskiy aspekt [Geterotopy — Working Concept of a Modern Humanities: Literary Aspect]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, 58–72.
40. Cohen, A. P. (1985). *The Symbolic Construction of Community*. Chichester: E. Horwood; London; New York, Tavistock Publications.
41. Lippmann, W. (2007). Stereotypes. In N. A. Ford (Ed.) *Language in Uniform: A Reader on Propaganda*. New York.

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ «ЗЕЛЕННОГО» РОСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

.....

Терёшина М. В., Онищенко М. В.

Терешина Мария Валентиновна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: mwstepanova@mail.ru.

Онищенко Максим Леонидович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: onischenkomax@mail.ru.

Авторы определяют «зеленую» экономику в качестве одного из наиболее серьёзных векторов современного социально-экономического развития и важного фактора принятия политических решений как на уровне отдельных государств и правительств, так и в мире в целом. В статье проведен детальный анализ «барьеров», возникающих при переходе на «зеленые» рельсы развития, и выявлена их политико-управленческая природа. Среди основных политико-административных барьеров «зеленого» роста в Российской Федерации авторы выделяют высокую степень бюрократизации системы принятия и реализации решений, лоббизм интересов крупных корпораций, ориентированных на сохранение сложившейся ситуации и не заинтересованных в переходе к «зеленому» росту, инерционный прессинг сложившейся сырьевой модели развития, непоследовательность принятия стратегически значимых управленческих решений для развития «зеленой» экономики, нормативные «лакуны» в законодательстве о «зеленой» экономике, неразвитость оценочных механизмов природного капитала, а также инструментов оценки полного экономического ущерба от негативного воздействия на окружающую среду, дефицит экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений в области долгосрочного перехода к «зеленому» развитию и господство в современном российском обществе культуры экологического оптимизма. Обосновано, что основные усилия государства как главного актора политики развития «зеленой» экономики должны быть сконцентрированы на сломе сложившейся традиционной экономической экспортно-сырьевой модели и развитии гражданского общества, что приведет к созданию новых институциональных контуров экономики, основанной на принципах «зеленого» роста.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, «зеленый» рост, политико-административные барьеры развития, экспортно-сырьевая экономическая модель.

Новый технологический уклад, переход к которому начался в промышленно развитых странах с конца 1980-х гг., характеризуется не только интенсивным развитием информационных, нано- и биотехнологий. Отличительными его чертами являются также акцент на ресурсосбережение, так называемое «озеленение» экономики. Наиболее известным является определение «зеленой» экономики, которое было дано экспертами Программы Организации Объединенных

Наций по окружающей среде (ЮНЕП), где «зеленая» экономика рассматривается в широком экономическом, социальном и экологическом контексте: «зеленая» экономика — это экономика, «которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднения» (ЮНЕП, 2011). По определению Экономической и социальной комиссии Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), «зеленый» рост представляет собой политический фокус, который опирается «на экологически устойчивый экономический прогресс в целях стимулирования низкоуглеродного и открытого для всех социальных слоев развития» (Декларация министров по окружающей среде..., 2010). Дизайн новой политики «зеленого» экономического развития закладывается в настоящее время благодаря усилению экологической составляющей в мировой политике, а также технологическим и институциональным переменам, происходящим на уровне отдельных стран. Риски повсеместного прогрессирующего ухудшения состояния окружающей среды и климатических угроз значительно ускоряют этот процесс и придают ему политическое значение.

Ещё в 2009 г. экономическая политика, призванная обеспечить этот переход «зеленого», была официально принята Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в качестве стратегического направления развития всех ее членов на долгосрочную (до 2030 г.) и более отдаленную (до 2050 г.) перспективу (Towards green growth, 2011). Можно с уверенностью говорить о том, что «зеленая» экономика в настоящее время является серьёзным и реальным вектором социально-экономического развития и одним из факторов принятия политических решений как на уровне отдельных государств и правительств, так и в мире в целом.

Вместе с тем определенное торможение перехода «зеленого роста» в Российской Федерации диктует необходимость детального анализа барьеров, возникающих на пути этого процесса. Нужно отметить, что за последние несколько лет появилось достаточное количество публикаций, в которых анализируются проблемы перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике. Представляется, что все исследования в этой области можно разделить на две основные группы: работы, связанные с макроэкономическим контекстом данной проблемы, и работы, посвященные трудностям в развитии отдельных направлений «зеленой экономики».

Среди исследований экономического направления наиболее известными являются работы С. Бобылева и В. Захарова, рассматривающих общие проблемы «зеленой» модернизации (Захаров, Бобылев, 2012), а также проблемы сложившейся национальной экспортно-сырьевой модели развития (Бобылев, Захаров, 2012). Проблемы сложившейся экономической модели в качестве препятствия к развитию «зеленой» экономики и несоответствие политических заявлений и экономической практики отмечает также Л. Даниленко (Даниленко, 2013).

Особого интереса заслуживает позиция С. Глазьева, который считает, что новый, «зеленый», технологический уклад в экономике, переходящий в настоящее время из эмбриональной фазы развития в фазу роста, сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению (Глазьев, 2014).

Сложности имплементации зарубежного опыта экономического регулирования «зеленого» роста в российскую практику отмечены в целом ряде работ (Рогожкина, Внуковская, 2014; Гурьева, Наймушина, 2015). Вопросы структурной перестройки экономики, а также институциональной динамики на пути к «зеленому» росту изучены М. В. Терешкиной (Терешкина, Дегтярева, 2012; Tereshkina, Onishenko, 2014). Отдельные проблемы инвестиционной политики как препятствие для «зеленого» роста выделены в работе М. Егоровой с соавторами (Егорова, Глик, 2014). Связь проблем инновационной политики и политики «зеленого» роста отмечает И. Колонтаевская (Колонтаевская, 2013), а А. Земцов (Земцов, Макашева, 2009) подчеркивает, что, несмотря на то что российские ученые регулярно изобретают «зеленые» инновации, они не находят дорогу к потребителю, хотя именно максимизация инновационного фактора является решающим условием устойчивого развития современных экономических систем.

Фрагментарность мер экономического регулирования политики «зеленого» роста, а также невысокая значимость «зеленой» проблематики для целого круга важных для страны стейкхолдеров, включая финансовые, особенно в условиях кризиса, подчеркиваются в работе Н. Пахомовой с соавторами (Пахомова, Рихтер, Малышков, 2014). Несовершенство организационно-экономического механизма на всех уровнях иерархии при реализации концепции ресурсосбережения как препятствие к «зеленому» росту отмечает целый ряд авторов (Лушников, Баяндурян, 2011; Калюк, 2011).

Несмотря на значительный массив работ в области исследования препятствий для перехода нашей страны на «зеленые» рельсы развития, политико-административным барьерам не уделено должного внимания. Вместе с тем необходимо понимать, что именно политико-административные ресурсы играют определяющую роль в переходе к «зеленой» экономике. Этот тезис достаточно хорошо подтверждается как неспособностью рыночной экономики в целом к эффективной экологической саморегуляции, так называемыми «провалами» рынка», так и зарубежной практикой. Значительную роль в этом процессе играют и специфические особенности российской национальной экономической модели, такие как сырьевая направленность, слабость инновационных институтов, низкая доля производства высокотехнологичной продукции и т.д. «Зеленые» технологии, экологические товары и услуги не стали в полной мере рыночным

продуктом, а сложившиеся препятствия институционального характера делают подобные начинания неконкурентоспособными.

Вследствие этого развитие «зеленой» экономики требует вмешательства государства в существующие «правила игры», что подразумевает создание режима государственного регулирования, поощряющего развитие экологических отраслей и технологий, создание необходимой инфраструктуры, перестройку ключевых институтов, реформирование налоговой политики и т.д. И в этом смысле наиважнейшую роль играет наличие сильной политической воли, способной сместить акценты в сторону «зеленого» роста национальной экономики.

Ведущая роль политико-управленческих практик в переходе к стратегии «зеленого» роста подчеркивается всеми ведущими экспертами. В частности, по словам П. Сухдева, руководителя Инициативы ЮНЕП по «зеленой» экономике: «Государству отведена центральная роль в изменении законодательства и политики, а также в инвестировании государственных средств в общее достояние для того, чтобы этот переход стал возможным» (Стратегия «зеленая» экономика, 2014). Действительно, несмотря на то что можно привести достаточное количество фактов, свидетельствующих о вполне успешных «зеленых» инициативах «снизу»: фирм, общественных организаций, неформальных объединений граждан и т.п., — приходится признать, что подобные практики сложно предсказуемы и управляемы, носят стихийный характер и в большинстве случаев вряд ли могут быть воспроизведены в национальном масштабе. Вследствие этого развитие «зеленой» экономики требует прежде всего развития и координации политико-управленческих ресурсов и ликвидации соответствующих барьеров.

В рамках нашего исследования представляется возможным и необходимым выделить ряд общезначимых политико-управленческих барьеров, сдерживающих вектор развития «зеленой» экономики в современной России.

Первым среди подобных барьеров является такое значимое явление современной российской общественной жизни как бюрократизм. Исследователи отмечают, что при доминировании бюрократических структур функциональный аппарат управления превращается в сплоченную элиту с внутренним кодексом круговой поруки» и обособленностью от широкого социума. Характерной чертой бюрократизма является стремление не допустить никаких инноваций. «Зарегламентированность» индивидуальной активности в этих условиях значительно снижает возможность любых инициатив, креативность и инновационность решений. По мнению В.П. Макаренко (Макаренко, 1999), развитая демократия, развитое гражданское общество и правовое государство ограничивают масштабы и влияние бюрократизма. Основой для подобного ограничения становятся уважение к закону, достаточный уровень развития культуры, высокое содержание понятия ценности человека и его жизни; экономическая стабильность и благополучие, а также цивилизованная управленческая система, рекрутируемая снизу, а не сверху. К сожалению, приходится констатировать, что

в настоящее время российское общество не отвечает отмеченным критериям. Более того, как отмечает Н. Лебедева (Лебедева, 2012), в России в результате бюрократизации экономики сложилась система, когда именно чиновники становятся главными политическими фигурами, определяющими экономические интересы бизнеса, и либо способствуют их реализации, либо тормозят их.

Опыт защиты прав предпринимателей от бюрократизма в экологической сфере позволил даже бизнес-омбудсмену Б. Титову назвать экологию «секретным оружием бюрократии» (Титов, 2013). В качестве подтверждения своих достаточно жестких высказываний он приводит несколько случаев из собственной практики. Например, один из них связан с ЗАО «Казанский экологический комплекс», которое успешно на протяжении ряда лет занималось утилизацией, сортировкой и захоронением твердых бытовых отходов. Однако после смены администрации города против руководителя предприятия было возбуждено уголовное дело по ст. 171 «Незаконная предпринимательская деятельность». И только вмешательство уполномоченного по правам человека при Президенте РФ и проведенная по его настоянию независимая экологическая экспертиза показали необоснованность предъявленных претензий. Значительное количество подобных случаев привело к тому, что в настоящее время введена должность бизнес-омбудсмена по экологии, который призван регулировать аналогичные вопросы.

В России сформировался достаточно устойчивый так называемый бюрократический рынок, через который происходит выделение субсидий, в том числе и «зеленым» предприятиям, включение «зеленой» составляющей в целевые программы, формирование госзаказов и т.д. В литературе описан случай, когда в одном из регионов в результате того, что были построены ветроэнергетические установки и таким образом обретена им энергонезависимость, бюджетные дотации, которые ранее покрывали расходы на завоз топлива, значительно сократились. Поэтому спустя некоторое время ветроустановки «ломались» и субсидии возобновлялись (Кирюшин, 2014).

Многие механизмы и инструменты перехода к «зеленой» экономике из-за нормативно заложенной административно-технической логики постепенно, но неизбежно вырождаются в бюрократические «игры», обладая при этом значительной коррупционной емкостью. В частности, несмотря на широко декларируемые в последнее время намерения по поддержке развития возобновляемых источников энергии, развитие этого определяющего направления «зеленой» экономики сдерживается непонятным, сложным и затратным порядком квалификации генерирующего на основе возобновляемых источников энергии объекта, трудностями с реализацией электрической энергии сетевым компаниям или гарантирующему поставщику, значительными сложностями с получением и переводом из категории сельскохозяйственных земель в категорию земель

промышленного назначения участков под строительство электростанций и длительностью процедур согласования технологического присоединения к сетям.

Как было показано выше, сфера переработки отходов является не только важным направлением «зеленого» роста отечественной экономики, но и актуальнейшей темой обеспечения экологической безопасности нашей страны. Однако, к примеру, для строительства одного мусороперерабатывающего завода, по наблюдениям специалистов, требуется 17 согласований и экспертиз, представление 116 документов. На преодоление этих бюрократических барьеров уходят годы и значительные финансовые средства.

Чрезвычайно интересными представляются экспертные данные, представленные в докладе А. М. Адама на заседании Института устойчивого развития Общественной палаты РФ. В частности, подсчитано, что природоохранные затраты успешного предприятия нефтегазового комплекса на 86 процентов состоят из затрат на разработку и согласование документации и только около 14 процентов идет собственно на природоохранные мероприятия (Адам, Цибульникова, Лаптев, 2009). На предприятиях жилищно-коммунальных услуг затраты на бюрократические процедуры также значительно превышают объем средств, направляемых непосредственно в «озеленение» используемых технологий. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей, размер неофициальных платежей, предусматриваемый действующей системой экологического регулирования, составляет 100 млрд. рублей в год («Есть силы, которые стараются...», 2013).

Трансформация нормативно-правовой базы в сфере развития «зеленой» экономики также сталкивается с бюрократическими сложностями. Так, Государственным комитетом России по экологии ещё в 1998 г. были подготовлены проекты постановлений Правительства РФ «О нормативных правовых актах по введению экологического аудирования в Российской Федерации» и «Основные положения экологического аудирования в Российской Федерации». Однако до сих пор эти документы, обосновывающие экоаудит как вид деятельности и регламентирующие его проведение, все еще существуют в виде проектов.

Чрезвычайно важным барьером на пути «зеленого» роста российской экономики, который, кстати, в той или иной степени отмечают многие авторы, является лоббизм. По мнению П. А. Толстых (Толстых, 2005), в России преобладает корпоративистская модель лоббизма, в которой корпоративистские организации монопольны по своей сути и сочетают в себе функции не только управления, но и представительства. Наиболее ярко выраженным в России и имеющим непосредственное отношение к теме данного исследования является отраслевой лоббизм. К числу его основных субъектов можно отнести отрасли экономики (нефтегазовое лобби), финансово-промышленные группы

(«Сибнефть», «Лукойл»), деловые союзы и ассоциации (Российский союз промышленников и предпринимателей), естественные монополии (Газпром).

Необходимо отметить, что, как констатирует и П. Иванов (Иванов, 2014), достаточно сложно выделить из клубка сплетающихся интересов различных лобби собственно экологические, поскольку в силу специфики экологической проблематики практически в каждой из групп присутствуют в той или иной степени коррелирующие с общими интересами интересы, затрагивающие сферу природных ресурсов. Тем не менее аналитики агентства Reuters считают, что именно нефтегазовое лобби мешает увеличению «зеленых амбиций» России (Подосенова, 2011). Этой же точки зрения придерживаются и представители общественных экологических организаций, рассматривая в качестве подтверждения своих слов установление целевых показателей для развития возобновляемой энергетики.

Так, распоряжением Правительства от 8 января 2009 г. («Основные направления государственной политики...», 2009) было определено, что к 2020 г. объём производства и потребления электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии должен составить 4,5%. В мае 2013 г. новыми распоряжениями («О внесении изменений в распоряжение Правительства...», 2009; «О механизме стимулирования...», 2013) целевой ориентир был фактически снижен до 2,9%. Учитывая, что, например, Европа к указанному периоду планирует достичь показателя в 20%, не обладая такими мощными природными ресурсами в этой сфере, как Россия, многие усматривают здесь признаки противостояния со стороны энергетического лобби традиционной энергетики (Подосенова, 2011). Интересно, что в настоящее время происходит формирование интереса к развитию альтернативной энергетики у отдельных бизнес-структур. В частности производство мощностей возобновляемой энергетики в нашей стране начинают такие компании как «РусГидро», «Ренова» и «Роснано» (например, «Хевел» — совместное предприятие «Реновы» и «Роснано» по производству солнечных панелей). Даже транслируется версия, что стимулирующие меры по поддержке возобновляемых источников энергии, которые наконец-то были приняты в нашей стране, были пролоббированы именно этими структурами.

Е. Г. Гущина и Н. Ю. Бадрак (Гущина, Бадрак, 2013) тоже считают, что реализация концепции «зеленой» экономики в России на практике входит в противоречие с интересами традиционных энергетических компаний, а также государственной политики, которая их поддерживает. Критическую оценку деятельности компании «Газпром», которая увеличивает поставки газа в страны дальнего зарубежья и СНГ, в то время как почти половина населения России не имеет доступа к этому экологически чистому топливу, дает С. А. Степанова (Степанова, 2012).

А. Н. Даниленко (Даниленко, 2013) замечает, что государственные предприятия вообще чрезвычайно неохотно инвестируют в «зеленые» технологии

и стремятся всеми силами, в том числе затягиванием и непринятием соответствующего законодательства, избежать затрат в этой области. Например, ситуация с «утилизацией» попутного нефтяного газа, по факельному сжиганию которого Россия в настоящее время является мировым «лидером». Только в 2012 г. объем его сжигания составил около 17,1 млрд. м³, а по неофициальным данным эти цифры могут достигать не менее 20 млрд. м³ (Фейгин, Брагинский, Заболотский и др., 2011; Оценка эколого-экономического эффекта, 2011), хотя ещё в 2007 г. В. В. Путин заявил о недопустимости такого расточительства (Послание Президента России..., 2007).

Одной из главных тем конфронтации между стратегическими национальными интересами в сфере «зеленой» экономики и интересами крупного российского бизнеса, активно лоббируемыми им, является переход к наилучшим доступным технологиям (НДТ). Наилучшая доступная технология, согласно определению, данному в новом российском законодательстве, это технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения («О внесении изменений в Федеральный закон...», 2014). Внедрение подобного механизма является основой для развития «зеленой» экономики и распространенной практикой в зарубежных странах.

В России обсуждения необходимости введения данного механизма начались ещё в 2000 г. Однако активным противником его внедрения являлся, например, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), рассматривающий НДТ как неадекватный инструмент для текущей экономической реальности. По словам заместителя председателя комитета по экологии и природопользованию РСПП Юрия Максименко, новые требования по внедрению наилучших доступных технологий могут столкнуться с нехваткой финансовых ресурсов у компаний, и в условиях снижения темпов экономического роста компании не смогут на это пойти. Апеллируя к этому тезису, директор по природоохранной политике Всемирного фонда дикой природы (WWF) Евгений Шварц отмечал, что внедрение наилучших доступных технологий, наоборот, оздоровит не только природу, но и экономику, при этом возрастет экономическая эффективность конкурентоспособных предприятий и сократится негативное воздействие на окружающую среду («О внесении изменений в Федеральный закон...», 2014).

Позиция РСПП сводилась к максимальному оттягиванию принятия нового закона о нормировании, и он был принят только в 2014 г., однако основные положения его вступают в силу с 1 января 2016 г. Более того, для крупных системообразующих и градообразующих предприятий определен период для перехода к новой системе нормирования в 14 лет, для других предприятий — 7 лет. В настоящее время РСПП продолжает активно лоббировать перенос

вступления закона в силу, и результаты этого процесса можно будет оценить достаточно скоро. Наблюдатели считают, что под давлением промышленного лобби правительство в очередной раз склоняется к тому, чтобы отложить реформу экологического регулирования. Министр природных ресурсов и экологии РФ Сергей Донской также признает, что «есть силы, которые стараются отложить реформы» (Министр природных ресурсов, 2013).

Следующим важнейшим барьером на пути развития «зеленой» экономики можно назвать инерционный прессинг сложившейся сырьевой модели развития. Развитие неблагоприятных экологических тенденций в нашей стране прежде всего связано с природоёмкой реструктуризацией экономики в 1990-е гг. в пользу сырьевых и экологически «грязных» отраслей, что происходило на фоне износа основного капитала и деградации высокотехнологичных производств. Высокие цены на энергоносители и беспрецедентный рост цен на нефть в 2000-е гг. способствовали тому, что удельный вес энергетического сектора вырос в 3 раза и составляет сейчас фактически треть всей российской экономики. В то время когда в России наблюдался подобный сдвиг в сторону природоёмких отраслей, в подавляющем большинстве стран ОЭСР, стран с переходной экономикой наблюдались противоположные тенденции: сокращение удельного веса в экономике лоббизирующих отраслей и экологически неблагоприятных видов деятельности. Так, закон США 2008 г. о восстановлении и реинвестировании экономики благодаря развитию «зеленой» экономики предусматривал не только ускоренные темпы выхода из кризиса, но и создание на этой основе 400 тысяч рабочих мест до 2020 г., а также целого комплекса высокотехнологичных производств. Более того, антикризисная политика развитых и наиболее передовых развивающихся стран рассматривала и рецессию, и климатические риски как катализатор модернизации всего хозяйственного комплекса для укрепления его конкурентоспособности. В 2008 г., когда экспорт России достиг суммы в 472 млрд. долларов (доля топливно-энергетических ресурсов в структуре экспорта около 70%), увеличившись почти в пять раз по сравнению с 2000 г., государство в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, распоряжение Правительства РФ..., 2008) официально подтвердило намерение ухода от экспортно-сырьевой модели экономики. В этом же документе был намечен переход к инновационной социально ориентированной модели развития.

Однако мировой финансово-экономический кризис 2008 г. не только наглядно показал, в какую сырьевую зависимость попала страна, но и, как это ни парадоксально, усугубил экологически негативные структурные сдвиги и отодвинул переход к «зеленой» экономике в России. Государство во время кризиса вынуждено было поддерживать сырьевых гигантов с их зарубежными займами свыше 300 млрд. долларов, а поддержка частных компаний привела

не к модернизации производства, росту инвестиций в «зеленые» отрасли и развитию инноваций, а к личному обогащению отдельных владельцев компаний. Согласно рейтингу «Форбс», за время кризиса число миллиардеров в России увеличилось в 2 раза («В России число миллиардеров...», 2010). При этом в развитых странах мировой кризис способствовал дальнейшей структурной перестройке экономики и распространению «зеленых» инноваций, в том числе при активной поддержке государства.

Необходимость изменения сырьевой траектории развития и перехода к «зеленой» экономике была осознана на самых высоких уровнях управленческой иерархии нашей страны. В 2009 г. была принята Климатическая доктрина РФ («Утверждена Климатическая доктрина РФ», 2009), а в 2010 г. на совещании по вопросам изменения климата Д. А. Медведев подчеркнул необходимость «зеленого» роста, «который сейчас является приоритетом практически для технологической политики всех стран, он и должен быть обеспечен при помощи такого рода решений, а эти решения должны приниматься правительствами и, соответственно, нашим Правительством, но опираться должны на позицию бизнеса» («Президент провёл совещание...», 2010). В выступлении В. В. Путина на межрегиональной конференции партии «Единая Россия» 4 марта 2011 г. было подчеркнуто, что «в первую очередь на новые технологии надо перевести те отрасли, которые связаны с экологическими рисками» («В.В. Путин, прибывший с рабочей поездкой...», 2011).

Тем не менее большинство экспертов отмечает, что посткризисный период характеризовался экологическим «утяжелением» и примитивизацией структуры экономики, откатом от «зеленых» приоритетов в национальной стратегии. В 2014 г. были приняты поправки в законодательство об окружающей среде, предусматривающие переход к наилучшим доступным технологиям, являющимся основой для развития «зеленой» экономики. В то же время сегодня перед нашей страной встали новые вызовы, обусловленные глобальной нестабильностью. Очень трудно предсказать, будет ли наша страна в этом случае придерживаться вновь заявленного «зеленого» политического курса, открыв при этом новые окна возможностей для модернизации, или закрепит антиустойчивые тенденции в результате укрепления сырьевого, природоэксплуатирующего и загрязняющего характера экономики.

Немаловажным барьером является непоследовательность принятия стратегически значимых управленческих решений для развития «зеленой» экономики, которую хорошо иллюстрирует эволюция процесса лицензирования деятельности по обращению с отходами, который то абсурдно ужесточался, то чрезмерно упрощался. Впервые требования о необходимости получения лицензии на деятельность, связанную с отходами, появились в российском федеральном законодательстве в 2002 г. с принятием постановления Правительства РФ от 23.05.2002 № 340 «Положение о лицензировании деятельности по обращению

с опасными отходами» («Об утверждении Положения о лицензировании...», 2002). В этом постановлении было указано, что все организации вне зависимости от формы собственности, количества и вида образовавшихся у них отходов обязаны получить лицензию и пройти государственную экологическую экспертизу материалов деятельности. Однако практическую реализацию закона в этот период можно выразить известной фразой М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Поскольку в это же время были приняты Федеральный классификационный каталог отходов (ФККО), а также отнесения отходов к классу опасности, то лицензирование оставалось в основном делом специализированных организаций (полигонов по размещению отходов и т.п.).

В 2006 г. вышло новое постановление Правительства РФ № 524 «Положение о лицензировании деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению опасных отходов» («Положение о лицензировании деятельности...», 2006). Формальные требования к лицензированию ужесточаются в связи с тем, что абсолютно все отходы (в том числе офисный мусор) относятся к классу опасных. Контроль за лицензированием становится жестким. В 2009 г. выходит Федеральный закон № 309-ФЗ («О внесении изменений в отдельные законодательные акты...», 2011), который вносит изменения в закон об обращении с отходами. Требования к лицензированию снижаются.

В 2011 г. происходит обновление Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» («О лицензировании отдельных видов деятельности...», 2011), в результате чего отменяется лицензия на транспортирование отходов. Таким образом, любая организация может начать заниматься транспортировкой отходов. Кроме этого лицензии становятся бессрочными.

В 2012 г. по Федеральному закону № 93-ФЗ («О внесении изменений в отдельные законодательные акты...», 2012) в области лицензирования остаются исключительно размещение и обезвреживание отходов 1–4 классы опасности. Все остальные виды деятельности могут выполняться без лицензии. С одной стороны, это призвано дать возможность развивать переработку отходов всем желающим, с другой стороны, приводит к ухудшению ситуации из-за невыполнения многими недобросовестными подрядчиками экологических требований.

И, наконец, в 2015 г. Федеральным законом от 29.12.2014 г. № 458-ФЗ («О внесении изменений в Федеральный закон...», 2014) установлено, что с 01.07.2015 лицензированию подлежит деятельность по сбору, транспортировке, утилизации, обработке, обезвреживанию, размещению отходов 1–4 классов опасности. Ранее выданные лицензии, которые считались бессрочными, действуют лишь до 30.06.2015. По сути, произошло возвращение к требованиям 2009 г., за исключением некоторых изменений.

Представляется, что развивать бизнес в области обращения с отходами, который является одним из важнейших направлений «зеленой» экономики,

в условиях столь динамичной и непоследовательной трансформации требований достаточно сложно.

Барьером, являющимся фактически логическим продолжением рассмотренного выше, являются нормативные «лакуны» в законодательстве о «зеленой» экономике. Но этот сюжет заслуживает отдельного подробного рассмотрения, которое невозможно провести в рамках данной статьи. Нормативные лакуны станут предметом последующих публикаций авторов.

Для того чтобы оценить степень продвижения страны по пути «зеленого» роста и выстроить политические приоритеты в этой области, лицам, принимающим решения, необходимо иметь объективную информацию, которая базировалась бы на экономических показателях. В связи с этим огромное значение приобретает переход к системе количественных стоимостных измерений социоэкологических переменных. Для этого в экономический учет должны быть включены оценки природного капитала, экосистемных услуг. Постоянная «недооценка» природных благ и услуг уже приводит к искаженным решениям в области управления природопользованием в нашей стране, наносящим значительный вред окружающей среде. Для многих индустриальных регионов России ущербы здоровью населения от загрязнений сопоставимы с ростом ВРП (Бобылев, Захаров, 2011). При этом издержки на предотвращение и лечение заболеваний, вызванных экологической деградацией, огромны. Подобные оценки достаточно впечатляющие и являются весомым аргументом в пользу «зеленого» роста. И в данном случае в качестве барьера «зеленого» роста можно назвать неразвитость оценочных механизмов природного капитала, а также инструментов оценки полного экономического ущерба от негативного воздействия на окружающую среду.

В настоящее время в России практически не используются подобные оценочные механизмы для целей политического управления, хотя в зарубежной практике такие инструменты применяются достаточно давно и успешно. В России, к сожалению, в основном разработанные методики используются лишь в пилотных научных проектах. Так, на основе методов оценки риска для здоровья, которые широко применяются в мире, группой исследователей ещё в 2002 г. были рассчитаны издержки для здоровья населения, вызванные загрязнением воздуха и воды (Бобылев и др., 2002), включая заболеваемость и смертность. Проведенным исследованием установлено, что экономические издержки для здоровья населения от загрязнения воды и воздуха составляют в среднем не менее 4–6% от ВВП, что сопоставимо с его ростом.

Неразвитость подобной системы оценочных механизмов в нашей стране не дает возможности убедительной аргументации в пользу политики «зеленого» роста и учета экологического фактора на микро- и макроуровнях и порождает краткосрочное мышление в финансовом секторе.

Существенным политико-управленческим барьером «зеленого» роста является дефицит экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений в области долгосрочного перехода к «зеленому» развитию. Этот дефицит может быть порожден как объективным отсутствием необходимой информации, так и её закрытостью (что, в общем, типично для большинства крупных энергетических и добывающих компаний).

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда многие показатели, интегрирующие социо-эколого-экономические аспекты развития (индикаторы устойчивого развития), включены в стратегические документы страны, однако не публикуются в официальных статистических справочниках, и, соответственно, затруднительно их использование для процесса принятия решений на всех уровнях и информирования общественности. Отдельные примеры институциональной поддержки развития системы аналитических данных для процесса принятия решений имеются как на федеральном, так и на региональном уровне. В частности, можно назвать систему индикаторов энергоэффективности, которая была разработана Министерством образования и науки в рамках программы «Комплексное решение вопроса энергосбережения и ресурсосбережения для инновационного развития отраслей экономики» («Об организации работы в Министерстве...», 2012). Среди регионов России можно выделить Томскую область, где подобная система была создана в 2003 г. и является основой для принятия политических решений, стратегического планирования и продвижения области по пути «зеленого» роста (Кресс, 2007). Однако указанные примеры являются скорее исключением, чем правилом.

Огромное значение для «зеленого» роста имеет общественная поддержка принимаемых на высшем политическом уровне «зеленых» инициатив. Только через распространение идей и знаний, принятие их обществом и консолидацию усилий можно реально добиться успеха в этом направлении. Однако в настоящее время в российском обществе идеи перехода к «зеленой» экономике воспринимаются неоднозначно. Причиной этого и, соответственно, ещё одним барьером на пути «зеленого» роста является господство культуры экологического оптимизма. Этот тип культуры (Ясвин, 1999) характеризуется общественным восприятием природы и социума как отдельных, не связанных друг с другом компонентов и стойким убеждением, что экологическая опасность преувеличена. Основные поведенческие паттерны подобного типа культуры определяются тезисами о том, что ресурсы неисчерпаемы, а человек является венцом природы. При этом общество способно преодолеть все возникающие экологические проблемы (Кашлев, Глазачев, 2002). По оценке сложившейся ситуации одним из ведущих экспертов в сфере «зеленой» экономики, директором Института устойчивого развития Общественной палаты РФ, членом-корреспондентом РАН В. Захаровым, «в России принижение значимости экологии, вследствие

непонимания ее важности чиновниками и широкими слоями общественности, может обернуться катастрофой и для нас, и для мира в целом» (Захаров, 2007).

Недостаточная осведомленность большинства членов общества о возможностях «зеленых» проектов, успешных практиках в этой области, отсутствие национальных исторических традиций ресурсосбережения являются важными факторами, препятствующими инициации и активной реализации проектов «зеленой» экономики «снизу»: со стороны фирм, общественных организаций, неформальных объединений граждан, бизнес-структур.

Так, по данным опроса («О наличии проектов по энергосбережению...», 2012) об уровне информированности граждан о реализуемых на территории России проектах по энергосбережению, только 1% респондентов знает об их наличии, 59% опрошенных никогда не слышали об энергосберегающих программах, а те 40%, которые ответили, что знают о подобных проектах, либо не смогли назвать ни один из них, либо говорили о замене ламп накаливания на энергосберегающие. Ни один из опрошенных также не вспомнил, что снижение энергоемкости, по заявлению президента, является одним из приоритетных направлений развития российской экономики. 13% респондентов не видят никакого смысла в энергосбережении вообще. В то же время переход страны к «зеленой» экономике невозможно осуществить без понимания сущностной компоненты этого процесса, являющейся его ментальной и идеологической предпосылкой.

Во многих зарубежных странах, даже отличающихся достаточно высоким уровнем экологической культуры и значительной долей развития «зеленой» экономики (Германия, Швеция), была создана и на протяжении многих лет успешно действует сеть think-tank (аналитических) центров, осуществляющих на системной основе просветительскую деятельность по ключевым направлениям «зеленой» экономики. В последние годы такие центры появились в Южной Корее и Казахстане. В России же, особенно по сравнению с развитыми зарубежными странами, экологическое образование, просвещение, воспитание не имплементированы в должной степени в образовательное поле и обладают довольно низким статусом. Подобная ситуация приводит к низкой осведомленности основной массы населения о состоянии окружающей среды и возможностях её улучшения с помощью «зеленых» проектов, недостаточной структурированности экологических интересов общества и отсутствию их социально-политической приоритизации.

Таким образом, среди основных политико-административных барьеров «зеленого» роста в Российской Федерации можно выделить высокую степень бюрократизации системы принятия и реализации решений, лоббизм интересов крупных корпораций, ориентированных на сохранение сложившейся ситуации и не заинтересованных в переходе к «зеленому» росту, инерционный прессинг сложившейся сырьевой модели развития, непоследовательность принятия стратегически значимых управленческих решений для развития «зеленой»

экономики, нормативные «лакуны» в законодательстве о «зеленой» экономике, неразвитость оценочных механизмов природного капитала, а также инструментов оценки полного экономического ущерба от негативного воздействия на окружающую среду, дефицит экспертно-аналитических данных для принятия обоснованных решений в области долгосрочного перехода к «зеленому» развитию и господство в современном российском обществе культуры экологического оптимизма. Все указанные барьеры не являются непреодолимыми, хотя степень их «прочности» различна. Несмотря на то что большинство этих барьеров заданы де-факто, они вполне могут быть изменены политическими методами. Являясь основным актором проведения политики «зеленого» роста, государство прежде всего должно сконцентрировать управленческие усилия на сломе сложившейся традиционной экспортно-сырьевой модели развития и развитии гражданского общества, что приведет к созданию новых институциональных контуров экономики, основанной на принципах «зеленого» роста.

Библиографический список

1. Адам, А. М., Цибульников, М. Р., Лаптев, Н. И. (2009). *Региональная экологическая политика: Томский опыт*. Москва.
2. Бобылев, С. Н. и др. (2002). *Макроэкономическая оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды*. Москва: Институт Всемирного Банка, Фонд защиты природы.
3. Бобылев, С. Н., Захаров, В. М. (2012). *Обзор «Навстречу «зеленой» экономике России»*. Москва.
4. Бобылев, С. Н., Захаров, В. М. (2011). *Модернизация экономики и устойчивое развитие*. Москва: Экономика.
5. В России число миллиардеров выросло вдвое. (2010, 16 Апреля). *Коммерсантъ.ru*. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1355370>
6. В.В. Путин, прибывший с рабочей поездкой в Брянск, принял участие в межрегиональной конференции партии «Единая Россия» по стратегии развития Центральной России до 2020 года. (2011, 4 Марта). *Интернет-портал Правительства Российской Федерации*. Режим доступа: <http://archive.government.ru/docs/14343/>
7. Глазьев, С. Ю. (2014, 24 Июля). Как не проиграть в войне. Доклад о состоянии дел в экономике России и конфликте с Украиной. *Мировой кризис — хроника и комментарии*. Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1584472>
8. Гурьева, М. А., Наймушина, Д. В. (2015). «Зеленая экономика» в России. *Теория и практика общественного развития*, 7, 58–59.
9. Гущина, Е. Г., Бадрок, Н. Ю. (2013). Энергетическая эффективность российской экономики и «зеленые» инвестиции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 35 (224), 44–50.
10. Даниленко, Л. Н. (2013). Экологическая политика в России: «зеленая» экономика против рентно-сырьевой. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 12 (201), 38–47.

11. Декларация министров по окружающей среде и развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. (2010). Режим доступа: http://www.greengrowth.org/PDF/Green_Growth_Concept_Ru.pdf
12. Егорова, М. С., Глик, П. А. (2014). Экологизация экономики и «зелёный рост». *Успехи современного естествознания*, (11–2), 77–80.
13. «Есть силы, которые стараются отложить реформы». (2013, 13 мая). *Национальная экологическая аудиторская палата*. Режим доступа: http://ecopalata.ru/?page_id=3098
14. Захаров, В. М. (2007). Гражданское общество и экологическая культура россиян. *Экокультура*. Режим доступа: http://www.ecoculture.ru/ecolibary/eco_lib2_02.php
15. Захаров, В. М., Бобылев, С. Н., (ред.). (2012). «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития. *Бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ «На пути к устойчивому развитию России»*, 60.
16. Земцов, А. А., Макашева, Н. П., Макашева, Ю. С. (2009). Инновационно-ориентированная экономика: проблемы развития и поддержки научно-образовательного комплекса. *Вестник. Томского гос. ун-та. Экономика*, 3 (7), 71–81.
17. Иванов, П. А. (2014). *Особенности функционирования группы интересов в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации* (кандидатская диссертация). Москва.
18. Итоги круглого стола Высшего экологического совета Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Государственной думы РФ (2014, 28 марта). Режим доступа: www.econ.msu.ru/science/bioeco/News.20140416120440_4006/
19. Калюк, А. В. (2011). Ключевые цели и задачи системного подхода к управлению ресурсосбережением в промышленности. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*, 28 (245), 77–80.
20. Кашлев, С. С., Глазачев, С. Н. (2000). *Педагогическая диагностика экологической культуры учащихся: Пособие для учителя*. Москва: Горизонт.
21. Кирюшин, П. (2014). «Зелёная экономика»: возможности и ограничения для российского бизнеса. Режим доступа: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_79_kiriouchine_economie_verte_rus_aout_2014.pdf
22. Колонтаевская, И. Ф. (2013). Экологические инновации как фактор повышения качества жизни. *Инновации в науке*, 28, 234–238.
23. Кресс, В. М. (ред.). (2007). *Индикаторы устойчивого развития Томской области. Вып. 3*. Томск: Печатная мануфактура.
24. Лебедева, Н. Н. (2012). Институт бюрократизма и его последствия для развития современной рыночной экономики в России. *Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 1, 66–73.
25. Лушников, Р. Л., Баяндурян, Г. А. (2011). Обоснование направлений совершенствования механизма ресурсосбережения в условиях модернизации экономики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*, 3, 256–262.
26. Макаренко, В. П. (1999). Правительство и бюрократия. *Социологические исследования (СОЦИС)*, 2, 3–14.

27. Министр природных ресурсов и экологии РФ Сергей Донской ответил на вопросы газеты «Коммерсантъ»... (2013, 13 Мая). *Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации*. Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/press-service/publications/detail.php?ID=130911&phrase_id=339430
28. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 25 июня 2012 г. № 93-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <http://base.garant.ru/70192818/>
29. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <http://base.garant.ru/12191601/#help>
30. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р: Распоряжение Правительства РФ от 28.05.2013 № 861-р. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=146919>
31. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70831116/paragraph/1:1>
32. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165823/
33. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <http://base.garant.ru/12185475/>
34. О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности: Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: http://www.ruscable.ru/other/sr_0v029754.pdf
35. О наличии проектов по энергосбережению, реализуемых в России знает лишь 1% респондентов (2012, 14 июля). ЭнергоГид. Режим доступа: <http://www.energyguide.ru/glavnaja/47-news-energy/40-news/7>
36. Об организации работы в Министерстве образования и науки Российской Федерации по реализации Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Приказ Минобрнауки России от 18.04.2012. № 309. Режим доступа: <http://energoeducation.ru/metodicheskie-materialy/normativnopravovaja-baza.html>

37. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по обращению с опасными отходами: Постановление Правительства РФ от 23 мая 2002 года № 340. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901818561>
38. Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2009 г. № 1-р. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94737/>
39. *Оценка эколого-экономического эффекта от реализации проекта Федерального закона № 454850–5 «Об использовании попутного нефтяного газа и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*: экспертный доклад Российского газового общества. (2011). Москва.
40. Пахомова, Н. В., Рихтер, К. К., Малышков, Г. Б. (2014). Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации. *Проблемы современной экономики*, 51 (3), 15–24.
41. Подосенова, О. ВИЭ в России: «отъемлемая» часть энергетического пирога. (2011, 10 июля). *Российский социально-экологический союз*. Режим доступа: http://www.rusecounion.ru/enef_10711
42. Положение о лицензировании деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению опасных отходов: Постановление Правительства РФ от 26 августа 2006 г. № 524. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=111023>
43. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному собранию РФ от 26.04.2007. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=67870>
44. Президент провёл совещание по вопросам изменения климата (2010, 18 февраля). *Сайт Президента России*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6914>
45. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94365/>
46. Рогожкина, О. Е., Внуковская, Т. Н. (2014). Перспективы развития «зелёной» экономики в России. *JSRP*, 8 (4). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-zelyonoy-ekonomiki-v-rossii>
47. Степанова, С. А. (2012). RIO+20 и модернизация России: образовательный аспект. *Вестник Международной академии наук. Русская секция*, 2, 18–22.
48. Стратегия «зеленая» экономика. Режим доступа: <http://www.palata.zhkh.kz/?p=750>
49. Терешина, М. В., Дегтярева, И. Н. (2012). «Зеленый рост» и структурные сдвиги в региональной экономике: попытка теоретико-методологического анализа. *Теория и практика общественного развития*, 5, 246–248.
50. Титов, Б. (2013). *Экология как секретное оружие бюрократии*. Режим доступа: <http://maxpark.com/user/1604532257/content/2183336>
51. Толстых, П. А. (2005). *Практика лоббизма в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации*. Москва.

52. Утверждена Климатическая доктрина РФ. (2009, 17 декабря). *События*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6365>
53. Фейгин В. И., Брагинский О. Б., Заболотский С. А. и др. (2011). *Исследование состояния и перспектив направлений переработки нефти и газа, нефте- и газохимии в РФ*. Москва: Экон-информ.
54. ЮНЕП (2011). Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности — обобщающий доклад для представителей властных структур. Режим доступа: www.unep.org/greenconomy
55. Ясвин, В. А. (1999). *История и психология формирования экологической культуры*. Москва: Наука.
56. Tereshina, M., Onishenko, M. (2014). «Green» Growth and Problems of Institutional Dynamics. In *Regional Aspects Riga Technical University 55th International Scientific Conference* (pp. 334–336). Riga: RTU.
57. Towards green growth. A summary for policy makers (2011). Режим доступа: <http://www.oecd.org/greengrowth/48012345.pdf>

Статья поступила в редакцию 05.05.2015.

.....

POLITICAL AND ADMINISTRATIVE BARRIERS TO “GREEN” GROWTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tereshina M. V., Onischenko M. V.

Tereshina Maria Valentinovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: mwstepanova@mail.ru.

Onischenko Maksim Leonidovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: onischenkomax@mail.ru.

The authors define “green” economy as one of the strongest vectors of social and economic development and important factor of making political decisions both at the level of individual states and governments, and at the level of the world as a whole. The article presents a detailed analysis of “barriers” appearing in the transition to the “green” rails of development and defines their political and administrative nature. Among the main political and administrative barriers of “green” growth in the Russian Federation the authors specify a high degree of bureaucratization of the system of decisions making and implementation, lobbyism of interests of large corporations, which are willing to preserve the existing system and are not interested in transition to «green» economy, inertial pressing of the existing raw materials oriented model of development, incoherence of making strategically essential administrative decisions for developing “green” economy, regulatory “laccos” in legislation on “green” economy, underdevelopment of assessment mechanisms for natural capital, as well as the instruments to estimate the overall economic loss resulting from negative impact on the environment, deficit of expert and analytical data for making justified decisions in the sphere of long-term transition to “green” development and domination of the culture of environmental optimism in modern Russian society. It is reasonable that principal efforts of the state as the main actor in the policy of “green” economy development must be focused on breaking down the existing traditional economic model, oriented toward export and raw materials, as well as toward the development of the civil society that will result in creation of new outlines of the economy based on the principles of “green” growth.

Key words: “green” economy, “green” growth, political and administrative barriers of development, export- and raw materials-oriented economic model.

References

1. Adam, A. M., Tsubul'nikova, M. P. & Laptev, N. I. (2009). *Regional'naya ekologicheskaya politika: Tomskiy opyt* [Regional environmental policy: Tomsk experience]. Moscow.
2. Bobylev, S. N. & Zakharov, V. M. (2012). *Obzor "Navstrechu "zelenoy" ekonomike Rossii"* [The review "Towards to "green" economy of Russia"]. Moscow.
3. Bobylev, S. N. & Zakharov, V. M. (2011). *Modernizatsiya ekonomiki i ustoychivoe razvitie* [Modernization of economy and sustainable development]. Moscow: Ekonomika.
4. Bobylev, S. N., etc. (2002). *Makroekonomicheskaya otsenka izderzhhek dlya zdorov'ya naseleniya Rossii ot zagryazneniya okruzhayushchey sredy* [A macroeconomic assessment of expenses for health of the population of Russia from environmental pollution]. Moscow: Institute of the World Bank, Fund of protection of the nature.
5. Danilenko, L. N. (2013). *Ekologicheskaya politika v Rossii: "zelenaya" ekonomika protiv rentno-syr'evoy* [Environmental policy in Russia: "green" economy against the rent and raw]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and safety], 12 (201), 38–47.
6. Deklaratsiya Ministrov po okruzhayushchey srede i razvitiyu v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione [The declaration of Ministers of environment and development in the Pacific Rim]. (2010). Retrieved from: http://www.greengrowth.org/PDF/Green_Growth_Concept_Ru.pdf
7. Egorova, M. S. & Glik, P. A. (2014). *Ekologizatsiya ekonomiki i "zelenyy rost"* [Greening of economy and "green growth"]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Achievements of modern natural sciences], (11–2), 77–80.
8. Est' sily, kotorye starayutsya otlozhit' reformy [There are forces which try to postpone reforms]. (2013, 13 May). *Natsional'naya ekologicheskaya auditorskaya Palata* [National ecological auditor Chamber]. Retrieved from: http://ecopalata.ru/?page_id=3098
9. Feygin V. I., Braginskiy O. B. & Zabolotskiy S. A. etc. (2011). *Issledovanie sostoyaniya i perspektiv napravleniy pererabotki nefti i gaza, nefte — i gazokhimii v RF* [Research of a state and prospects of the directions of oil refining and gas, petro — and gas chemistries in the Russian Federation]. Moscow: Ekon-inform.
10. Glaz'ev, S. Yu. (2014, 24 July). *Kak ne proigrat' v voyne. Doklad o sostoyanii del v ekonomike Rossii i konflikte s Ukrainoy* [How not to lose in war. The report on a state of affairs in economy of Russia and the conflict to Ukraine]. *Mirovoy krizis — khronika i kommentarii* [World crisis — the chronicle and comments]. Retrieved from: <http://worldcrisis.ru/crisis/1584472>
11. Gur'eva, M. A. & Naymushina, D. V. (2015). "Zelenaya ekonomika" v Rossii ["Green economy" in Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 7, 58–59.
12. Gushchina, E. G. & Badrak, N. Yu. (2013). *Energeticheskaya effektivnost' rossiyskoy ekonomiki i "zelenyye" investitsii* [Power efficiency of the Russian economy and "green" investments]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and safety], 35 (224), 44–50.
13. Itogi kruglogo stola Vysshego Ekologicheskogo Soveta Komiteta po prirodnym resursam, prirodopol'zovaniyu i ekologii Gosudarstvennoy Dumy RF [Results of a round table of the Supreme Ecological Council of Committee on natural resources, environmental

- management and ecology of the State Duma of the Russian Federation]. (2014, 28 March). Retrieved from: www.econ.msu.ru/science/bioeco/News.20140416120440_4006/
14. Ivanov, P. A. (2014). *Osobennosti funktsionirovaniya grupp interesov v Gosudarstvennoy Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [Features of functioning of groups of interests in the State Duma of Federal Assembly of Russia] (Cand. Dissertation). Moscow.
15. Kalyuk, A. V. (2011). Klyuchevye tseli i zadachi sistemnogo podkhoda k upravleniyu resursosberezheniem v promyshlennosti [The key purposes and problems of system approach to management of resource-saving in the industry]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of Southern Ural state university. Series: Economy and management], 28 (245), 77–80.
16. Kashlev, S. S. & Glazachev, S. N. (2000). *Pedagogicheskaya diagnostika ekologicheskoy kul'tury uchashchikhsya: Posobie dlya uchitelya* [Pedagogical diagnostics of ecological culture of pupils: A guidance for the teacher]. Moscow: Gorizont.
17. Kiryushin, P. (2014). "Zelenaya ekonomika": vozmozhnosti i ogranicheniya dlya rossiyskogo biznesa ["Green economy": opportunities and restrictions for the Russian business]. Retrieved from: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_79_kirouchine_economie_verte_rus_aout_2014.pdf
18. Kolontaevskaya, I. F. (2013). Ekologicheskie innovatsii kak faktor povysheniya kachestva zhizni [Ecological innovations as factor of improvement of quality of life]. *Innovatsii v nauke* [Innovations in science], 28, 234–238.
19. Kress, V. M. (Ed.). (2007). *Indikatory ustoychivogo razvitiya Tomskoy oblasti. Vyp. 3* [Indicators of a sustainable development of the Tomsk region. Issue 3]. Tomsk: Pechatnaya manufaktura.
20. Lebedeva, N. N. (2012). Institut byurokratizma i ego posledstviya dlya razvitiya sovremennoy rynochnoy ekonomiki v Rossii [Institute of bureaucracy and its consequence for development of modern market economy in Russia]. *Vestnik VolGU. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies], 1, 66–73.
21. Lushnikov, R. L. & Bayanduryan, G. L. (2011). Obosnovanie napravleniy sovershenstvovaniya mekhanizma resursosberezheniya v usloviyakh modernizatsii ekonomiki [Justification of the directions of improvement of the mechanism of resource-saving in the conditions of modernization of economy]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [Bulletin of the Adygei state university. Series 5: Economy], 3, 256–262.
22. Makarenko, V. P. (1999). Pravitel'stvo i byurokратиya [Government and bureaucracy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya (SOTSIS)* [Sociological researches], 2, 3–14.
23. Ministr prirodnkh resursov i ekologii RF Sergey Donskoy otvetil na voprosy gazety «Kommersant»... [The Minister of Natural Resources and Environmental Protection of the Russian Federation Sergey Donskoy answered questions of the Kommersant newspaper ...]. (2013, 13 May). *Ministerstvo prirodnkh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii* [Ministry of Natural Resources and Environmental Protection of the Russian Federation]. Retrieved from: http://www.mnr.gov.ru/press-service/publications/detail.php?ID=130911&spphrase_id=339430
24. O litsenzirovanii otdel'nykh vidov deyatel'nosti: Federal'nyy zakon ot 4 maya 2011 g. № 99-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) [About licensing of separate kinds of activity:

- The federal law of May 4, 2011 No. 99-FZ (with changes and additions)]. Retrieved from: <http://base.garant.ru/12185475/>
25. O mekhanizme stimulirovaniya ispol'zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii na optovom rynke elektricheskoy energii i moshchnosti: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 maya 2013 g. № 449 (s izmeneniyami i dopolneniyami) [About the mechanism of stimulation of use of renewables in the wholesale market of electric energy and power: The resolution of the Government of the Russian Federation of May 28, 2013 No. 449 (with changes and additions)]. Retrieved from: http://www.ruscable.ru/other/sr_0v029754.pdf
 26. O nalichii proektov po energosberezheniyu, realizuemykh v Rossii znaet lish' 1% respondentov. (2012, 14 Iyul') [Knows only 1% of respondents about existence of the projects on energy saving realized in Russia. (2012, 14 July)]. *EnergoGid*. Retrieved from: <http://www.energyguide.ru/glavnaja/47-news-energy/40-news7>
 27. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" i ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 219-FZ [About modification of the Federal law "About environmental protection" and separate acts of the Russian Federation: The federal law of July 21, 2014 the No. 219-FZ]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165823/
 28. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniyu", ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu ot del'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2014 g. № 458-FZ [About modification of the Federal law "About production wastes and consumption", separate acts of the Russian Federation and recognition become invalid for separate acts (provisions of acts) of the Russian Federation: The federal law of December 29, 2014 the No. 458-FZ]. Retrieved from: <http://ivo.garant.ru/#/document/70831116/paragraph/1:1>
 29. O vnesenii izmeneniy v ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya: Federal'nyy zakon ot 25 iyunya 2012 g. № 93-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) [About modification of separate acts of the Russian Federation concerning the state control (supervision) and municipal control: The federal law of June 25, 2012 No. 93-FZ (with changes and additions)]. Retrieved from: <http://base.garant.ru/70192818/>
 30. O vnesenii izmeneniy v ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu ot del'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona "O denezhnom dovol'stvii voennosluzhashchikh i predostavlenii im ot del'nykh vyplat" i Federal'nogo zakona "O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii" i vnesenii izmeneniy v ot del'nykh zakonodatel'nykh akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 8 noyabrya 2011 g. N309-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) [About modification of separate acts of the Russian Federation and recognition become invalid for separate provisions of acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law "About a monetary allowance of the military personnel and providing separate payments to them" and the Federal law "About social guarantees to the staff of law-enforcement bodies of the Russian Federation and modification of separate acts of the Russian Federation" The federal law of November 8, 2011 No. 309-FZ (with changes and additions)]. Retrieved from: <http://base.garant.ru/12191601/#help>

31. O vnesenii izmeneniy v rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.01.2009 N1-r: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.05.2013 N861-r [About modification of the order of the Government of the Russian Federation of 08.01.2009 N1-p: Order of the Government of the Russian Federation of 28.05.2013 N861-p]. Retrieved from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=146919>
32. Ob organizatsii raboty v Ministerstve obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii po realizatsii Federal'nogo zakona ot 23.11.2009 g. № 261-FZ «Ob energosberezhenii i povyshenii energeticheskoy effektivnosti i o vnesenii izmeneniy v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii»: Prikaz Minobrnauki Rossii ot 18.04.2012 g. № 309 [About the organization of work in the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on implementation of the Federal law of 23.11.2009 No. 261-FZ “About energy saving and increase of power efficiency and about modification of separate acts of the Russian Federation”: The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 18.04.2012 No. 309]. Retrieved from: <http://energoeducation.ru/metodicheskie-materialy/normativnopravovaya-baza.html>
33. Ob utverzhdenii Polozheniya o litsenzirovanii deyatel'nosti po obrashcheniyu s opasnymi otkhodami: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 maya 2002 goda № 340 [About the adoption of Provision on licensing of activities for the treatment of dangerous wastes: The resolution of the Government of the Russian Federation of May 23, 2002 No. 340]. Retrieved from: <http://docs.cntd.ru/document/901818561>
34. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki v sfere povysheniya energeticheskoy effektivnosti elektroenergetiki na osnove ispol'zovaniya vozobnovlyаемых istochnikov energii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 8 yanvarya 2009 g. № 1-r [The main directions of a state policy in the sphere of increase of power efficiency of power industry on the basis of use of renewables for the period till 2020: The order of the Government of the Russian Federation of January 8, 2009 No. 1-r]. Retrieved from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94737/>
35. *Otsenka ekologo-ekonomicheskogo effekta ot realizatsii proekta Federal'nogo zakona № 454850–5 “Ob ispol'zovanii poputnogo neftyanogo gaza i o vnesenii izmeneniy v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii”* [An assessment of ecological and economic effects of implementation of the draft of the Federal law No. 454850–5 «About use of associated oil gas and about modification of separate acts of the Russian Federation»]: expert report of the Russian gas society. (2011). Moscow.
36. Pakhomova, N. V., Rikhter, K. K. & Malyshkov, G. B. (2014). Inklyuzivnyy ustoychivyy rost: priority, indikatory, mezhdunarodnyy opyt, potentsial soglasovaniya s model'yu reindustrializatsii [Inclusive steady growth: priorities, indicators, international experience, potential of coordination with reindustrialization model]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy], 51 (3), 15–24.
37. Podosenova, O. VIE v Rossii: “ot”emlemaya” chast' energeticheskogo piroga [RES in Russia: “separable” part of “power pie”]. (2011, 10 July). *Rossiyskiy Sotsial'no-Ekologicheskii Soyuz* [Russian Social-and-ecological Union]. Retrieved from: http://www.rusecounion.ru/enef_10711
38. Polozhenie o litsenzirovanii deyatel'nosti po sboru, ispol'zovaniyu, obezvrezhivaniyu, transportirovaniyu, razmeshcheniyu opasnykh otkhodov: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 avgusta 2006 g. № 524 [Provision on licensing of activities for collecting, use,

- neutralization, transportation, placement of dangerous wastes: The resolution of the Government of the Russian Federation of August 26, 2006 No. 524]. Retrieved from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=111023>
39. Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 26.04.2007 [Message of the President of Russia Vladimir Putin to Federal Assembly of the Russian Federation of 26.04.2007]. Retrieved from: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=67870>
40. Prezident provel soveshchanie po voprosam izmeneniya klimata [The president held meeting on questions of climate change]. (2010, 18 February). *Sayt Prezidenta Rossii* [Site of the President of Russia]. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6914>
41. Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 17 noyabrya 2008 g № 1662-r [The order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r]. Retrieved from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94365/>
42. Rogozhkina, O. E. & Vnukovskaya, T. N. (2014). Perspektivy razvitiya "zelenoy" ekonomiki v Rossii [Prospects of development of "green" economy in Russia]. *JSRP*, 8 (4). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-zelyonoy-ekonomiki-v-rossii>
43. Stepanova, S. A. (2012). RIO+20 i modernizatsiya Rossii: obrazovatel'nyy aspekt [RIO+20 and modernization of Russia: educational aspect]. *Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk. Russkaya sektsiya* [Bulletin of the International academy of Sciences. Russian section], 2, 18–22.
44. Strategiya "zelenaya" ekonomika [Strategy of "green" economy]. Retrieved from: <http://www.palata.zhkh.kz/?p=750>
45. Tereshina, M. & Onishenko, M. (2014). "Green" Growth and Problems of Institutional Dynamics. In *Regional Aspects Riga Technical University 55rd International Scientific Conference* (pp. 334–336). Riga: RTU.
46. Tereshina, M. V. & Degtyareva, I. N. (2012). "Zelenyy rost" i strukturnye sdvigi v regional'noy ekonomike: popytka teoretiko-metodologicheskogo analiza ["Green growth" and structural shifts in regional economy: attempt of the teoretiko-methodological analysis]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 5, 246–248.
47. Titov, B. (2013). *Ekologiya kak sekretnoe oruzhie byurokratii* [Ecology as confidential weapon of bureaucracy]. Retrieved from: <http://maxpark.com/user/1604532257/content/2183336>
48. Tolstykh, P. A. (2005). *Praktika lobbizma v Gosudarstvennoy Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [Practice of lobbyism in the State Duma of Federal Assembly of Russia]. Moscow.
49. Towards green growth. A summary for policy makers. (2011). Retrieved from: <http://www.oecd.org/greengrowth/48012345.pdf>
50. UNEP (2011). Navstrechu "zelenoy" ekonomike: puti k ustoychivomu razvitiyu i iskoreneniyu bednosti — obobshchayushchiy doklad dlya predstaviteley vlastnykh struktur [Towards to "green" economy: ways to a sustainable development and eradication of poverty — the generalizing report for representatives of power structures]. Retrieved from: www.unep.org/greeneconomy

51. Utverzhdena Klimaticheskaya Doktrina RF [The Climatic Doctrine of the Russian Federation is approved]. (2009, 17 December). *Sobytiya* [Events]. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6365>
52. V Rossii chislo milliarderov vyroslo vdvoe [In Russia the number of billionaires grew up twice]. (2010, 16 April). *Kommersant.ru*. Retrieved from: <http://www.kommersant.ru/doc/1355370>
53. V.V. Putin, pribyvshiy s rabochey poezdкой v Bryansk, prinyal uchastie v mezhregional'noy konferentsii partii "Edinaya Rossiya" po Strategii razvitiya Tsentral'noy Rossii do 2020 goda [V. V. Putin who arrived with a working trip to Bryansk took part in interregional conference of United Russia party on Strategy of development of the Central Russia till 2020]. (2011, 4 March). *Internet-portal Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Internet portal of the Government of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://archive.government.ru/docs/14343/>
54. Yasvin, V. A. (1999). *Istoriya i psikhologiya formirovaniya ekologicheskoy kul'tury* [History and psychology of formation of ecological culture]. Moscow: Nauka.
55. Zakharov V. M. & Bobylev, S. N. (Eds.) (2012). "Zelenaya" ekonomika i modernizatsiya. Ekologo-ekonomicheskie osnovy ustoychivogo razvitiya [Green Economy and Modernization. Economic and Environmental Outlines of Sustainable Development]. *Byulleten' Instituta ustoychivogo razvitiya Obshchestvennoy palaty RF "Na puti k ustoychivomu razvitiyu Rossii"* [Bulletin of the Institute of Sustainable Development of the RF Civic Chamber "Towards a Sustainable Russia"], 60.
56. Zakharov, V. M. (2007). Grazhdanskoe obshchestvo i ekologicheskaya kul'tura rossiyan [Civil society and ecological culture of Russians]. *Ekokul'tura* [Ecoculture]. Retrieved from: http://www.ecoculture.ru/ecolibrary/eco_lib2_02.php
57. Zemtsov, A. A., Makasheva, N. P. & Makasheva, Yu. S. (2009). Innovatsionno-orientirovannaya ekonomika: problemy razvitiya i podderzhki nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa [The innovative focused economy: problems of development and support of a scientific and educational complex]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk state university. Economy], 3 (7), 71–81.

КРАУДСОРСИНГОВЫЕ ПЛОЩАДКИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ «ОТКРЫТЫЙ РЕГИОН» И «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»)¹

.....

Соколов А. В.

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет, 150000, Россия, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14. Эл. почта: alex8119@mail.ru.

Краудсорсинг предоставляет органам власти возможность создать специфический канал коммуникации с населением. Объектом исследования стали федеральные программы «Открытый регион» и «Электронное правительство».

Появление платформ, в рамках которых граждане могут координировать свою деятельность и обмениваться мнениями, становится незаменимым ресурсом для НКО, предпринимателей, государственных служащих. Организаторам и создателям подобного рода площадок необходимо аккумулировать всю полученную информацию и систематизировать ее. Такого рода практики собирают вокруг себя широкие слои общественности и уже не могут быть проигнорированы властными структурами. Для населения это возможность не только выразить свою гражданскую позицию и найти единомышленников, но и почувствовать причастность к политическим процессам, происходящим на федеральном и региональном уровнях. В некоторых случаях возможно решение спорных ситуаций без вмешательства властных структур, кооперирование граждан посредством сетевых коммуникаций позволяют достичь существенных результатов самостоятельно.

Целью статьи является анализ внедрения указанных программ в субъектах Российской Федерации на примере Хабаровского края, Ульяновской, Тульской, Мурманской областей.

В ходе исследования проводился анализ функционирования созданных в данных регионах информационных порталов, в том числе по таким критериям, как наличие обратной связи, полнота информации, частота обновления и т.д.

Результаты исследования демонстрируют, что реализация проектов на уровне регионов зависит от позиции властных структур, готовности налаживать коммуникативное взаимодействие с гражданами. При создании функциональных и удобных интернет-порталов для пользователей количество участников со стороны населения увеличивается. Результатом организации обратной связи и публикации результатов деятельности может стать эффективное коммуникативное взаимодействие на уровне власть-общество.

Ключевые слова: Интернет, краудсорсинг, «Открытый регион», электронное правительство, гражданская активность.

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта РГНФ №14-33-01241 «Гражданская кооперация в современной России: формы, механизмы и результаты».

Краудсорсинг в настоящее время активно развивается в качестве модели для решения различного вида проблем и задач, стоящих как перед бизнесом, так и перед государством и обществом в целом. Участие граждан в решении проблем заключается в том, чтобы собирать и присылать информацию о какой-либо проблеме или информации. Это становится возможным благодаря различным техническим средствам, главную роль из которых играют Интернет и мобильные телефоны. Именно благодаря им сегодня расширилось число людей, которые могут быть источниками информации.

Государственным структурам при решении социально значимых вопросов необходима консолидация с общественными институтами, которые официально являются представителями от населения. Граждане могут проявить свое участие в сборе информации по той или иной проблеме, а общественные институты служат связующим звеном между людьми и государством.

Краудсорсинг эффективно используется в кризисных ситуациях, при возникновении разного рода природных катастроф. Для оперативного разрешения проблемных вопросов усилий только государственных структур недостаточно. Пользователи Интернета и активные блоггеры путем налаживания сетевых коммуникаций активизируют самоорганизацию граждан, формируя сетевую общественность в online среде (Мирошниченко, 2011).

Появление платформ, в рамках которых граждане могут координировать свою деятельность и обмениваться мнениями, может стать незаменимым ресурсом для НКО, предпринимателей, государственных служащих. Организаторам и создателям подобного рода площадок необходимо аккумулировать всю полученную информацию и систематизировать ее. Такого рода практики собирают вокруг себя широкие слои общественности и уже не могут быть проигнорированы властными структурами. Для населения это возможность не только выразить свою гражданскую позицию и найти единомышленников, но и почувствовать сопричастность к политическим процессам, происходящим на федеральном и региональном уровнях. В некоторых случаях возможно решение спорных ситуаций без вмешательства властных структур, кооперирование граждан посредством сетевых коммуникаций позволяют достичь существенных результатов самостоятельно. Подобного рода феномен носит название «governance without government» (Кустарев, 2007). Это понятие было введено в 1992 г. Джеймсом Розенау и Эрнстом-Отто Чьемпилом (Rosenau, Czempiel, 1992). Управление без участия правительства становится успешным благодаря широкому применению информационных технологий.

В государстве, где власть открыта для общества, интерес к подобным проектам должен быть особенно высок. В России часто можно встретить недоверие к власти, гражданское общество начинает проявлять свою активность в митингах и акциях протеста. Для того чтобы граждане начали решать проблемы позитивным путем, необходим отклик со стороны государства и содействие

гражданским инициативам. Особенно важно конструктивное сотрудничество различных субъектов в условиях чрезвычайных ситуаций. Сетевые сообщества в данном случае позволяют создать площадки для взаимодействия власти и граждан в условиях чрезвычайных ситуаций, развить новые управленческие технологии, направленные на предупреждение чрезвычайных ситуаций, реагирование и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций (Морозова, Мирошниченко, 2010).

В демократическом государстве сотрудничество власти и общества служит залогом устойчивости политической системы и благополучия граждан. Такие проекты позволяют проводить мониторинг совершенно разных мнений и обращать внимание властей на те проблемы, о которых говорит общество. Россия как государство с обширными труднодоступными территориями и многоконфессиональным обществом особенно должно быть заинтересовано в развитии и поддержании подобных гражданских инициатив. При этом новые информационно-коммуникационные технологии заставляют властные институты меняться, в том числе и посредством создания «Открытое правительство» (Пономарев, 2011).

Чтобы оценить значимость внедрения краудсорсинга в сферу государственного управления, важно также оценить проекты, инициатива создания которых принадлежит органам власти. Примерами таких программ можно обозначить «Открытый регион» и «Электронное правительство».

Объектом исследования стали федеральные программы «Открытый регион» и «Электронное правительство».

Федеральный проект «Открытый регион», стартовавший уже во многих субъектах Российской Федерации, призван сделать органы власти более открытыми, повысить качество их работы за счет внедрения системы общественного контроля. В рамках проекта «Открытый регион» предусматривается создание площадки в сети Интернет, которая объединила бы равнодушных граждан и предоставила им методы поиска новых вариантов решения существующих проблем.

«Открытый регион» — реализация органами власти субъекта Российской Федерации системы мер по формированию и развитию открытого государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации (Открытый регион...). Внедрение механизмов открытости государственного и муниципального управления в субъектах Российской Федерации, в первую очередь, направлено на:

- повышение кадрового потенциала;
- повышение качества решений;
- снижение уровня коррупции;
- повышение качества государственных услуг;

- повышение инвестиционного потенциала региона и рост конкурентоспособности территорий;
- рост качества жизни;
- рост доверия между государством и обществом.

Система электронного правительства в первую очередь призвана наладить коммуникации между гражданами и властью через сеть Интернет, сделать работу государственных органов максимально открытой и доступной для обычного пользователя, а также упростить процедуры доступа населения к государственным услугам.

В Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства под электронным правительством понимается новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов (О Концепции формирования в Российской Федерации...).

Готовность регионов к электронному правительству неодинакова (Мелюхин, 2007). Определяющими факторами развития регионального электронного правительства РФ являются политическая воля руководства, бюджет региона, наличие научного потенциала для освоения ИКТ.

Показателями эффективности работы по созданию Электронного правительства служат:

- рост количества жителей региона, активно использующих информационные технологии в повседневной жизни, в выстраивании своих отношений с органами власти и бюджетными учреждениями;
- рост удовлетворенности населения качеством получаемых государственных услуг в электронном виде, повышение доверия к исполнительным органам государственной власти;
- сокращение финансовых, трудовых, временных затрат при осуществлении органами государственной власти и местного самоуправления своей текущей деятельности за счет внедрения ИКТ в их работу;
- повышение качества общественных услуг в сфере образования, медицинской помощи, социальной защиты населения за счет информатизации и внедрения ИКТ;
- повышение степени безопасности жизни населения за счет внедрения ИКТ органами правопорядка и гражданской обороны;
- устойчивое развитие рынка ИКТ (Рычкова, Манахова).

Общественный контроль является одним из приоритетных и наиболее значимых механизмов по внедрению принципов открытого государства, потому

что позволяет непосредственно власти и гражданину вырабатывать совместные решения. Гражданин должен видеть, каким образом его усилия и его вовлеченность приводит к конкретным изменениям.

Как отмечает министр РФ по вопросам открытого правительства Михаил Абызов, проект «Открытый регион» создается для того, чтобы вывести население из «серой зоны настороженности», а проще говоря, чтобы повысить доверие к региональной и муниципальной власти (Министр РФ по вопросам...).

В нашем исследовании электронное правительство рассматривается как одна из составляющих программы «Открытый регион». Критериями отбора областей для исследования выступили несколько показателей.

1. К пилотным регионам официально реализующими программу «Открытый регион», относятся 17 регионов. В этих регионах программа была официально запущена по поручению федерального центра. На данные регионы возложена большая ответственность, поскольку по результатам их работы можно будет судить о показателях реализации данного проекта. Одиннадцать субъектов и 3 муниципалитета присоединились к внедрению открытости государственного управления по собственной инициативе. Это те регионы, которые чувствуют необходимость и готовность проводить данную практику самостоятельно. На основе данного критерия решено было для исследования отобрать 2 пилотных региона и 2 региона присоединившихся.

2. Следующий критерий — региональные интернет-ресурсы каждого из регионов. Здесь оценивались направления, по которым работают властные структуры в регионе, и та сфера, где более всего налажено взаимодействие власть—общество.

3. Последним критерием стал индекс открытости правительства регионов России (Индекс открытости регионов), включающий перечень регионов, в которых правительство и властные структуры наиболее всего открыты гражданам данных регионов. Индекс рассчитывается на основе показателей, характеризующих четыре направления открытого правительства:

- сервисы социальных сетей (использование социальных сетей для взаимодействия с гражданами);
- открытые правительственные данные (доступность, легальность и возможность получить в машиночитаемом виде открытые данные);
- онлайн-сотрудничество с гражданами (использование онлайн-инструментов для сотрудничества с гражданами при выработке, реализации и оценке результатов политики органов власти субъектов РФ);
- интегрированные/сетевые сервисы (оценка по методологии ООН использования органами власти различных инструментов для получения обратной связи от граждан — опросов, досок объявлений, чатов, дискуссионных форумов и т.д.).

Таким образом, были отобраны для исследования 4 региона:

1) Хабаровский край — проект-пилот по поручению, с низким индексом открытости правительства в данном регионе и малым количеством реализуемых интернет-проектов;

2) Ульяновская область — проект-пилот по поручению, занимает лидирующие позиции по открытости правительства в регионе, где особо развиты интернет-ресурсы, направленные на улучшение взаимодействия между властью и обществом;

3) Тульская область — присоединившийся регион; несмотря на то что индекс открытости правительства в данном регионе находится на низком уровне, он является передовым по реализации проекта «Открытый регион» и имеет самое большое количество интернет-ресурсов, которые призваны наладить коммуникативное взаимодействие населения и властных структур;

4) Мурманская область — присоединившийся проект; по индексу открытости правительства данный регион находится на последних позициях, на официальном портале программы «Открытый регион» от данной области не было заявлено ни одного интернет-ресурса, что говорит о низкой заинтересованности данного региона в реализации проекта.

Для дальнейшего изучения необходимо ознакомиться с указанными регионами и проследить ход реализации на их территории данных проектов.

В рамках проекта «Открытый регион» в Хабаровском крае открыт интернет-портал, где каждый житель может оставить обращение по любому вопросу и ознакомиться с данными об органах власти. К работе на данном ресурсе подключены более ста государственных структур, в том числе Правительство Хабаровского края. Для того чтобы отправить обращение или жалобу, необходимо выбрать из предложенного списка тему и адресата. Так, жители могут обратиться с жалобой или обращением по разным вопросам, не только ознакомиться со сложившейся ситуацией в своем регионе, но и увидеть действенность обратной связи. Также на сайте ведется мониторинг количества поступивших обращений и решенных проблем.

По данным пресс-службы администрации Хабаровского края (Число обращений жителей...), по итогам 2013 г. жители Хабаровского края стали чаще обращаться через Интернет: из 55 тысяч направленных запросов 21 тысяча поступила через Интернет. По сравнению с 2012 г. данные показатели были ниже практически на 70%. Причиной таких изменений стало удобство в использовании данного ресурса, прежде всего скорость рассмотрения обращений и обратной связи. Больше всего обращений касается сферы жилищно-коммунального хозяйства и в период чрезвычайных ситуаций.

Упростилась процедура авторизации на сайте: требуется только наличие телефона. Раньше для авторизации на портале необходимо было использовать СНИЛС и иметь пароль для доступа к сайту «Госуслуги» либо получить пароль

в ближайшем отделении многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг.

Механизмы электронного правительства как составляющей открытости региона предусматривают создание электронного бюджета, электронный документооборот, предоставление электронных муниципальных услуг.

На портале «Открытый регион» жители обращаются с различными проблемами социального характера. Каждый посетитель видит ход решения собственной проблемы и то, с какими проблемами обращаются другие пользователи. На сегодняшний момент речь идет только о жалобах и обращениях.

Ульяновскую область можно назвать передовой по внедрению системы «Открытое правительство», «Открытый регион». Она стала первым регионом, который ввел пост министра по вопросам открытого правительства. В феврале 2014 г. в регионе был составлен рейтинг эффективности региональных органов власти и муниципальных образований с точки зрения наличия открытых данных на их официальных сайтах.

В марте 2014 г. была обновлена информация по местным спортивным объектам и учреждениям, рекламным агентствам, отраслям промышленности, музеям, культурным учреждениям и др.

В Ульяновской области существует множество порталов, призванных повысить уровень открытости в регионе. «Открытые данные» — информационный портал, где каждый житель области может ознакомиться с любой интересующей его информацией по разным разделам — от образования до промышленности. На сайте ведется статистика посещения гражданами портала. На портале «Электронное правительство Ульяновской области» можно получить информацию о государственных и муниципальных услугах, подать жалобу, обратиться с предложением, ознакомиться с функционирующим законодательством. Портал «Электронный Ульяновск» работает по профилю приобщения государственных и негосударственных структур к системе электронного взаимодействия друг с другом и населением, а также повышения компьютерной грамотности среди населения. В регионе также действует федеральная социальная программа «Бабушка — онлайн», направленная на повышение компьютерной грамотности граждан старшего возраста. Всего обучение навыкам работы с информационными технологиями летом 2014 г. прошли около 56 тыс. жителей Ульяновской области.

Важным достоинством интернет-ресурсов в области является разноплановость информации. Ни один из порталов не содержит одинаковой информации и каждый из жителей региона может найти именно то, что его интересует на данный момент.

Рядовой гражданин обращается на портал «Открытый регион», поскольку именно там можно оповестить о проблеме оперативно и так же оперативно

получить информацию о ее решении. На сайте «Электронное правительство» в обсуждении разного рода проектов и НПА участвуют уже более компетентные граждане. Таким образом, охвачены все социальные слои населения.

В рамках программы «Открытый регион» в Тульской области на портале orenregion71.ru запущен сервис «Вопрос — ответ», который позволяет жителям получить ответ за 10 дней вместо обычных 30 дней. По просьбам жителей был добавлен сервис «Народный контроль», призванный контролировать качество выполняемых работ. В настоящее время на портале размещено более 20 сервисов для жителей: народная карта Тульской области, народный бюджет, народная программа, открытый муниципалитет, классификатор вопросов-ответов для решения проблем жителей за 10 дней, инвестиционная карта Тульской области, Культурный навигатор Тульской области (мобильный гид Тулы).

Правительством Тульской области была утверждена Программа совершенствования государственного управления в Тульской области «Открытый регион» на 2014–2016 годы (О программе совершенствования государственного...). Цель данного нормативного правового акта систематизация дальнейших действий и совершенствование нормативного правового регулирования дальнейшего развития системы открытого государственного и муниципального управления в Тульской области.

Программа совершенствования государственного управления в Тульской области «Открытый регион» на 2014–2016 годы (Программа совершенствования...) является базовым для разработки целой системы документов, направленных на повышение качества и эффективности государственного управления, институционального развития и обеспечения роста качества жизни, доверия граждан, устойчивого развития, улучшения инвестиционного климата и конкурентоспособности через инструменты расширения форм и каналов участия граждан в государственном и муниципальном управлении, подотчетности и прозрачности деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Портал «Народное правительство Тульской области» призван освещать вопросы кадрового потенциала региона. Здесь обсуждается список рекомендованных для включения в резерв управленческих кадров Тульской области, каждый желающий может ознакомиться с данным списком и с порядком назначения властных структур в регионе.

Портал открытых данных правительства Тульской области содержит 9 приложений: открытый бюджет Тульской области, открытое ЖКХ, электронное МВД, дороги Тульской области, мобильное приложение «Донор», культурный навигатор, открытый регион 71, инвестиционный портал Тульской области, бесплатный wi-fi Тульской области. На портале также размещены информационные данные по разным направлениям. Все разделы отображены на карте области, где каждый желающий может выбрать интересующую его сферу, информацию о ней и местоположение.

На портале «Открытый регион 71, портал управления Тульской областью» представлены электронные данные, с помощью которых граждане получают доступ к государственным услугам в регионе, на сайте можно обратиться с проблемой разной направленности, отметить ее на карте и ознакомиться с вопросами, с которыми граждане уже обращались. Граждане могут влиять на политику в регионе и осуществлять народный контроль при помощи экспертизы нормативно-правовых актов, раздел «Народное управление» предусматривает проведение проектной деятельности среди представителей территориального общественного самоуправления. Каждый из жителей может участвовать в программе «Народный бюджет», для этого на сайте есть подробное описание проекта и правила участия в нем. В рамках направления «Народный контроль» введена горячая линия для обращений граждан, тематика народного контроля — сфера ЖКХ. Раздел оснащен видео- и фотоматериалами о результатах деятельности. Раздел «Мониторинг исполнения указов президента» демонстрирует результаты работы по выполнению закрепленных главой государства показателей развития.

Несмотря на то что Интернет становится неотъемлемой частью каждого жителя страны, уровень правовой и политической грамотности остается по-прежнему на низком уровне. Доступность, открытость, функциональность являются необходимыми составляющими при создании подобных интернет-ресурсов.

Отстающей среди изученных областей является Мурманская область. Интернет-ресурсы региона в основном носят информационный характер. На портале Мурманской области «Регион 51» можно увидеть новости региона и федерального центра, комментарии жителей города по поводу прошедших мероприятий в регионе. Данный портал не имеет индивидуальных особенностей и представляет собой информационный, новостной портал. Таким образом, можно сделать вывод, что из всех изученных регионов Мурманская область находится на самом низком уровне по реализации проекта «Открытый регион». Невозможно проследить результаты работы как властных структур, так и позиции жителей региона.

Исследование реализации проектов «Открытый регион» и «Электронное правительство» позволило прийти к нескольким выводам. Активность граждан во взаимодействии с органами власти через сеть Интернет обусловлена удобством и функциональностью порталов, действующих в рамках реализации данных программ. Показатель результатов в регионах не зависит от того, является ли область участником проекта по поручению или по собственной инициативе. Взаимодействие между властью и обществом эффективно в тех регионах, где направления работы властных органов через сеть Интернет разноплановы: каждый гражданин может обратиться с той проблемой, которая интересует именно его. Ключевыми показателями также служат обратная связь и публикация

результатов работы. Каждому жителю необходимо чувствовать сопричастность к политическим процессам, происходящим в регионе.

На основании изученных областей можно сделать следующие выводы:

1) реализация проектов на уровне регионов зависит от позиции властных структур, готовности налаживать коммуникативное взаимодействие с гражданами;

2) эффективность реализации проектов «Открытый регион», «Электронное правительство» не зависит от статуса региона и того, является он пилотным проектом или присоединившимся;

3) наиболее правильно сконструированными и информативными являются интернет-порталы, деятельность и направленность которых различна;

4) при создании функциональных и удобных интернет-порталов для пользователей количество участников со стороны населения увеличивается;

5) организация обратной связи и публикации результатов деятельности позволяет наладить коммуникативное взаимодействие на уровне власть—общество.

Проекты краудсорсинга могут быть использованы представителями власти и общественности для решения разного рода проблем. Данная практика на современном этапе затрагивает разноплановые проблемы: борьба с катастрофами, поиск новых маркетинговых идей, актуализация мнений общественности на региональном и федеральном уровнях. Сетевые коммуникации сейчас позволяют минимизировать последствия временной разницы и расстояний между гражданами разных стран. В поиске качественно новых решений практически не остается ограничений.

Краудсорсинг, как правило, не представляет собой мнение большинства, тем не менее, он может быть использован в ходе опроса, когда граждане обсуждают какой-либо вопрос и выражают свое мнение после обсуждения (Измествьева, 2013). Также краудсорсинг очень уязвим для лоббирования, что не всегда служит плохим признаком. Важность краудсорсинга для граждан заключается в том, что он становится новым инструментом для активизации мнений и лоббирования интересов сообщества.

Многие проблемы не требуют вмешательства со стороны государства и могут быть решены силами самих граждан. И все чаще краудсорсинг становится практически единственным способом граждан сказать о существующих проблемах и найти помощь среди других людей, не доверяя государству. Такое отношение, в частности, сложилось у населения во время пожаров 2010 г., когда в период чрезвычайной ситуации проявились неподготовленность и нескоординированность действий многих ответственных органов. Тогда единственным источником помощи друг другу были сами люди. Сетевые ресурсы стали связующим звеном, основанным на взаимном доверии пользователей сети. Иногда такого рода консолидация возникает по причине недоверия граждан официальным органам. Из

этого можно сделать вывод, что в российской действительности краудсорсинг зачастую используется в тот момент, когда действия власти неэффективны.

Однако стоит отметить, что государство располагает значительным количеством ресурсов. И решение большинства социальных проблем не обходится без участия властных структур. В то же время краудсорсинговые проекты могут служить неким сигналом для органов власти, чтобы они могли своевременно реагировать на социальные изменения и проблемы.

Опыт краудсорсинговых платформ показывает, что они могут быть достаточно гибкими. Они создаются для решения конкретных ситуаций, но продолжают свое существование после ее разрешения и могут также быть использованы в будущем для решения схожих проблем.

Проанализировав примеры применения методов краудсорсинга в социальной и политической сферах, можно определить ряд положительных показателей, которых достигают граждане и представители власти.

При помощи методики краудсорсинга, граждане разных стран могут видеть злободневные ситуации с более объективной стороны.

Информация, которая постоянно обновляется самими пользователями, позволяет взглянуть на проблему в динамике.

Появление такого рода платформ внушает надежду на то, что они смогут стать независимыми от влияния государственных структур, отражая настроения граждан по тому или иному вопросу. Формы гражданской активности из агрессивной трансформируются в конструктивный диалог.

Традиционные и нетрадиционные СМИ активно освещают подобные проекты. В результате власти не могут уклониться от решения проблем.

Граждане начинают осознавать свою причастность к социальным и политическим процессам, происходящим в государстве.

В то же время есть и ряд возможных негативных последствий: легкость манипулирования чужими мнениями в процессе обсуждения; большой объем информации, которая дублируется; некомпетентность граждан в некоторых вопросах, невозможность объективно оценить информацию; как правило, признание среди граждан получает самый активный пользователь, а не тот, кто конструктивно высказывает свое мнение.

Несмотря на то что традиционные СМИ активно участвуют в обсуждении проблемных вопросов, зачастую проблема освещается несколько однобоко — этот ресурс освещает преимущественно роль государства, а позиция граждан отражается в сети Интернет (блоги и социальные сети). Разница традиционных СМИ и краудсорсинговых платформ проявляется также в освещении событий. Традиционные СМИ обычно делают ставку на решение проблемы, как правило, занимая провластную позицию. Практика краудсорсинга, наоборот, в первую очередь уделяет внимание самим проблемам, а уже потом их решению и ме-

тодам решения. Таким образом, ограничивается монополия государства на обладание информацией и распространение ее в нужном свете.

С одной стороны, пользователем такой платформы может стать любой человек, но с другой — существуют специальные краудсорсинговые проекты, предназначенные исключительно для представителей властных структур («Регионалочка», «ГосБук»). Глобальные проекты призваны максимально систематизировать поступающую информацию, такая наглядность позволяет быстро оценить ситуацию и осуществлять помощь адресно. Кроме того, краудсорсинговые платформы малозатратны по времени и финансам.

К основным принципам краудсорсинга относятся: принцип мотивации (поощрение или вознаграждение участника); принцип диалога; принцип комфортности условий (данная платформа должна быть удобной как для клиента, так и для заказчика); принцип состязательности.

Ключевым является вопрос, касающийся мотивации. Можно выделить ряд причин участия граждан в краудсорсинговых проектах:

- возможность изменить существующие проблемные ситуации;
- ощущение ответственности за предложенные и реализованные идеи и решения;
- возможность самореализации;
- осознание того, что твое мнение важно и является вкладом в общее дело;
- реальное вознаграждение в виде разного рода поощрений;
- общение с представителями экспертного сообщества;
- возможность приобретения новых навыков и знаний.

Краудсорсинг, использующийся в политике, затрагивает вопрос интеграции мнений людей в финальное решение. Но существует опасность, что краудсорсинг останется лишь инструментом для политиков, чтобы привлечь внимание и обеспечить себе популярность. В таком случае проект превращается в формальный краудсорсинг и снижает мотивацию людей участвовать в краудсорсинговых проектах в дальнейшем.

Российская практика использования краудсорсинга для решения различных социальных и политических проблем указывает на готовность российского общества кооперировать свои усилия для помощи друг другу. Обществу и государству сегодня нужен конструктивный диалог. Для этого необходимо, чтобы государство было заинтересовано в поддержке и развитии подобных общественных инициатив.

В различных кризисных ситуациях люди, которые обычно не склонны доверять друг другу, объединяются общей проблемой и у них появляется взаимное доверие. Краудсорсинг позволяет задействовать механизмы взаимопомощи и сотрудничества между людьми, а также механизм самоорганизации. Эти три механизма — неотъемлемый признак гражданского общества, которое действует без участия государства и само решает различные сложности.

Библиографический список

1. Измestьева, Е. Краудсорсинг для демократии: новая эра в принятии политических решений. Режим доступа: <http://te-st.ru/2013/05/28/crowdsourcing-for-democracy-new-era-in-policy-making/>
2. Индекс открытости регионов. Режим доступа: <http://eregion.ru/opengov>
3. Кустарев, А. (2007). Кем и как управляется мир. *Pro et contra*, ноябрь-декабрь, 6–19.
4. Мелюхин, И. С. (2007). Информационное пространство современного общества. *Информационное общество*, 2, 4–16.
5. Министр РФ по вопросам открытого правительства Михаил Абызов: «Опыт Ульяновской области должен быть распространён в других субъектах России». Режим доступа: <http://ulgov.ru/news/regional/16072012/23912/>
6. Мирошниченко, И. В. (2011). Конструирование сетевой общественности в online-среде публичной политики. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 138–145.
7. Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. (2010). Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: типы поведения акторов. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 16–24.
8. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р (ред. от 10.03.2009). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_86005/?frame=1
9. О программе совершенствования государственного управления в Тульской области «Открытый регион» на 2014–2016 годы: Постановление правительства Тульской области от 22.04.2014 № 209. Режим доступа: http://tulapravo.ru/products/consultant/news/news_tula/15029.html
10. Открытый регион. Электронное правительство. Режим доступа: <http://большое-правительство.рф/openregion/>
11. Пономарев, С. В. (2012). Государство в сети: новые институты коммуникации. *Власть*, 11, 38–41.
12. Программа совершенствования государственного управления в Тульской области «Открытый регион» на 2014–2016 годы. Режим доступа: <http://www.openregion71.ru/ekspertiza-npa/o-proekte-programma-sovershenstvovaniya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-tulskoy-oblasti-otkrytyy-region-na-2014-2016-/>
13. Рычкова, Ю. В., Манахова, И. А. Ульяновская область на пути к электронной демократии. Режим доступа: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/gkr_2013/source/authors/Richkova_Manakhova.pdf
14. Число обращений жителей Хабаровского края в органы власти увеличилось из-за наводнения. Режим доступа: http://www.rigma.info/news/company/chislo_obrashcheniy_zhiteley_khabarovskogo_kraya_v_organ_vlasti_uvelichilos_iz_za_navodneniya/
15. Rosenau, J. & Czempiel, E. (1992). *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 10.02.2015.

GOVERNMENTS' CROWDSOURCING PLATFORMS (THE CASE OF THE REGIONAL PROGRAMS «OPEN REGION» AND «E-GOVERNMENT»)

Sokolov A. V.

Sokolov Alexander Vladimirovich, Yaroslavl State University, 150000, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, st. Sovetskaya, 14. E-mail: alex8119@mail.ru.

This article was prepared within the framework of a study funded by the grant of Russian Foundation for Humanities № 14–33–01241 “Civic cooperation in modern Russia: the forms, mechanisms and results”.

Crowdsourcing gives authorities the opportunity to create a specific channel of communication with the public. The object of the study were the federal programs “Open Region” and “e-government”.

The advent of platforms through which citizens can coordinate their activities and exchange opinions, become an indispensable resource for NGOs, entrepreneurs and civil servants. Organizers and creators of this sites need to accumulate all the information and organize it.

Such practices collect around itself general public and can not be ignored by the authorities. It is an opportunity for the population not only to express their civic position and to find like-minded people, but also to feel involvement in the political processes taking place at the federal and regional levels. In some cases the solution of controversial situations can be without intervention of the authorities, citizens' co-operation through network communications can achieve significant results on their own.

The aim of the article is to analyze the implementation of these programs in the Russian Federation on an example of Khabarovsk Krai, Ulyanovsk region, Tula region, Murmansk region.

The research analyzed the functioning of the established in these regions information portals, including such criteria as the availability of feedback, completeness of information, the frequency of updates, etc.

Results of research show that the implementation of the projects at the regional level depends on the position of the authorities, their willingness to establish communicative interaction with citizens.

The number of participants from the population increases when online portal is functional and user-friendly. The result of the organization of the feedback and publication of results of activity could be effective communicative interaction at the level of authority-society.

Key words: Internet, crowdsourcing, “Open Region”, e-government, civic engagement.

References

1. Izmestieva, E. Kraudsorsing dlya demokratii: novaya era v prinyatii politicheskikh resheniy [Crowdsourcing for democracy: a new era in the political decision-making]. Retrieved from: <http://te-st.ru/2013/05/28/crowdsourcing-for-democracy-new-era-in-policy-making/>
2. Indeks otkrytosti regionov [Disclosure Index regions]. Retrieved from: <http://eregion.ru/opengov>
3. Kustarev, A. (2007). Kem i kak upravlyayetsya mir [By whom and how the world is governed]. *Pro et contra* [Pro et contra]. November-December, 6–19.
4. Melyuhin, I. S. (2007). Informatsionnoye prostranstvo sovremennogo obshchestva [Information space of modern society]. *Informatsionnoye obshchestvo* [Information Society], 2, 4–16.

5. Ministr RF po voprosam otkrytogo pravitel'stva Mikhail Abyzov: "Opyt Ul'yanovskoy oblasti dolzhen byt' rasprostranon v drugih sub'yektakh Rossii" [Minister for Open Government Mikhail Abizov: "The experience of the Ulyanovsk region should be extended to other regions of Russia"]. Retrieved from: <http://ulgov.ru/news/regional/16072012/23912/>. Verifying access — 02/23/2014.
6. Miroshnichenko, I. V. (2011). Konstruirovaniye setevoy obshchestvennosti v online srede publichnoy politiki [Construction of the public network in an online public policy]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 4, 138–145.
7. Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. (2010). Setevyye soobshchestva v usloviyakh chrezvychaynykh situatsiy: tipy povedeniya aktorov [Network community in emergency situations: the behaviors of actors] *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 4, 16–24.
8. O Kontseptsii formirovaniya v Rossiyskoy Federatsii elektronnoy pravitel'stva do 2010 goda: rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 06.05.2008 N632-r (red. ot 10.03.2009). [About the Concept of the Russian Federation in the form of e-government until 2010: the disposal of the Government of the Russian Federation of 06.05.2008 N632-p (ed. By 10.03.2009)]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_86005/?frame=1
9. O programme sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravleniya v Tul'skoy oblasti "Otkrytyy region" na 2014–2016 gody: Postanovleniye pravitel'stva Tul'skoy oblasti ot 22.04.2014 № 209 [About the program to improve governance in the Tula region "Open Region" on 2014–2016 years: Resolution of the Government of Tula region of 22.04.2014 № 209]. Retrieved from: http://tulapravo.ru/products/consultant/news/news_tula/15029.html
10. Otkrytyy region. Elektronnoye pravitel'stvo. [Open region. E-government]. Retrieved from: <http://большоеправительство.пф/openregion/>
11. Ponomarev, C. B. (2012). Gosudarstvo v seti: novyye instituty kommunikatsii [The State on the network: the new institutions of communication]. *Vlast'* [Power], 11, 38–41.
12. Programma sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravleniya v Tul'skoy oblasti "Otkrytyy region" na 2014–2016 gody [Program to improve governance in the Tula region "Open Region" on 2014–2016 years]. Retrieved from: <http://www.openregion71.ru/ekspertiza-npa/o-proekte-programma-sovershenstvovaniya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-tul'skoy-oblasti-otkrytyy-region-na-2014-2016-/>
13. Rychkova, Y. V., Manahova, I. A. Ul'yanovskaya oblast' na puti k elektronnoy demokratii [Ulyanovsk region on the road to e-democracy]. Retrieved from: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/gkr_2013/source/authors/Richkova_Manakhova.pdf
14. Chislo obrashcheniy zhiteley Khabarovskogo kraya v organy vlasti uvelichilos' iz-za navodneniya [Number of hits residents of Khabarovsk Krai to the authorities increased due to flooding]. Retrieved from: http://www.rigma.info/news/company/chislo_obrashcheniy_zhiteley_khabarovskogo_kraya_v_organy_vlasti_uvelichilos_iz_za_n
15. Rosenau, J. & Czempiel, E. (1992). *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ: ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ И МОДЕЛИ¹

.....

Тезадова Д. А.

Тезадова Диана Артуровна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл.
почта: tezadova@mail.ru.

В данной статье автор рассматривает концептуальное понимание социальных функций государства, теорий, практик и моделей социальной политики. Анализируются конструктивные характеристики и проблемные аспекты таких моделей государственной социальной политики как монетаристская (в интерпретации Фр. А. Хайека); патерналистская; модель государства всеобщего благосостояния. Изучается типология государств всеобщего благосостояния с позиции такой категории анализа как понятие социальной поддержки. Призма социальной поддержки позволила автору выделить различия современных социальных государств по признаку ухода за детьми и престарелыми, признаку вклада секторов гражданского общества в уход и заботу о гражданах, степени приватизации и коллективизации данных социальных услуг. Рассматривается переход от семейной солидарности в предоставлении услуг заботы и ухода за членами семьи в сторону маркетизации социальных услуг государственных институтов в сфере социальной поддержки. Подробно исследуются современные направления социальной политики в странах Европы: динамика расходов на социальную политику; программы защиты семейного дохода; минимальный уровень жизни людей с ограниченными возможностями и людей, полностью потерявших трудоспособность; социальные пособия для трудоспособных, но не имеющих никаких доходов граждан; финансовая поддержка пожилых и больных граждан; социальные выплаты детям и женщинам по беременности и родам; социальная помощь неполным семьям. Для рассмотрения современной модели социальной политики в РФ переоцениваются итоги социальной политики в СССР и определяется современное состояние путем последовательного рассмотрения изменений в сфере законодательного, финансового и институционального обеспечения российской социальной политики. Среди минусов существующей модели социальной политики в РФ называются нечеткость миграционной политики, нерешенность институциональной модернизации социальной системы, фрагментарность и незавершенность реформ социальной сферы и тот факт, что любой пересмотр государственных социальных обязательств упирается в бюджетные и политико-административные ограничения.

Ключевые слова: социальная политика, модели социальной политики, государство всеобщего благосостояния, проблемы и реформы в социальной сфере, социальная поддержка.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук по проекту № МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества».

В современном мире возрастает роль социальной составляющей в процессе управления государством, соответственно, исследования основного содержания, направлений и моделей социальной политики приобретают особую актуальность.

В целом социальная политика представляет собой систему мер и инструментов, направленных на достижение социального благосостояния граждан. При этом социальное благосостояние в узком смысле может включать гарантированный государством минимальный уровень доходов, социальный контроль за благосостоянием подрастающего поколения, социальный контроль за асоциальными группами населения, а в широком смысле помимо вышеперечисленного включает социальные услуги для различных слоев населения, в том числе и социальную безопасность граждан. Социальная политика — это сфера деятельности государства, которая определяет стратегию и цели развития общества, включает направления деятельности негосударственных учреждений, обеспечивает эффективное и справедливое функционирование рынка труда, сфер образования, здравоохранения, семейной сферы, пенсионного обеспечения и других сфер, включенных в жизнедеятельность человека/гражданина.

Основными направлениями социальной политики государства можно назвать материальную безопасность граждан в виде социальных пособий и гарантированного минимума доходов; функционирование социальных служб для различных социально-демографических групп населения; информирование, надзор и консультирование.

Т. Ю. Сидорина пишет, что «с практической стороны появление социальной политики обусловлено насущными потребностями человечества, с теоретической — ее формирование сложилось под влиянием социально-философской и экономической мысли прошлых веков» (Сидорина).

И. А. Григорьева отмечает, что в связи с ростом вмешательства государственных институтов в общественные процессы и попытками осуществления социально-экономического контроля над различными группами населения возникла возможность и необходимость системного решения социальных вопросов, что привело к выделению социальной политики как самостоятельного направления государственной политики, регулирующего крупную сферу жизнедеятельности человека (Григорьева, 2003).

Концептуальное понимание социальных функций государства, теорий, практик и моделей социальной политики, а также рождение феномена государства всеобщего благосостояния, феноменов солидарности, социальной и экономической защищенности, социальной солидарности имеет многовековую историю. В общепринятой схеме развития современных стран на стадиях перехода от традиционных обществ к индустриальным все государства решали одинаковые социальные задачи: борьба с последствиями природных катастроф, эпидемий, народных бунтов, бедности и голода — данные задачи решались усилиями

сначала религиозных институтов, впоследствии — усилиями правителей и правительств. В современном понимании социальная политика возникает на базе индустриальной стадии развития государств, в рамках формирующегося гражданского общества, правового государства, демократического строя.

В XVIII–XIX вв. теоретическое развитие социальной политики представляло собой результат развития экономической и политической мысли.

Идеи «Союза социальной политики», созданного немецкими экономистами в 1872 г., в значительной степени определили в дальнейшем Германию как лидера системы социального страхования. Представители данной группы (А. Брентано, Г. Шмоллер, А. Гельд и др.) выдвинули тезис о сильном патерналистском государстве, которое бы обеспечивало социальную защиту рабочих и ограничивало свободу рабочих союзов по причине низкого уровня образования рабочих. Некоторые представители (А. Шеффле, А. Вагнер и др.), наоборот, говорили о социальной политике как о силе, способной объединить усилия государства и рабочих организаций в проведении реформ социальной политики.

Понятие и содержание социальной политики неразрывно связаны с идеями либерализма, синтез которых в нынешнее время реализуется в системе государства всеобщего благосостояния США. Либеральная традиция североамериканского государства заложена Т. Джефферсоном (конец XVIII в.) и определяется как классический либерализм, сменившийся впоследствии новой либеральной традицией (конец XIX в.) и политикой «нового курса» (1930-е гг.).

В Декларации независимости США и Билле о правах были заложены идеи защиты независимости каждого гражданина от государственного насилия и юстиции, что весьма значимо для дальнейшего развития социальной политики в рамках американского государства всеобщего благосостояния. В период «Джексоновской демократии» в 1820–1830-е гг. экономическая политика в США руководствовалась свободной конкуренцией и принципом *limited government* (ограниченное вмешательство государства в сферу экономики) (Либеральная традиция, 1997), в социальной сфере органы власти стали бороться с привилегиями классов и декларировали одинаковые возможности. В период президентства А. Линкольна были впервые поставлены в политическую повестку дня вопросы об улучшении материального положения малообеспеченных семей, наделении поселенцев бесплатными земельными участками. В период активного индустриального развития США в конце XIX в. обострились социальные проблемы, связанные с безработицей и обнищанием населения, что привело к распространению теории социал-дарвинизма. Американский социолог У. Самнер утверждал, что социально-экономическое неравенство является естественным условием развития общества и не может быть искоренено, поэтому государство должно самоустраниться от решения проблем бедности и нищеты и не помогать нуждающимся, тем самым поощряя иждивенчество и лень определенных групп населения, все должен решать естественный отбор (Ярошенко, 1994). В на-

чале XX в. в период президента Т. Рузвельта, затем при правлении В. Вильсона набирают силы политические идеи о государстве как гаранте свободы и благосостояния каждого гражданина, распространяется идея «человеческих отношений» на производстве (Либеральная, 1997), что формулирует новый вектор социальной политики — освобождение от классового сознания, право рабочих на создание профсоюзных организаций, решение трудовых конфликтов в пользу работников, система социальной защиты работников и их семей. П. Сорокин в 1930–1940-е гг. рассматривал социальную политику как специальный четвертый раздел социологии, называя ее (социальную политику) практической и прикладной дисциплиной, «социальной медициной или учением о счастье» (Сорокин, 1992).

В. Ярская предполагает, что развитие социальной политики в середине XX в. как ядра научной парадигмы о социальном государстве смогло объединить такие идеи как (Ярская, 2003):

- теория социальной справедливости, социология риска, теория общественного договора;
- теория Т. Маршалла, согласно которой в либеральном обществе государство должно представлять минимальную социальную поддержку гражданам, для того чтобы стимулировать их участие в производстве общественных благ;
- теория Т. Парсонса, согласно которой государственная социальная политика необходима для урегулирования конфликтов развития индустриальных обществ;
- марксистская теория, согласно которой социальная политика есть идеологический инструмент, убеждающий граждан в том, что капиталистическое государство предоставляет им легитимное социальное благополучие.

Социальная политика как самостоятельное направление деятельности и функция государства получила наибольшее развитие во второй половине XX в.

Взаимодействие таких факторов как характер экономической деятельности, политическое устройство государства, культурные и исторические особенности социума детерминирует возникновение и функционирование моделей социальной политики. Применительно к XX–началу XXI в. можно наблюдать существование таких моделей государственной социальной политики: монетаристская (в интерпретации Фр. А. Хайека); патерналистская; модель государства всеобщего благосостояния:

1) монетаристская модель характеризуется минимальным вмешательством государства в социально-экономические процессы, высокой конкуренцией, координирующей деятельность рыночных механизмов (спроса и предложения), при условии законодательного регулирования конкурентных рамок, обеспечения неприкосновенности частной собственности, создании условий для равенства возможностей граждан. Также для данной модели характерно

отсутствие контроля над ценообразованием и заработной платой. Высокий уровень индивидуализма и экономической свободы граждан, равные возможности и непредсказуемость рынка рожают разные уровни успешности индивидов, что обуславливает конечный уровень благосостояния и достижение таких объемов и качества доступных социальных благ, которые человек сам в состоянии заработать (Хайек, 1992). Мы видим, что в монетаристской модели социальная функция государства минимальна и не регулирует издержки инфляции и безработицы, нет помощи социально незащищенным или нуждающимся группам населения. Данная модель государственной социальной политики была свойственна странам с либеральной рыночной экономикой (например, США) до второй половины XX в. Основными проблемами такой модели стали бедность и имущественное неравенство даже в период стабильного экономического роста. Указанные недостатки привели к отказу/трансформации данной модели в большинстве развитых государств;

2) тотальное контролирование государством социальных и экономических процессов, а также доминирование государства в сфере социальной политики и социальной защиты — основные характеристики патерналистской модели социальной политики. Данная модель была характерна для СССР и стран-представителей блока социалистических государств, где преобладала государственная собственность, существовала экономика планового характера и главенствовала коммунистическая идеология (Маринова). Принцип патернализма заключался в доминировании государства в решении любых социальных вопросов и при реализации социальных потребностей личности, также государственное влияние было распространено и на сферы распределения и потребления социальных благ. При этом государство гарантировало право на труд/ обязанность трудиться для всех граждан трудоспособного возраста, все граждане обеспечивались едиными унифицированными социальными стандартами. Достоинствами данной модели можно назвать высокую социальную защищенность для всех групп населения, вне зависимости от пола и возраста, также очень высокий уровень реализации социальной функции самого государства (в отличие от предыдущей модели). К недостаткам отнесем ограниченность (фактически отсутствие) экономической свободы гражданина, возможностей для индивидуальной самореализации граждан, самостоятельности в отношении индивидуального определения социальных интересов. Государственные стандарты оплаты труда и распределения социальных благ повсеместно снижали мотивацию к труду и саму производительность труда, порождая высокий уровень иждивенчества и приведя к существенным недостаткам государственных ресурсов в выполнении заявленных социальных целей. Кризис данной модели показал ее полную неэффективность;

3) модель государств всеобщего благосостояния стала формироваться в развитых странах после Второй мировой войны. Данная модель характерна для

государств, уделяющих социальной политике особое внимание и функционирующих на принципах социально ориентированной рыночной экономики, сочетающих рыночную свободу и государственное регулирование, т.е. представляет собой активный синтез либеральной и патерналистской моделей (Олейникова, 2012). Основными приоритетами данной модели являются плюрализм форм собственности, активное государственное участие в функционировании социально-трудовых отношений (система трипартизма — активного социального партнерства наемных работников, работодателей, органов власти), перераспределение доходов в обществе благодаря прогрессивной системе налогообложения и налоговым льготам для различных социально уязвимых групп.

Отметим, что социальная политика в СССР была огосударствлена, в европейских странах и странах Северной Америки в процессе перехода к модели государства всеобщего благосостояния удалось выстроить систему социальной политики, основанную на сочетании рыночных механизмов, взаимодействии власти и бизнеса, построении стабильного третьего класса, активизации собственных усилий граждан для выстраивания индивидуального благополучия.

В рамках модели государств всеобщего благосостояния есть несколько классификаций, выделяемых разными авторами.

Согласно Г. Эспинг-Андерсену (Esping-Andersen, 1990), существуют три модели welfare state:

– неолиберальная модель (США, Великобритания и др.): можно отметить, что США позже, чем другие развитые государства, ступили на путь формирования социально ориентированного государства, тем самым признавая, что рыночная экономика не в состоянии решить проблемы социального неравенства без вмешательства государства в эту сферу (Надель, 2000). Главной целью государства всеобщего благосостояния в США является обеспечение минимального уровня социальной защиты граждан и более равномерное распределение доходов, при этом многочисленные социальные программы решаются в разной степени на федеральном уровне, уровне штата, местном уровне. Благодаря принятой политике социальной компенсации экономических издержек и развитому механизму налоговых льгот для развития и частного, и государственного секторов экономики в стране удается реализовывать консенсус между либерально-консервативным и социально-экономическим векторами развития. Некоторые авторы отмечают, что процесс маркетизации государственных структур по предоставлению социальных услуг для граждан (гражданин становится клиентом, а не просителем) дает положительные результаты по сравнению с бюрократической моделью предоставления социальных услуг населению (Гонтмахер, 2000);

– консервативно-корпоративистская (Франция, Германия, Италия и др.): например, немецкая модель социальной политики ориентирована как на трудоспособное, так и на нетрудоспособное население и включает развитую систему социальной помощи, сочетающую предоставление государственных социаль-

ных услуг уязвимым группам и социальную защиту наиболее нуждающихся и беднейших слоев населения. Немецкая модель ориентирована не на перераспределение социальных услуг и благ между всеми слоями населения, а на создание такого социального порядка (социально ориентированной рыночной экономики), при котором в социальной помощи нуждается минимальное число граждан (Гутник, 2002);

– социал-демократическая (Финляндия, Швеция, Дания и др.): например, в Швеции реализованы такие принципы социальной политики как социальная уверенность, солидарность, равенство, справедливость, универсальность и коллективность (Антропов, 2005). Также в шведской модели социальной политики построено такое государственное социальное обеспечение, которое не зависит от социально-экономического статуса человека и реализуется через прогрессивную систему налогообложения. Еще одной отличительной особенностью данного государства является четкая взаимосвязь политики и рынка, причем социальная политика рассматривается как основной механизм ослабления социального неравенства граждан. Критики данной модели (Павлов, 2008; Наклонов, 2008) говорят о невозможности ее внедрения в социально-экономические системы других государств, так как гарантированный свободный доступ всех граждан к социальным услугам и большие налоги на сферу бизнеса и на самих граждан могут порождать индифферентность граждан к участию в воспроизводстве благ, привести к кризису семьи, уравниловке в системе образования и т.д., несмотря на то что самой Швеции удается справляться с данными проблемами.

Бельгийский исследователь А. Сапир (Sapir, 2005) выделяет четыре европейские социальные модели: северная модель (Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды) — высокий уровень социальной защиты, сильная фискальная нагрузка на работающих граждан, универсальный характер социальных пособий; англосаксонская модель (Великобритания, Ирландия) — социальные пособия предоставляются гражданам в случаях нужды либо бедности и в первую очередь выплачиваются трудоспособным, профсоюзы слабы, высокий уровень неравенства на рынке труда; континентальная модель (Германия, Франция) — система социальной защиты выстраивается на профессионально-корпоративистской основе и зависит от взносов, выплачиваемых работниками, высокая роль профсоюзов, лица, не имеющие рабочей страховки, получают выплаты из государственного бюджета; средиземноморская модель (Греция, Италия, Португалия, Испания) — в системе социальных трансфертов преобладают пенсионные выплаты, получатели государственных социальных пособий сегментированы по статусу, система социальной защиты направлена на поддержку молодых работников и вытеснение с рынка труда пожилых работников.

А. И. Сизова пишет, что социальная политика во всех европейских странах носит проактивный и очень чувствительный характер в отношении трудоспособного населения, а в отношении социальной помощи нетрудоспособным

(детям, людям с ограниченными возможностями, людям с ментальными заболеваниями, неработающим матерям) — носит застывший, привычно схематичный характер (Сизова). Можно сделать вывод, что система социального обеспечения направлена на нетрудоспособные группы населения, тогда как объектом самой социальной политики являются только «нормальные» граждане.

Р. Битти и В. МакГиливрей (Beattie, 1995) отмечают, что система социальной политики в европейских странах сосредоточена на социальной защите граждан от следующих социальных рисков: заболевание; инвалидность; производственный травматизм и профессиональное заболевание; потеря кормильца; материнство; безработица; миграция; потеря жилья; старость; семейные пособия. В систему включены и дополнительные виды социальной помощи: пособия по бедности, расходы по борьбе с бедностью; профилактика правонарушений среди подростков и детей; социальные пособия жертвам военных действий, военных конфликтов, стихийных бедствий и т.д.; мероприятия и расходы, связанные с заботой о семье (в том числе и различные налоговые льготы для семей).

М. Дэли и Дж. Льюис в своих работах вводят понятие социальной поддержки как категории анализа государства всеобщего благосостояния (Дэли, 2014). Они пишут, что социальную поддержку нужно рассматривать как деятельность и комплекс взаимосвязей, находящихся на пересечении интересов и деятельности государства, рынка и семьи. Концепция социальной поддержки изначально рассматривалась для определения специфических характеристик «ухода и заботы» как характеристик опыта жизни женщины, деятельность, связанная с уходом и заботой, воспринималась в контексте неоплачиваемых домашних услуг через связи брака/родства. Гендерное разделение оплачиваемой работы на протяжении XX в. фактически свелось к нулю, забота и уход в этот же временной период стали частью сферы государственных социальных услуг. Скандинавскими исследователями утверждалось, что работа женщин в школах, больницах, домах престарелых и других социальных учреждениях государства всеобщего благосостояния являлась формой «общественной патриархии» (Siim, 1987), т.е. женщины стали выполнять те же работы на государственной службе, что и дома, только теперь эти работы стали носить оплачиваемый характер. Социальная поддержка в государстве всеобщего благосостояния носит многомерный характер и включает денежные выплаты и услуги, а также формальную и неформальную государственную и частную деятельность по оказанию ухода. Изменение формата социальной поддержки в связи с трансформацией условий, в которых предоставляется уход (появление специальных отдельных учреждений), изменением обязанностей семьи и членов семей, изменением роли женщин в осуществлении ухода и заботы (перенос этой роли на социальные учреждения) привели к снижению предложения по оказанию социальной поддержки и к увеличению спроса на такого рода социальные услуги в конце XX в. Женщины в целом по всем странам берут на себя функции социальной

поддержки все меньше в связи с нежеланием осуществлять уход и заботу либо в силу необходимости пребывания на рынке труда и осуществления экономической деятельности (Moroney, 1976). Используя предложенную схему анализа государств всеобщего благосостояния, М. Дэли и Дж. Льюис выделили следующие модели (Дэли, 2014):

- в скандинавских странах забота и уход за престарелыми (получение ухода по месту жительства) и детьми (пребывание детей в государственных учреждениях дневного пребывания) являются задачей государства, а не отдельной семьи (Hanssen, 1997);

- в средиземноморских странах уход и забота продолжают оставаться правом и обязанностью семьи, рынок социальных услуг в этой сфере неразвит;

- в Германии социальную поддержку в отношении детей и престарелых людей может оказывать семья, в противном случае эту функцию выполняют добровольческие организации с помощью государственного финансирования;

- во Франции существует государственное финансирование ухода за детьми, добровольческий сектор осуществляет уход за пожилыми людьми;

- в Великобритании и Ирландии уход за детьми осуществляется добровольческими организациями, уход за престарелыми — государственными организациями, источники финансирования распределены соответственно принадлежности организаций.

Таким образом, призма социальной поддержки позволяет выделять различия современных социальных государств по признаку ухода за детьми и престарелыми, признаку вклада секторов гражданского общества в уход и заботу о гражданах, степени приватизации и коллективизации данных социальных услуг. В целом в европейских странах мы можем наблюдать переход от семейной солидарности в предоставлении услуг заботы и ухода за членами семьи в сторону маркетизации социальных услуг государственных институтов в сфере социальной поддержки, в некоторых европейских странах мы наблюдаем перенос предоставления услуг социальной поддержки в частный и некоммерческий сектора.

За последние 15–20 лет можно выделить следующие тенденции в сфере социальной политики развитых стран:

- расходы на социальную политику в европейских странах фактически сравнялись: в южноевропейских странах они увеличились, в северноевропейских оптимально стабилизировались;

- действуют программы защиты семейного дохода: возмещаются расходы на оплату жилья и медицинского страхования (Австрия, Ирландия, Люксембург, Франция); возмещается оплата жилья, услуги здравоохранения, оплата пребывания детей в дошкольных учреждениях (Финляндия, Германия, Португалия); возмещается оплата жилья и стоимость предметов домашнего обихода для тех,

кто не может себя обеспечить по личным или социальным причинам (Испания, Швеция);

- гарантирован определенный минимальный уровень жизни людям с ограниченными возможностями и людям, полностью потерявшим трудоспособность (почти все страны Европы);

- социальные пособия для трудоспособных, но не имеющих никаких доходов граждан не выплачиваются в Греции и Португалии; в Испании и Италии выплачиваются только в отдельных регионах из местного бюджета; в скромном размере выплачиваются во Франции и Великобритании; самое большое пособие по сравнению с другими странами выплачивается в Дании и Нидерландах;

- финансовая поддержка пожилых и больных граждан, социальные выплаты детям и женщинам по беременности и родам осуществляются во всех европейских странах, вариативен лишь размер указанных выплат;

- социальная помощь неполным семьям: в Греции такое пособие получает только одинокая мать; в Испании и Португалии пособие выплачивается только в отдельных регионах; + 50% дохода одинокого родителя к его/ее зарплате, пока ребенку не исполнится 3 года; в Дании и Нидерландах это пособие превышает 60% от заработной платы родителя; в остальных странах — значительно меньше.

Основными проблемами и актуальными нерешенными задачами социальной политики в современных развитых государствах в начале XXI в. стали: демографический кризис и процессы старения населения, иммиграция и миграция, социальные последствия структурных изменений в экономике и модернизации хозяйства, создание новых форм семьи и рост числа одиноких людей, рост затрат на социальные нужды. Также остаются неразрешенными споры о «*breaking-point*» (переломный момент) в системе налогообложения: в какой момент увеличение налоговых ставок на доход граждан приведет не к пополнению бюджета, а к возможности снижения системы социальных выплат населению, и обратный процесс — когда низкие налоги не смогут обеспечить высокий уровень социальных услуг для граждан развитых государств.

Во время нынешнего экономического кризиса в условиях ограниченности ресурсов и продолжающих возрастать потребностей социально-демографических групп многие европейские страны ввели политику сокращения социальных льгот и выплат в отношении семейных пособий и платы за жилье, обязательные пособия при низком доходе были заменены на пособия по специфическим потребностям. Постепенно разрушается монополия государства на перераспределение и производство социальных благ и услуг, осуществляется передача социальных служб в смешанное владение, что, возможно, повлечет за собой отказ государства от социальных обязательств перед гражданами, и пострадают в первую очередь социальные интересы и социальная защищенность женщин, детей, людей с ограниченными возможностями, пожилых людей.

При рассмотрении современной модели социальной политики в РФ, необходимо оценить итоги социальной политики в СССР (Малева, 2009):

- высокий уровень урбанизации и всеобщей грамотности, разрыв в уровне и качестве жизни сельского и городского населения, алкоголизация сельского населения;

- высокий уровень экономической активности женщин, гендерный разрыв в оплате труда, феномен гендерного контракта «матери+работницы» для женщин, недостаточное развитие сектора социальной политики, предоставляющего услуги по уходу за детьми и пожилыми людьми — все вместе приведшее к снижению рождаемости;

- эгалитаризм оплаты труда (низкая дифференциация заработной платы, создаваемая искусственно), эгалитаризм потребления материальных благ, частичное возмещение материальных благ в виде социальных льгот и привилегий для определенных групп населения;

- этатизм и огосударствление социальной сферы, социальных отраслей и социальных учреждений;

- патерналистский характер социальной политики.

В первой половине 1990-х гг. началась модернизация системы социальной политики в постсоветской России, и этот этап можно охарактеризовать как попытки социальной политики справиться с социальными последствиями экономических преобразований и реформ: пенсионное и социальное обеспечение граждан было переведено на рельсы принципа страхового финансирования; государственные, региональные и местные бюджеты стали самостоятельны и финансово независимы друг от друга при решении вопросов социальной политики. Новой реалией того времени стало появление безработицы как социальной проблемы, которую необходимо было решить с помощью государственного регулирования (принятие ФЗ «О занятости населения в РФ» в 1991 г.).

Следующей социальной мерой стало принятие ФЗ «О социальной защите инвалидов» в 1995 г., основные положения которого были направлены на введение денежных обязательств (выполняемых не в полном объеме) государства перед данной социальной группой. Социальные цели лишь декларировались, не были подкреплены ресурсами, малоэффективны и привели не к устранению/смягчению последствий инвалидности, а к численному росту инвалидов (Малеева, Васин).

В период 1995–2005 гг. было реформировано трудовое законодательство и проведена пенсионная реформа. С февраля 2002 г. вступил в силу Трудовой кодекс РФ, который рационализировал трудовые отношения, привел их в консенсус с существующими условиями рыночной экономики и приблизил российские трудовые нормы к трудовым нормам стран ОЭСР. Задачами новой многоуровневой схемы пенсионного обеспечения стало снижение зависимости системы

от демографических факторов (старение населения), усиление связи размера пенсий с реальным трудовым вкладом работника, повышение индивидуальной ответственности за финансирование будущей пенсии, обеспечение достойного уровня пенсии и финансовой устойчивости пенсионной сферы, легализация трудовых доходов граждан, устранение государственного монополизма в пенсионной сфере и т.д. Однако исследователи признают, что пенсионная реформа не достигла поставленных результатов (Малева, 2008).

В 2005–2008 гг. началась «монетизация льгот»: социальные льготы до этого момента носили патерналистский и рудиментарный характер советского наследия. Данный модернизационный процесс (несмотря на болезненность и противоречивость) привел к сокращению ареала льгот и льготников, натуральное выражение льгот было заменено на денежные выплаты, региональные и местные бюджеты стали нести бремя новых расходных полномочий в социальной сфере (Обзор социальной политики в России, 2007).

В 2006 г. в политическую повестку дня красной нитью вошли демографические проблемы (высокая смертность вкупе с низкой рождаемостью на фоне необходимости миграционных притоков). Единственными политическими инструментами решения данных проблем стали меры монетарного и протекционистского характера (Гнедаш, 2014):

- материнский капитал для женщин, родивших/усыновивших второго/третьего/последующего ребенка, индексируемый из года в год;
- увеличение размера пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет;
- новый механизм выплат пособий по беременности и родам;
- денежная компенсация за пребывание ребенка в детском дошкольном учреждении;
- введение родовых сертификатов и др.

Дискуссии об эффективности указанных мер продолжаются до сих пор (Низкая рождаемость, 2006; Малева, 2006), бесспорно одно: демографическая ситуация в РФ почти соответствует последнему тренду демографической модернизации, согласно которому развитые страны находятся в состоянии нового демографического равновесия, обусловленного низкой смертностью и низкой рождаемостью. Наша страна перешла к низкой рождаемости, но смертность продолжает оставаться высокой, и возраст дожития все еще достаточно низок среди граждан РФ.

Подведем итоги. Социальная политика представляет собой систему мер и инструментов, направленных на достижение социального благосостояния граждан. Основными направлениями социальной политики государства можно назвать материальную безопасность граждан в виде социальных пособий и гарантированного минимума доходов; функционирование социальных служб для различных социально-демографических групп населения; информирование, надзор и кон-

сультирование. Взаимодействие таких факторов как характер экономической деятельности, политическое устройство государства, культурные и исторические особенности социума детерминирует возникновение и функционирование моделей социальной политики. Применительно к XX–началу XXI в. можно наблюдать существование таких моделей государственной социальной политики: монетаристская модель; патерналистская модель; модель государства всеобщего благосостояния. Призма социальной поддержки позволяет выделять различия современных социальных государств по признаку ухода за детьми и престарелыми, признаку вклада секторов гражданского общества в уход и заботу о гражданах, степени приватизации и коллективизации данных социальных услуг. Основными проблемами и актуальными нерешенными задачами социальной политики в современных развитых государствах в начале XXI в. стали демографический кризис и процессы старения населения, иммиграция и миграция, социальные последствия структурных изменений в экономике и модернизации хозяйства, создание новых форм семьи и рост числа одиноких людей, рост затрат на социальные нужды. Среди минусов существующей модели социальной политики в РФ можно назвать нечеткость миграционной политики, нерешенность институциональной модернизации социальной системы, фрагментарность и незавершенность реформ социальной сферы, любой пересмотр государственных социальных обязательств упирается в бюджетные и политико-административные ограничения.

Библиографический список

1. Антропов, В. В. (2005). Шведская модель социальной защиты. *Народонаселение*, 4, 122–129.
2. Гнедаш, А. А. (2014). Модернизация государственной семейной политики в современной России: (экстра)ординарный поворот к пронатализму. *Политика семьи и детства в постсоциализме*: коллект. моногр. (с. 169–187). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ.
3. Гонтмахер, Е., Трубин, В. (2000). Эволюция системы социальной поддержки населения. *Общество и экономика*, 9-10, 30–69.
4. Григорьева, И. А. (2003). Социальная политика: основные понятия. *Журнал исследований социальной политики*, 1, 29–44.
5. Гутник, В. П. (2002). *Политика хозяйственного порядка в Германии*: монография. М.: Экономика.
6. Дэли, М., Льюис, Дж. (2014). Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 19, 117–136.
7. Либеральная традиция в США и ее творцы (1997). *Проблемы американистики*, 10, 104–150.
8. Малева, Т., Синявская, О. (2006). Социально-экономические факторы рождаемости в современной России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 5, 70–97.

9. Малева, Т. М. (2008). Политика на рынке труда на этапе экономического роста. *Человек и труд*, 1, 18–25.
10. Малева, Т. М., Овчарова, А. Н. (2009). Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 10, 11–32.
11. Малеева, Т., Васин, С. Инвалиды в России – узел старых и новых проблем. Retrived from: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2001/3/ProEtContra_2001_3_05.pdf
12. Маринова, А. М. К вопросу о патернализме в социальной политике государства. Retrived from: http://esstu.ru/library/free/Konf/SocialRab/128_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf
13. Надель, С. Н. (2000). Рыночная экономика и экономическая демократия. *Мировая экономика и международные отношения*, 1, 45–63.
14. Наклонов, Д. Н. (2008). *Формирование системы социальной защиты населения при переходе к инновационному типу развитой российской экономики*: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб.
15. *Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы*: материалы международной конференции (2006). М.: Фонд народонаселения ООН.
16. Обзор социальной политики в России. (2007) / Под ред. Т.М. Малевой, Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др. М.: НИСП.
17. Олейникова, Е. Г., Родин, А. В. (2012). Проблемы гармонизации общественных интересов в условиях социально ориентированной экономики: теория и практика. *Вестник Евразийской академии административных наук*, 4, 28–41.
18. Павлов, В. С. (2008). Социальная политика западноевропейских государств в рыночной экономике. *Вестник Нижегородского университета*, 6, 165–170.
19. Сидорина, Т. Ю. Социальная политика между экономикой и социологией. Retrived from: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/14/1442581386847ec54d3b2da8795a9fc266453976b3/Sidorina2.pdf>
20. Сизова Л. И. Современные направления модификации социальной политики в странах западной Европы. Retrived from: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0201_West_soc_2002_1%282%29/25.pdf
21. Сорокин, П. А. (1992). *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.
22. Хайек, Фр. А. (1992). *Дорога к рабству*. М.: «Экономика».
23. Ярошенко, С. С. (1994). *Проблематика субкультуры бедности в американской социологии: эволюция принципов исследований и подходов*: дис. ... канд. социол. наук. М.
24. Ярская, В. Н. (2003). Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа. *Журнал исследований социальной политики*, 1, 11–28.
25. Beattie, R. & McGillivray, W. (1995). A Risky Strategy: Reflections on. The World Bank Report Averting the Old Age Crisis. *International Social Security Review*, 3-4, 5–22.
26. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
27. Hanssen, J.-I. (1997). The Scandinavian Model as Seen from a Local Perspective. In J. Sipilä (ed.) *Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model*. Aldershot: Avebury.

28. Moroney, R. (1976). *The Family and the State. Considerations for Social Policy*. London: Longman, 1976.
29. Sapir, A. (2005). Globalisation and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005). Retrived from: <http://www.bruegel.org>
30. Siim, B. (1987). The Scandinavian Welfare States - Towards Sexual Equality or a New Kind of Male Domination? *Acta Sociologica*, 30 (3/4), 255.

Статья поступила в редакцию 15.04.2015.

.....

SOCIAL POLICY IN THE MODERN STATE: THE MAIN CONTENT, DIRECTIONS AND MODELS

Tezadova D. A.

Tezadova Diana Arturovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: tezadova@mail.ru.

This article was prepared by the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists — candidate of science project number MK-6036.2014.6 "Strategy and technology cooperation of the family and the state in the emerging postinformational society".

In this article, the author examines the conceptual understanding of the social functions of the state, theories, practices and models of social policy. Analyzes the structural characteristics and problematic aspects of these models of state social policy as a monetarist model; paternalistic model; model of the welfare state. Studied the typology of welfare states from the perspective of such categories of analysis the concept of social support. Prism of social support has allowed the author to highlight the difference of modern welfare states based on care for children and the elderly, the basis of the contribution of sectors of civil society in the care and concern for citizens, the degree of privatization and collectivization of these social services. Considered the transition from family solidarity in the provision of care and the care of family members towards the marketization of social services of state institutions in the field of social support. Studied modern social policies in Europe: the dynamics of expenditures on social policy; program for the protection of family income; minimum standard of living for people with disabilities and people who have completely lost the ability to work; social benefits for able-bodied, but not having any income citizens; financial support for elderly and sick people; social benefits for children and women on maternity leave; social support single-parent families. For consideration of a modern model of social policy in the Russian Federation reassessed the results of social policy in the Soviet Union and the current state is determined by the successive review of changes in the legislative, financial and institutional support of the Russian social policy. Among the disadvantages of the existing model of social policy in the Russian Federation referred to the vagueness of migration policy, the unresolved institutional modernization of the social system, fragmented and incomplete reform of the social sphere, and the fact that any review of the state social obligations rests on the budgetary and political and administrative constraints.

Key words: models of social policy, welfare state, problems and reforms in the social sphere, social support.

References

1. Antropov, V. V. (2005). Shvedskaja model' social'noj zashhity [The swedish model of social protection]. *Narodonaselenie* [Population] (4), 122–129.

2. Gnedash, A. A. (2014). Modernizacija gosudarstvennoj semejnoy politiki v sovremennoj Rossii: (jekstra)ordinarnyj povorot k pronatalizmu [Modernization of the state family policy in modern Russia: (extra)ordinary twist to pronatalism.]. *Politika sem'i i detstva v postsocializme: kollekt.monogr* [The policy of family and childhood in postsocialism]. Moscow, ООО "Variant", CSPGI. Pp. 169–187.
3. Gontmaher, E. & Trubin, V. (2000). Jevoljucija sistemy social'noy podderzhki naselenija [The evolution of the system of social support]. *Obshhestvo i jekonomika* [Society and economy], (9-10), 30–69.
4. Grigor'eva, I. A. (2003). Social'naja politika: osnovnye ponjatija [Social policy: the basic concepts]. *Zhurnal issledovanii social'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], (1), 29–44.
5. Gutnik, V. P. (2002). *Politika hozjaistvennogo porjadka v Germanii* [Politics economic order in Germany]: monografija. Moscow, "Ekonomika".
6. Djeli, M. & L'juis, Dzh. (2014). Konceptcija social'noj podderzhki i analiz sovremennyh gosudarstv blagosostojanija [The concept of social support and analysis of modern welfare states]. *SPERO*, (19), 117–136.
7. Liberal'naja tradicija v SShA i ee tvorcy [The liberal tradition in the United States and its creators] (1997). *Problemy amerikanistiki* [Problems of American Studies]. Iss. 10. Moscow, Izd-vo MGU. Pp. 104–150.
8. Maleva, T. & Sinjavskaja, O. (2006). Social'no-jekonomicheskie faktory rozhdaemosti v sovremennoj Rossii: jempiricheskie izmerenija i vyzovy social'noj politike [Socio-economic factors in fertility in modern Russia: the empirical measurement and social challenges politiks]. *SPERO*, (5), 70–97.
9. Maleva, T. M. (2008). Politika na rynke truda na jetape jekonomicheskogo rosta [Labour market policies at the stage of economic growth]. *Chelovek i trud* [Man and work], (1), 18–25.
10. Maleva, T. M. & Ovcharova, L. N. (2009). Social'naja modernizacija v Rossii: teorija, istorija, vyzovy [Social modernization in Russia: Theory, History, Challenges]. *SPERO*, (10), 11–32.
11. Maleeva, T., Vasin, S. Invalidy v Rossii – uzel staryh i novyh problem [People with disabilities in Russia - host old and new problems]. Retrived from http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2001/3/ProEtContra_2001_3_05.pdf
12. Marinova, A. M. K voprosu o paternalizme v social'noj politike gosudarstva [On the question of paternalism in social policy]. Retrived from http://esstu.ru/library/free/Konf/SocialRab/128_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf
13. Nadel', S. N. (2000). Rynohnaja jekonomika i jekonomicheskaja demokratija [The market economy and economic democracy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], (1), 45–63.
14. Naklonov, D. N. (2008). *Formirovanie sistemy social'noy zashhity naselenija pri perehode k innovacionnomu tipu razvitoi rossijskoj jekonomiki* [Formation of system of social protection during the transition to innovative development of the Russian economy]: avtoref. dis. dokt. jekon. nauk. S-t Petersburg.
15. *Nizkaja rozhdaemost' v Rossijskoj Federacii: vyzovy i strategicheskie podhody* [Low fertility in the Russian Federation: Challenges and strategic approaches]: materialy mezhdunarodnoj konferencii. (2006). Moscow, Fond narodonaselenija OON.

16. Maleva T.M., Zubarevich N.V., Ibragimova D.H., etc. (Eds.) *Obzor social'noj politiki v Rossii* [Review of social policy in Russia]. (2007). Moscow, NISP.
17. Olejnikova, E. G. & Rodin, A. V. (2012). Problemy garmonizacii obshhestvennyh interesov v usloviyah social'no orientirovannoj jekonomiki: teorija i praktika [Problems of harmonization of the public interest in a socially oriented economy: theory and praktik]. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk* [Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], (4), 28–41.
18. Pavlov, V. S. (2008). Social'naja politika zapadnoevropejskih gosudarstv v rynochnoj jekonomike [The social policy of the West European states in a market economy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* [Journal of University of Nizhny Novgorod], (6), 165–170.
19. Sidorina, T. Ju. Social'naja politika mezhdru jekonomikoj i sociologiej [Social policy between economics and sociology]. Retrived from <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/14/1442581386847ec54d3b2da8795a9fc266453976b3/Sidorina2.pdf>
20. Sizova L. I. Sovremennye napravlenija modifikacii social'noj politiki v stranah Zapadnoj Evropy [Modern directions of modification of social policy in Western Europe]. Retrived from http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0201_West_soc_2002_1%282%29/25.pdf
21. Sorokin, P. A. (1992). *Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat.
22. Hajek, Fr. A. (1992). *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow, "Economika".
23. Jaroshenko, S. S. (1994). *Problematika subkul'tury bednosti v amerikanskoj sociologii: jevoljucija principov issledovanij i podhodov* [Problems subculture of poverty in American sociology: the evolution of principles and approaches to research]: diss. kand. sociol. nauk. Moscow.
24. Jaraskaja, V. N. (2003). Social'naja politika, social'noe gosudarstvo i social'nyj menedzhment: problemy analiza [ocial policy, social state and social management: the problem analysis]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies], (1), 11–28.
25. Beattie, R. & McGillivray, W. (1995). A Risky Strategy: Reflections on. The World Bank Report Averting the Old Age Crisis. *International Social Security Review*, 3-4, 5–22.
26. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge, Polity Press.
27. Hanssen, J.-I. (1997). The Scandinavian Model as Seen from a Local Perspective. In J. Sipilä (ed.) *Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model*. Aldershot, Avebury.
28. Moroney, R. (1976). *The Family and the State. Considerations for Social Policy*. London, Longman, 1976.
29. Sapir, A. (2005). Globalisation and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005). Retrived from: <http://www.bruegel.org>
30. Siim, B. (1987). The Scandinavian Welfare States - Towards Sexual Equality or a New Kind of Male Domination? *Acta Sociologica*, 30 (3/4), 255.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

.....

Ждановский А. М., Некрасов С. Д.

Ждановский Александр Михайлович, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: upr@manag.kubsu.ru.

Некрасов Сергей Дмитриевич, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: nekrasow@manag.kubsu.ru.

В статье на основе продолжения исследований (Ждановский, Некрасов, 2013) личностных ориентиров студентов первого курса двух направлений подготовки (Государственное и муниципальное управление, Психология) рассмотрены проблемы развития профессионального самосознания студентов, относящиеся к личностным ориентирам на профессиональную деятельность.

Для исследования использованы модернизированный опросник «Цели поступления в вуз» и методика «Ценности квалификации Менеджер ГМУ», разработаны: вопросник «Личная биография», методика «Ценности образования по выбранному направлению», структурированное интервью «Планы на будущее».

В самосознании студентов первого курса можно выделить три основных вида личностных ориентиров на профессиональную деятельность: ориентиры на обретение профессиональных способностей; ориентиры на получение знаний о профессии; ориентиры на обучение от сессии до сессии на престижном факультете.

Выделение ведущих видов личностных ориентиров студентов первого курса с использованием приименных методик может позволить дифференцировать студентов на профильные группы по обучению их основам исследовательской деятельности.

Существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» особенности личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность, касающиеся времени окончания школы и поступления в вуз; вида профессиональной занятости родителей студента; планирования студентом места жительства после окончания вуза; планирования студентом создания собственной семьи, собственных детей.

Выделение специфических для разных направлений особенностей личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность, с использованием примененных методик, может позволить учитывать личностные особенности студентов при организации поддержки их профессионального становления и развития социально-личностных гражданских качеств специалистов.

Существование относительно стабильной доли абитуриентов, которые осознанно выбирают профессию психолога еще за школьной партой, позволяет, с одной стороны, осуществлять поиск аналогичных направлений высшего образования. С другой стороны — учитывать существование отдельных профессий, осознанный выбор которых

осуществляется школьником при организации профессиональной ориентации и, возможно, допрофессиональной подготовки будущих абитуриентов.

Ключевые слова: профессиональное самосознание студента, ведущие цели обучения, ценности профессионального образования, личностные ориентиры студента, осознанный выбор профессии, специфические для направлений обучения особенности личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность.

Исследования особенностей профессионального самосознания современных студентов посвящены проблемам развития учебной идентичности студентов (М. В. Босенко, С. Д. Некрасов), поиска ответов человека на вопрос «Кто ты такой?» (А. Н. Кимберг), профессиональной социализации (Е. В. Морозова, И. В. Самаркина), профессионального самоопределения (А. Н. Ожигова, И. А. Сапогова), становления позиции личности будущего профессионала (Ф. В. Мальчинский, С. Д. Некрасов), но пока слабо связаны с изменениями отечественной системы высшего образования, мало затрагивают влияние смены процессуального на компетентностный подход в развитии социально-личностных свойств студентов вуза (Босенко, 2014; Кимберг, 2014; Мальчинский, Некрасов, 2012; Морозова, Самаркина, 2002, Некрасов, 2014; Сапогова, Ожигова, 2014).

Вопросы осознанности выбора абитуриентом направления получения высшего образования (А. М. Ждановский, С. Д. Некрасов), осознанной саморегуляции активности в профессиональном самоопределении (С. В. Истомина), психологической устойчивости личности в условиях инноваций (Н. В. Ковалева), осознания учебной компетентности (А. С. Некрасов), профессионального самопознания (Н. Г. Рукавишникова), изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия (З. И. Рябикина, Е. И. Богомолова), влияния социокультурной среды на систему экзистенциальных ценностей (Б. А. Ясько) и др. являются составляющими актуальной проблемы развития профессионального самосознания студентов. Социальная значимость проблемы обозначена в вопросах организации образовательного процесса в современных условиях, в вопросах обретения студентом профессиональной компетентности в изменяющемся мире (Ждановский, Некрасов, 2013; Истомина, 2008; Ковалева, 2014; Некрасов, 2012; Рукавишникова, 1999; Рябикина, Богомолова, 2013; Ясько, 2014).

Исследования свидетельствуют, что многие абитуриенты плохо ориентируются в огромном потоке информации о направлениях подготовки в вузе, находятся в состоянии растерянности и неопределенности при выборе направления обучения; как следствие, у многих первокурсников слабо развиты способности осознанного самоопределения в будущей профессии. У абитуриентов, ставших студентами первого курса, отмечены иждивенческие ориентиры на мнение родителей в вопросах выбора направления обучения, на их материальную поддержку. Только небольшая часть абитуриентов, ставших студентами первого курса, осуществили самостоятельный осознанный выбор направления обучения в вузе (Ждановский, Некрасов, 2013; Истомина, 2008; Мальчинский, Некрасов, 2012).

Можно предположить, что у студентов первого курса различных направлений обучения существуют особенности личностных ориентиров на профессиональную деятельность, компонентами которых являются сформированные в самосознании студента значимые профессиональные ценности и ведущие цели обучения в вузе. Профессиональные ценности понимаются как обретенные элементы самосознания студента, содержанием которых являются осознаваемые позитивно значимые смыслы компонентов профессионального бытия (предметов, явлений, сведений, событий и др.). Ведущая цель обучения в вузе понимается как осознаваемый студентом образ желаемого результата обучения, достигаемый в осознаваемый промежуток времени.

Для проверки предположения было осуществлено исследование личностных ориентиров студентов как системной организации разных элементов самосознания, в том числе степени осознания студентами профессиональных ценностей, ответственности за обучение по выбранному направлению, содержания целей обучения в вузе как личных целей (Ждановский, Некрасов, 2013). Выборка (N = 346 чел., в том числе 32 студента в 2008 г., 49 — в 2009 г., 69 — в 2010 г., 97–2011 г., 99–2012 г.) образована из студентов 1 курса, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление», имеющих месяц студенческого стажа. Предметом исследования были личностные ориентиры студентов на профессиональную деятельность.

Исследование позволило построить модель личностных ориентиров студента на профессиональную деятельность как вектора, связывающего элементы самосознания: ценности и цели бытия. Началом вектора служат значимые для студента ценности будущего профессионального бытия, а концом — ведущие цели получения профессионального образования.

Моделирование личностных ориентиров бытия студентов первого курса, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление», позволило выделить три основные группы студентов, различающиеся ориентирами бытия, названные: «Главное — будущая работа», «Главное — учеба», «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом».

Студентам группы «Главное — будущая работа» присущи формирующиеся малодифференцированные ценности бытия профессионала-управленца (чиновника, менеджера, начальника и др.), относящиеся больше к внешним атрибутам, чем к сложностям и специфике управленческой профессии. Существенные цели студентов этой группы связаны с получением способностей менеджера, в том числе управлять людьми, быть лидером, сделать карьеру.

Студентам группы «Главное — учеба» присущи сформированные в школе ценности обучения, получения знаний, в том числе по теории управления людьми, по психологии управления. Существенные цели студентов этой группы связаны с получением отличных оценок в процессе обучения, получением диплома по направлению «Государственное и муниципальное управление».

Для группы студентов «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом» ведущей ценностью является то, что они смогли поступить в вуз. Существенные цели одних студентов этой группы связаны с обучением у компетентных преподавателей: «Пусть меня научат», других — с насыщенными и интересными контактами с социальным окружением в процессе обучения: «Хорошо быть студентом» (Ждановский, Некрасов, 2013).

С опорой на результаты исследования личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность были сформулированы следующие гипотезы.

1. У студентов первого курса существуют основные виды личностных ориентиров на профессиональную деятельность, компонентами которых являются сформированные в их самосознании обретенные значимые профессиональные ценности и ведущие цели обучения в вузе. Можно различать студентов по видам личностных ориентиров на профессиональную деятельность, отдельно по каждому направлению обучения.

2. Личностные ориентиры студентов на профессиональную деятельность имеет половые особенности, связаны с социальными условиями бытия (время получения среднего образования, вид занятости родителей), ориентирами на работу по специальности во время обучения в вузе, ориентирами на создание семьи после окончания вуза (важность создания семьи, планирование собственных детей и места жительства рядом с родителями).

В 2013/2014 учебном году продолжено моделирование личностных ориентиров бытия студента на профессиональную деятельность и на создание собственной семьи (семейную идентичность).

Выборка составлена из студентов первого курса ($N = 123$), обучающихся один год, по направлениям «Государственное и муниципальное управление» ($N = 93$) и «Психология» ($N = 30$). Дополнительные сведения о месте получения среднего образования студентов: школы г. Краснодара — 43 чел. (34,9%), районов Краснодарского края — 50 чел. (40,7%), находящихся не в Краснодарском крае — 30 чел. (24,4%). То есть, большинство студентов проживает в Краснодарском крае.

Методики исследования: модернизированный опросник Н. Ш. Валеевой и Н. П. Гончарук «Цели поступления в вуз» (Валеева, Гончарук, 2004); опросник «Личная биография», методика «Ценности образования по выбранному направлению», структурированное интервью «Планы на будущее».

Валидность опросника Н. Ш. Валеевой и Н. П. Гончарук была подтверждена на первом этапе исследования. Модернизация опросника состояла в уточнении списка мотивов с акцентом на цели поступления, поэтому методика названа «Цели поступления в вуз». В методике студентам предлагается оценить по пятибалльной шкале двенадцать целей поступления в вуз: оправдать ожидания родителей, родственников, друзей; так как мои сверстники сделали такой выбор; меня привлекают заманчивая, необычная студенческая жизнь, интересный круг

общения; считаю, что высшее образование позволит добиться материального благополучия; поступив в вуз, я отложу принятие серьезного решения, касающегося выбора жизненного пути; пока не могу найти подходящую работу, поэтому поступаю в вуз; получить в вузе хорошую подготовку и сделать карьеру; полнее и глубже развить интеллектуальные способности и ощутить полноту жизни; приобрести необходимую квалификацию в определенной области профессиональной деятельности; получить как можно больше знаний в интересующих областях; добиться успеха в жизни, быть не хуже других, получить высокий статус; общение с умными, интересными преподавателями.

Вопросник «Личная биография» респондентам предлагал ответить на вопросы о возрасте, времени и месте получения среднего образования, работе родителей (педагог, медик, психолог, продавец, служащий, управленец, предприниматель, рабочая должность, другая должность).

По методике «Ценности образования по выбранному направлению» предлагалось установить ранги ценностей обучения по выбранному направлению:

1. ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ — престижная специальность.
2. ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ — самая интересная для меня специальность.
3. Важно работать ЧИНОВНИКОМ/ПСИХОЛОГОМ, для чего нужна специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ.
4. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ предоставляет возможность добиться успеха в жизни.
5. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ дает широкие возможности для выбора работы.
6. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности управлять.
7. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности работать с людьми.
8. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит мне изменить что-то в обществе.
9. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ одобрили мои родители.
10. Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности быть лидером.

По методике-интервью «Планы на будущее» респондентам предлагалось как можно полнее и подробнее ответить на вопросы о планах на место жительства после окончания вуза, планах студенческой жизни (учеба, быт, свободное время и др.), планах будущей работы (год начала работы, должность, поиск места работы, профессиональные задачи, которые предстоит решать, и др.), планах создания собственной семьи (год создания, поиск брачного партнера, дети, функции в семье и др.).

Представим результаты анализа и обобщения полученных эмпирических фактов.

В качестве исходных переменных для факторного анализа данных методики «Цели поступления в вуз» рассматривались цели студентов, а в качестве их значений — оценки целей. В результате выделены две интегральные переменные (факторы) как ведущие цели поступления в вуз.

В структуру первого фактора входят цели с положительными факторными нагрузками (в скобках указаны значения факторных нагрузок): «развить интеллектуальные способности и ощутить полноту жизни» (0,87); «получить в вузе хорошую подготовку и сделать карьеру» (0,85); «приобрести необходимую квалификацию в профессиональной деятельности» (0,83); «добиться успеха в жизни, быть не хуже других, получить высокий статус» (0,74); «получить как можно больше знаний в интересующих областях» (0,71); «общение с умными, интересными преподавателями» (0,68).

Этот фактор идентифицирован как ведущая цель студента, результатом которой является профессиональная компетентность, прежде всего развитие интеллектуальных и обретение профессиональных способностей. Временные границы цели — время обучения в вузе.

В структуру второго фактора входят цели с положительными факторными нагрузками (в скобках указаны значения факторных нагрузок): «оправдать ожидания родителей, родственников, друзей» (0,73); «отложить принятие серьезного решения, касающегося выбора жизненного пути» (0,68); «так как мои сверстники сделали такой выбор» (0,66).

Этот фактор идентифицирован как ведущая цель студента, результатом которой является «быть студентом», то есть «сегодня лучше учиться, чем работать». Временные границы цели — до очередной сессии.

В качестве исходных переменных для факторного анализа данных методики «Ценности образования по выбранному направлению» рассматривались ценности студентов, а их значения — ранги ценностей. В результате выделены две интегральные переменные (факторы) как значимые профессиональные ценности.

В структуру первого фактора входят ценности (в скобках указаны значения факторных нагрузок): «Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности быть лидером» (0,63); «Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности управлять» (0,61); «Важно работать ЧИНОВНИКОМ/ПСИХОЛОГОМ, для чего нужна специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ» (0,62); «Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ одобрили мои родители» (0,55).

Этот фактор идентифицирован как обретенная ценность студента, содержанием которой являются осознаваемые позитивно значимые смыслы профессиональных способностей, в том числе лидерских и управленческих.

Малозначимыми оказались ценности «будущая должность и место работы», а также «одобрение родителей».

В структуру второго фактора входят ценности (в скобках указаны значения факторных нагрузок): «ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ — престижная специальность» (0,74); «Специальность ГМУ/ПСИХОЛОГИЯ позволит развить мои способности работать с людьми» (0,67); «Специальность ГМУ/ ПСИХОЛОГИЯ» позволит мне изменить что-то в обществе» (0,57).

Этот фактор идентифицирован как обретенная ценность студента, содержанием которой являются осознаваемые позитивно-значимые смыслы престижа обретаемой профессии. Малозначимыми оказались ценности «способности работать с людьми», а также «личное участие в социальных процессах».

Итак, полученные факты свидетельствуют о том, что в самосознании студентов первого курса можно выделить два вида ведущих целей обучения в вузе: обретение профессиональной компетентности (развитие интеллектуальных и обретение профессиональных способностей) за время обучения в вузе и развитие учебной компетентности (обретение способностей студента) за время до очередной сессии. Можно также выделить у студентов два вида сформированных значимых профессиональных ценностей как осознаваемых позитивно значимых смыслов бытия: «ценности профессиональных способностей» и «ценности престижа обретаемой профессии».

Выделенные ведущие цели обучения в вузе позволили классифицировать выборку на группы студентов, различающиеся видом ведущей цели обучения, по направлениям «ГМУ» и «Психология» (рис. 1).

Статистически значимо ($p < 0,05$, χ^2 -критерий Фишера) ниже процент студентов направления «Психология» по цели «Обретение профессиональной компетентности», чем по цели «Развитие учебной компетентности». Скорее всего, для многих студентов направления «Психология» целью является получение знаний, а остальные имеют целью обретение психологической компетентности.

Статистически значимо ($p < 0,05$, χ^2 -критерий Фишера) выше процент студентов направления «ГМУ» по цели «Обретение профессиональной компетентности», чем по цели «Развитие учебной компетентности». Скорее всего, для многих студентов направления «ГМУ» целью является обретение профессиональной компетентности за время обучения в вузе, а остальные имеют цель получения знаний.

Отметим, что у небольшой части (2,4%) студентов первого курса отсутствуют ведущие цели обучения в вузе (значения факторных нагрузок мало отличаются) и приблизительно одинаковы проценты студентов направлений «ГМУ» и «Психология». Скорее всего, подавляющее большинство студентов имеет осознанные ведущие цели обучения в вузе, и, несмотря на разное содержание целей студентов для направлений «ГМУ» и «Психология», они осознанно получают профессиональную подготовку.

Рис. 1. Распределение относительных частот ведущих целей обучения студентов по направлениям «ГМУ» и «Психология»

Выделенные сформированные значимые профессиональные ценности позволили классифицировать выборку на группы студентов, различающихся видом значимой профессиональной ценности, по направлениям «ГМУ» и «Психология» (рис. 2).

Статистически значимо ($p < 0,05$, χ^2 -критерий Фишера) выше процент студентов направления «Психология» по «Ценностям профессиональных способностей», чем по «Ценностям престижа обретаемой профессии». Скорее всего, многие студенты выбрали направление «Психология» осознанно, для них важным является стать психологом.

Среди студентов направления «ГМУ» можно увидеть две приблизительно равные группы студентов, различающихся содержанием сформированных значимых профессиональных ценностей. У одних студентов сформирована «Ценность профессиональных способностей», у других — «Ценность престижа обретаемой профессии». Скорее всего, одни студенты выбрали направление «ГМУ» осознанно, для них важно стать менеджером. Другие выбрали профессию управленца, осознавая ценности, относящиеся к внешним атрибутам профессии, — «престижно быть чиновником».

У небольшой части (3,3%) студентов первого курса отмечено отсутствие значимой профессиональной ценности (значения факторных нагрузок мало отличаются) и приблизительно одинаковы проценты студентов направлений «ГМУ» и «Психология». Скорее всего, у подавляющего большинства студентов сформированы значимые профессиональные ценности, и, несмотря на разное содержание ценностей студентов направлений «ГМУ» и «Психология», они осознанно получают профессиональную подготовку.

Рис. 2. Распределение относительных частот обретенных значимых профессиональных ценностей студентов по направлениям «ГМУ» и «Психология»

Итак, факты свидетельствуют о том, что мал процент студентов, у которых отсутствуют ведущие цели и профессиональные ценности. Значит, для этой группы студентов анализ данных будет маловалидным, поэтому целесообразно анализировать эмпирические данные только для групп студентов с выраженными ведущими целями и профессиональными ценностями.

Выявлены различия процентов студентов с разными ведущими целями и профессиональными ценностями у разных направлений подготовки, поэтому целесообразно анализировать эмпирические данные отдельно для направлений «ГМУ» и «Психология».

Опираясь на эти выводы, мы из выборки исключили данные студентов, у которых отсутствуют ведущие цели и профессиональные ценности. Затем выборки данных студентов для каждого из направлений — «ГМУ» и «Психология» — были разбиты на три отдельные группы.

В первой группе оказались студенты со сформированными ценностями профессиональных способностей или ценностями престижа обретаемой профессии, имеющие цели обретения профессиональной компетентности. Личностные ориентиры студентов этой группы можно назвать «Ориентиры на обретение профессиональных способностей».

Во второй группе оказались студенты со сформированными ценностями профессиональных способностей, имеющие цели развития учебной компетентности. Личностные ориентиры студентов этой группы можно назвать «Ориентиры на получение знаний о профессии».

В третьей группе оказались студенты со сформированными ценностями престижа обретаемой профессии, имеющие цели обретения учебной компе-

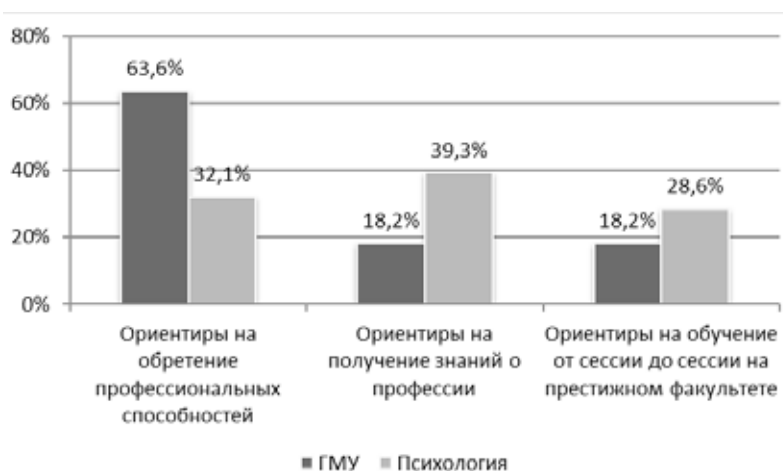

Рис. 3. Распределение относительных частот личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность по направлениям «ГМУ» и «Психология»

тентности. Личностные ориентиры студентов этой группы можно наименовать «Ориентиры на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Выделенные основные виды личностных ориентиров на профессиональную деятельность студентов позволили классифицировать выборку на группы отдельно по направлениям профессиональной подготовки «ГМУ» и «Психология» (рис. 3).

На направлении «ГМУ» статистически значимо ($p < 0,01$, χ^2 -критерий Фишера) выше процент студентов с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей», чем с «Ориентирами на получение знаний о профессии» и «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Различия процентов студентов, отличающиеся ориентирами на профессиональную деятельность на направлении «Психология», статистически незначимы.

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» отличия личностных ориентиров на профессиональную деятельность: «Ориентиры на обретение профессиональных способностей», «Ориентиры на получение знаний о профессии», «Ориентиры на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

То есть можно различать студентов по видам личностных ориентиров на профессиональную деятельность, причем различия будут специфическими для направлений «ГМУ» и «Психология».

Представим результаты анализа и обобщения полученных эмпирических фактов, относящиеся ко второй гипотезе — о том, что личностные ориентиры студентов на профессиональную деятельность имеет половые особенности, а также связаны с социальными условиями бытия (время получения среднего

Рис. 4. Распределение относительных частот личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность: женский пол

образования, вид занятости родителей), ориентирами на работу по специальности во время обучения в вузе, ориентирами на создание семьи после окончания вуза (важность создания семьи, планирование собственных детей и места жительства рядом с родителями).

Анализ данных, полученных по вопроснику «Личная биография» и методике-интервью «Планы на будущее», проводился отдельно для направлений «ГМУ» и «Психология» (на рис. обозначено ПСИ).

Проценты студенток направления «ГМУ» с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» и «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете» статистически значимо ($p < 0,01$, ϕ -критерий Фишера) выше, чем процент студенток с «Ориентирами на получение знаний о профессии».

Приблизительно одинаковые проценты студенток направления «Психология» с разными ориентирами на профессиональную деятельность.

Процент студенток направления «ГМУ» с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» статистически значимо ($p < 0,05$, ϕ -критерий Фишера) выше, чем процент студенток направления «Психология».

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» половые отличия распределения процентов студентов по видам личностных ориентиров на профессиональную деятельность.

На направление «ГМУ» (конкурс — 11,6 заявления на место) смогли поступить в вуз только (100%) абитуриенты в год получения аттестата, то есть сразу после окончания школы. На направление «Психология» (конкурс — 10,1 заявления на место), поступили абитуриенты как в год получения аттестата, так

Рис. 5. Распределение относительных частот личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность: получение аттестата в 2013 г.

и те, которые завершили обучение в школе за один–пять лет до поступления в вуз (17,9%).

Поступили в вуз сразу после окончания школы статистически значимо ($p < 0,05$, ф-критерий Фишера) больше студентов на направление «ГМУ», чем на направление «Психология».

Таким образом, существует относительно стабильная доля молодых людей, которые осознанно выбрали профессию психолога еще на школьной парте. Они если не поступили в вуз в год получения аттестата, то готовятся к поступлению от одного до пяти лет, чтобы достичь своей цели — получить психологическое образование.

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» особенности студентов, различающиеся видами личностных ориентиров на профессиональную деятельность, относящиеся ко времени окончания школы.

Проценты студентов направления «ГМУ», родители которых работают управленцами, с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» и «Ориентирами на получение знаний о профессии» статистически значимо ($p < 0,01$, ф-критерий Фишера) ниже, чем процент студентов с «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Скорее всего, основанием для выбора направления «ГМУ» студентов с «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете» был образ профессиональной занятости их родителей.

Процент студентов направления «Психология», работа родителей которых пересекается с психологией (преподаватель, врач, воспитатель и др.), с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» статисти-

Рис. 6. Распределение относительных частот личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность в соответствии с работой родителей, соответствующей направлению обучения студента

чески значимо ($p < 0,05$, ϕ -критерий Фишера) выше, чем процент студентов и «Ориентирами на получение знаний о профессии» и с «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Скорее всего, основанием для выбора направления «Психология» студентов с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» был образ профессиональной занятости их родителей.

Приблизительно одинаковые проценты студентов направления «Психология» (46%) и направления «ГМУ» (55%), у которых должности родителей соответствуют направлению обучения студента.

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» отличия распределения процентов студентов по видам личностных ориентиров на профессиональную деятельность, которые связаны с видом занятости родителей.

Приблизительно одинаковые проценты студентов направления «Психология» и направления «ГМУ», имеющие разные ориентиры на профессиональную деятельность, которые планы создания собственной семьи отложили на время после получения высшего образования, а также которые планируют собственных детей только после получения высшего образования.

Процент студентов направления «Психология» с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» статистически значимо ($p < 0,05$, ϕ -критерий Фишера) ниже, чем процент студентов с «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Рис. 7. Распределение относительных частот личностных ориентиров на профессиональную деятельность студентов, планирующих создать семью и собственных детей только после получения высшего образования

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические особенности студентов направления «Психология», которые связаны с планированием собственных детей.

Процент студентов направления «ГМУ», которые после вуза планируют жить рядом с родителями, с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» статистически значимо ($p < 0,10$, ф-критерий Фишера) ниже, чем процент студентов с «Ориентирами на получение знаний о профессии».

Процент студентов направления «Психология», которые после вуза планируют жить рядом с родителями, с «Ориентирами на обретение профессиональных способностей» статистически значимо ($p < 0,10$, ф-критерий Фишера) ниже, чем процент студентов с «Ориентирами на обучение от сессии до сессии на престижном факультете».

Факты свидетельствуют о том, что существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» особенности студентов, различающиеся видами личностных ориентиров на профессиональную деятельность, относящиеся к планированию жизни рядом с родителями после окончания вуза.

Подытожим.

1. Можно выделить три основных вида личностных ориентиров студентов первого курса на профессиональную деятельность:

— «Ориентир на обретение профессиональных способностей», характеризуемые наличием в самосознании недифференцированных профессиональных ценностей и ведущей цели — получение профессиональных способностей в процессе обучения в вузе;

Рис. 8. Распределение относительных частот личностных ориентиров на профессиональную деятельность студентов, планирующих после получения высшего образования место жительства рядом с родителями

— «Ориентиры на получение знаний о профессии», характеризующиеся наличием в самосознании ценностей получения теоретических знаний и ведущей цели — своевременная и успешная сдача зачетов и экзаменов на каждой сессии, успешная защита диплома;

— «Ориентиры на обучение от сессии до сессии на престижном факультете», характеризующиеся наличием в самосознании ценности «Ценность быть студентом» и кратковременных целей — посещение занятий, социальные контакты, общение и отдых между сессиями, напряженная подготовка к аттестации во время сессии, своевременная сдача зачетов и экзаменов.

2. Подавляющее большинство студентов первого курса осознанно получают профессиональное образование, имеют сформированные значимые профессиональные ценности и осознанные ведущие цели обучения в вузе.

3. Существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» половые отличия распределений процентов студентов по видам личностных ориентиров на профессиональную деятельность.

4. Существуют специфические для направлений «ГМУ» и «Психология» особенности личностных ориентиров студентов на профессиональную деятельность, касающиеся:

— времени окончания школы и поступления студента в вуз (в год получения аттестата или через несколько лет после окончания школы);

— вида профессиональной занятости родителей студента (должность родителей соответствует или не соответствует выбранному направлению профессионального обучения студента);

– планирования студентом места жительства после окончания вуза (в месте жительства родителей или другом месте жительства);

– планирования студентом создания собственной семьи, собственных детей.

5. Существует относительно стабильная доля абитуриентов, которые осознанно выбрали профессию психолога еще на школьной парте. Они если не поступили в вуз в год получения аттестата, то готовятся к поступлению от одного до пяти лет, чтобы получить психологическое образование.

Библиографический список

1. Босенко, М. В. (2014). Особенности учебной идентичности студентов магистратуры направления «Психология». В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 123–126). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
2. Валеева, Н. Ш., Гончарук, Н. П. (2004). *Психология и культура умственного труда*. Москва: КНОРУС.
3. Ждановский, А. М., Некрасов, С. Д. (2013). Личностные ориентиры студента, обучающегося по направлению «Государственное и муниципальное управление». *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 119–128.
4. Истомина, С. В. (2008). Роль опыта осознанной саморегуляции активности в профессиональном самоопределении старшеклассников. В А. А. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина (ред.) *Личность и бытие: субъектный подход* (с. 470–473). Москва: Институт психологии РАН.
5. Кимберг, А. Н. (2014). Идентичность как проблема. В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 16–21). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
6. Ковалева, Н. В. (2014). Субъектная идентичность в структуре психологической устойчивости личности в условиях инноваций. В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 21–23). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
7. Мальчинский, Ф. В., Некрасов, С. Д. (2012). Внутренняя позиция личности курсанта военного авиационного училища. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т.
8. Морозова, Е. В., Самаркина, И. В. (2002). Проблемы профессиональной социализации студентов-политологов. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 96–117.
9. Некрасов, А. С. (2012). *Осознанная учебная компетентность как сложное новообразование субъектности старшего школьника*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар.
10. Некрасов, С. Д. (2010). Личностные параметры образа будущего у выпускника современной школы. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 22–31.
11. Некрасов, С. Д. (2014). Особенности профессионального самосознания студентов первого курса направления «Психология». В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 139–142). Краснодар:

- Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
12. Рукавишникова, Н. Г. (1999). *Профессиональное самопознание студентов педагогического вуза: дис. ... канд. психол. наук.* Москва.
 13. Рябикина, З. И., Богомолова, Е. И. (2013). Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 76–90.
 14. Сапогова, И. А., Ожигова, Л. Н. (2014). Профессиональное самоопределение психолога: профессиональные предпочтения и самооценка личности. В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 180–183). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
 15. Ясько, Б. А. (2014). Влияние социокультурной среды Олимпийских игр на систему экзистенциальных ценностей волонтеров. В З. И. Рябикина, В. В. Знакова (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 187–189). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.

Статья поступила в редакцию 14.05.2015.

.....

PECULIARITIES OF FIRST-YEAR STUDENTS' PERSONAL CUES FOR PROFESSIONAL ACTIVITY

Zhdanovskij A. M., Nekrasov S. D.

Zhdanovskij Aleksandr Mihajlovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: upr@manag.kubsu.ru.

Nekrasov Sergej Dmitrievich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: nekrasow@manag.kubsu.ru.

Based on the continuation of the studies (Zhdanovskij, Nekrasov, 2013) of personal cues of the first-year student enrolled on two different courses (State and Municipal Administration (SMA) and Psychology), the article considers the issues of students' professional self-consciousness development that are connected with personal orientation towards professional activity.

A modified questionnaire "Objectives of entering the university" and methods "Values of SMA manager qualification" were used for the research; a questionnaire "Personal biography", methods "Values of education on the chosen course" and a structured interview "Plans for the future" were developed.

Three types of personal cues for professional activity were identified in the first-year students' self-consciousness. They were cues to develop professional skills, cues to obtain knowledge on the profession and cues to study from session to session at a prestigious faculty.

Defining leading types of first-year students' personal cues with implementation of nominal methods can provide for division of students into profile groups to teach them basis of research activities.

There are peculiarities of students' personal cues pertaining to SMA and Psychology courses that are related to the time of graduation from school and enrollment to university, type of parents' professions of a student; student's plans on future residence after graduation from the university; plans on starting a family and having children.

Defining of students' cues for professional activity pertaining to different courses with implementation of nominal methods can provide for taking into consideration students' personal characteristics while arranging support to their making as professionals and development of specialists' social and personal characteristics.

The presence of relatively stable percentage of enrollees, who make a conscious choice of psychology as their future profession at school, permits, on the one hand, to carry out search of relevant higher education courses. On the other hand, it allows taking into account presence of definite professions that are chosen consciously by schoolchildren when career guidance and, possibly, pre-professional training of future specialists are organized.

Key words: student's professional self-consciousness, main objectives of training, values of professional education, student's personal cues, conscious choice of profession, peculiarities of students' personal cues for professional activity pertaining to a separate area of studies.

Reference

1. Bosenko, M. V. (2014). Osobennosti uchebnoy identichnosti studentov magistratury napravleniya «Psikhologiya» [Features of educational identity of students of a magistracy of the Psychology direction]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 123–126). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
2. Istomina, S. V. (2008). Rol' opyta osoznannoy samoregulyatsii aktivnosti v professional'nom samoopredelenii starsheklassnikov [Role of experience of conscious self-control of activity in professional self-determination of seniors]. In A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina (Eds.) *Lichnost' i bytie: sub'ektnyy podkhod* [Personality and life: the subjective approach] (pp. 470–473). Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
3. Kimberg, A. N. (2014). Identichnost' kak problema [Identity as problem]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 16–21). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
4. Kovaleva, N. V. (2014). Sub'ektnaya identichnost' v strukture psikhologicheskoy ustoychivosti lichnosti v usloviyakh innovatsiy [Subject identity in structure of psychological stability of the personality in the conditions of innovations]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 21–23). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
5. Mal'chinskiy, F. V. & Nekrasov, S. D. (2012). *Vnutrennyaya pozitsiya lichnosti kursanta voennogo aviatsionnogo uchilishcha* [Internal position of the identity of the cadet of military aviation college]. Krasnodar: Military educat. scien. center of Military and air forces "Military and Air Academy", Kuban State University.
6. Morozova, E. V. & Samarkina, I. V. (2002). Problemy professional'noy sotsializatsii studentov-politologov [Problems of professional socialization of students political scientists]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 96–117.
7. Nekrasov, A. S. (2012). *Osoznannaya uchebnaya kompetentnost' kak slozhnoe novoobrazovanie sub'ektnosti starshego shkol'nika* [Conscious educational competence as difficult

- new growth of subjectivity of the senior school student]: abstract of the cand. dissertation. Krasnodar.
8. Nekrasov, S. D. (2010). Lichnostnye parametry obraza budushchego u vypusknika sovremennoy shkoly [Personality parameters of high-school graduate's image of the future]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 22–31.
 9. Nekrasov, S. D. (2014). Osobennosti professional'nogo samosoznaniya studentov pervogo kursa napravleniya «Psikhologiya» [Features of professional consciousness of first-year students of the Psychology direction]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 139–142). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
 10. Rukavishnikova, N. G. (1999). *Professional'noe samopoznanie studentov pedagogicheskogo vuza* [Professional self-knowledge of students of pedagogical higher education institution]: cand. dissertation. Moscow.
 11. Ryabikina, Z. I., Bogomolova, E. I. (2013). Vozmozhnye izmeneniya sub»ektnoy pozitsii lichnosti v svyazi s narastayushchey virtualizatsiey ee bytiya [Possible changes of a subject position of the personality in connection with the accruing virtualization of its life]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 76–90.
 12. Sapogova, I. A. & Ozhigova, L. N. (2014). Professional'noe samoopredelenie psikhologa: professional'nye predpochteniya i samootsenka lichnosti [Professional self-determination of the psychologist: professional preferences and self-assessment of the personality]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 180–183). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
 13. Valeeva, N. Sh. & Goncharuk, N. P. (2004). *Psikhologiya i kul'tura umstvennogo truda* [Psychology and culture of brainwork]. Moscow: KNORUS.
 14. Yas'ko, B. A. (2014). Vliyanie sotsiokul'turnoy sredy Olimpiyskikh igr na sistemu ekzistentsial'nykh tsennostey volonterov [Influence of the sociocultural environment of the Olympic Games on system of existential values of volunteers]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakova (Eds.) *Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti* [Personal Identity: defiances to the present] (pp. 187–189). Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adygeya State University; Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences.
 15. Zhdanovskiy, A. M. & Nekrasov, S. D. (2013). Lichnostnye orientiry studenta, obuchayushchego po napravleniyu "Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie" [Personal cues of a student studying public and municipal administration major]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 119–128.

КАК ОСМЫСЛИТЬ ПРОСТРАНСТВО?

.....

Баранов А. В.

Баранов Андрей Владимирович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл.
почта: baranovandrew@mail.ru.

Рецензия на книгу: **Прохоренко И. А. Пространственный подход в исследовании международных отношений.** М.: ИМЭМО РАН, 2015, 111 с.

Тема монографии И. А. Прохоренко, бесспорно, актуальна. В условиях глобализации кардинально меняются и реальные структуры политического пространства, и их концептуальное осмысление. Возникают новые политические пространства, противоречиво взаимодействующие с национальными государствами. Привычные темы, термины, процессы обретают новый смысл. Автор монографии придерживается междисциплинарного подхода, который дает возможность концептуализировать нелинейные процессы в мировой политике, перейти от изучения только макроуровня к системному, разноуровневому анализу явлений. Политическое пространство оценивается как перцептивно обусловленное, не сводимое к физической территории, к применению географического метода и категорий. Тем самым автор развивает подходы критической геополитики и гуманитарной географии, принципиально отказываясь от применения эмпирических моделей, связанных с количественными индикаторами. Логично, что внимание уделено многоуровневой политической идентичности как параметру формирования и развития пространства.

Среди поставленных И. А. Прохоренко следующие важнейшие вопросы: почему и каким образом социальное пространство становится политическим, какие субъекты и факторы делают его политическим, насколько пространство постоянно во времени, каково соотношение осознанного и стихийного начал в формировании политических пространств?

В первом разделе монографии сравниваются концепции политического пространства. Их анализ начат с теории социального пространства П. Бурдьё. Социальное пространство оценивается в качестве ментальной многомерной структуры, конструируемой на основе принципов деления и распределения активных свойств индивидуальных и коллективных агентов. Социальное пространство виртуально, это пространство отношений и диспозиций агентов. Его

создают активно действующие силы по аналогии с электромагнитным полем. Особенности распределения силовых линий определяют тип поля. Занимая место в социальном пространстве, индивид вырабатывает «габитус» — систему устойчивых схем восприятия и оценки пространства, своей диспозиции в нем. Индивиды объединяются в группы по сходству своего положения в социальном пространстве. Анализируя концепцию П. Бурдьё, автор монографии подчеркивает специфику политического поля, его отличия от поля социального. Политика (по Аристотелю) организуется целенаправленно, ради обеспечения общего блага, она выше материальных потребностей. Такой подход позволяет автору монографии поставить в центр внимания человека, который своей деятельностью и коммуникацией создает политический мир.

Да, политика — автономная сфера человеческой деятельности, но ее границы всегда подвижны. И. А. Прохоренко отмечает нарастающее расширение сферы политического в глобальном обществе. Например, культурные и социальные конфликты миграции в пригородах Парижа территориально закрепляются и политизируются (с. 19).

Далее автор рецензируемой работы оправданно разграничивает понятия «субъект политики» и «актор политики», приводя наиболее перспективное определение сложного коллективного субъекта политики (по Н. А. Косолапову). Справедливо отмечается, что сумма индивидов, их группа не образуют коллективный субъект политики автоматически. Субъект должен осознавать свое единство и отличительные черты, быть организационно единым, способным к целеполаганию и последовательной деятельности.

В числе теоретико-методологических подходов к политическому пространству И. А. Прохоренко осмысливает системный подход, транснационализм, конструктивизм, коммуникативный подход, институционализм, организационную теорию. Определены перспективные исследования в рамках каждого из подходов, новшества в трактовке научных категорий. Отмечено, что российские школы востоковедения и международных исследований концептуально более продуктивны, чем зарубежные. Справедливо подвергнуто критике отождествление политического пространства и политической системы (Н. Фергюсон, Р. Барри Джонс). Напротив, полезно понимание политического пространства — «политоида» (по Э. Я. Баталову) как сложной системы связей между субъектами политики, объединяющей их в многомерное целое (с. 24–25). Кроме того, территория общества способна вмещать в себя множество политических пространств, согласно Н. А. Косолапову (с. 26).

Анализируя транснационализм, автор монографии отмечает растущую роль негосударственных и трансграничных акторов — корпораций, сетей мигрантов, СМИ. Приводится мнение авторов коллективной монографии Д. Хэлда, Д. Голдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратон, по которому глобализация означает сложный баланс ретерриториализации и детерриториализации политической

и экономической силы. Пространство преобразуется так, что оно не обязательно соотносится с правовыми и территориальными границами, становится субъективно конструируемым. Продуктивна идея А. Вендта: только через взаимодействие акторов создается, воспроизводится и трансформируется международная система (с. 31).

Коммуникативный подход берет за основу представление о приоритетности социальных различий в обществе, создающих социальные дистанции. Территория же и реальная локализация политического действия воспринимаются как второстепенные факторы. Данный подход трактует политическое пространство в качестве интересубъектного, а не объективного либо субъективного (Г. В. Пушкарева). Политическое пространство таково, поскольку оно существует в сознании людей благодаря их социализации. Способом же существования политического пространства считается коммуникация (с. 31).

Институциональный подход резонно критикуется И. А. Прохоренко за ограниченность внимания к микроанализу, социокультурным аспектам. Полагаем, что критику нужно адресовать прежде всего классическому институционализму. В неоинституционализме, особенно в таких его направлениях и школах, как социологическая, историческая, дискурсивная, преодолевается жесткое противопоставление организации и ментальных феноменов. Вероятно, стоило более глубоко сравнить различия названных школ. Продуктивна трактовка институтов как «когнитивных схем» (П. В. Панов), т.е. ментальных моделей, путем которых акторы политики воспринимают и осмысливают мир (с. 33).

В рамках организационной теории автора монографии привлекает прежде всего возможность выявить целеполагание поведения акторов и сознательно поддерживаемые взаимодействия между ними. Важно введение в международные исследования категорий «организационное поле», «транзакции», «связанность» (П. Ди Маджо, У. Пауэлл), «социетальные/функциональные сектора» поля (У. Р. Скотт) (с. 38–39). Для И. А. Прохоренко организационная теория позволяет типологизировать международные организации и организационные поля глобального управления, раскрыть ход структурирования полей, установить субъектов структурирования, тип и конфигурации взаимодействий участников внутри полей. Автор монографии поддерживает менеджерские концепции международных организаций, понимая их как институты сотрудничества между государствами, а также «концепцию агоры» — публичного пространства, где обсуждаются и решаются международные вопросы. Перспективна гипотеза И. А. Прохоренко: Евросоюз полезно считать организационным полем ряда государств-участников, а не традиционной иерархической организацией (с. 42). Данный подход полезно применять и в отношении закрытых привилегированных форумов глобального управления («Группы семи/восьми» и «Группы двадцати») и применительно к формальным институтам: Европарламенту, Еврокомиссии.

Важно, что европейская интеграция создает новые арены политического взаимодействия для политических партий стран — членов ЕС на межправительственном и наднациональном уровнях. Но тем самым Евросоюз принуждает партии ранее суверенных стран к организационной и идеологической адаптации (с. 44).

Во втором разделе «Современные политические пространства» интерпретируются аспекты и уровни пространственного подхода к политике. Ставится сложная проблема взаимодействия идентичности и пространства: что первично, а что вторично? В логике авторского подхода субъективные параметры, прежде всего идентичность, приоритетны. Категория идентичности ориентирована на выявление смыслов индивидуальных и коллективных действий в контексте самоопределения принадлежности субъектов к группам, сообществам и ценностно-нормативным регуляциям (в трактовке И. С. Семененко).

Следовательно, территориальная идентичность определяется И. А. Прохоренко как комплекс представлений о принадлежности к территориальному сообществу, о его общих интересах в связи с местом проживания и политическими институтами. Такая идентичность опирается на культурную память и повседневные связи между людьми, воспринимающими образ территории как референтную систему ориентиров для создания своих жизненных стратегий, чувствующими свою связь с образом территории. Территориальная идентичность формируется на индивидуальном уровне, но утверждается как коллективная, посредством совместной деятельности сообщества (с. 48–49).

Необычность размышлений автора об идентичности связана с разграничением территориальной (объективно-географической по основаниям) и пространственной (конструируемой) форм. Более того, местная и локальная политические идентичности при таком подходе пространственны, особенно в условиях глобализации. Конструктивисты (М. Китинг, Н. Бреннер) воспринимают регион как одновременно территориальное, функциональное и политическое пространство без жесткой привязки, например, к уровню субъекта федерации (с. 50–51). Связи и отношения, формирующие регион, многообразны: и экономические, и социокультурные (С. Роккан и Д. Урвин).

Перспективно утверждение И. А. Прохоренко: идея и практика децентрализации власти, несоответствие между ролями регионов в государстве ведет к превращению территориальных сообществ в политические субъекты, т.е. к «политизации периферии» (по термину С. Роккана и Д. Урвина). Причем автор монографии последовательно отмечает, что наличие административно-территориальных границ само по себе не предопределяет обязательного формирования территориальных идентичностей (с. 53–55).

Далее оценивается мирполитический аспект конфигурации транснационального политического пространства. Речь идет не только о вертикальных связях и взаимодействиях, но и о горизонтальных, диагональных, об управлении по

типу неиерархических политических сетей. Процесс формирования такого пространства рассмотрен на материалах Евросоюза, НАФТА, конкурирующих интеграционных объединений Латинской Америки, культурно-лингвистических сообществ (франкофонных, иберо-американских, португалоязычных стран). Интенсивно развиваются новые политические пространства — «общие пространства человечества» (океаническое, воздушное, космическое, приполярное, информационное). Их политическая активность и организация уже не могут убедительно быть объяснены с позиций классической территориальной геополитики (с. 69).

Третий раздел монографии посвящен анализу европейского политического пространства, его институциональной формы и структуры, субъектов и территориальных уровней, направлений трансформации. Справедливо отмечается, что магистральным направлением европейской интеграции стала ее политизация. В центре внимания — национальный суверенитет и повестка дня развития государств, конфликт интересов между общеевропейскими, национально-государственными и региональными субъектами политики. И. А. Прохоренко доказывает, что пространственная насыщенность отношений внутри сообщества и его внешних связей, их институционализация ведут к складыванию устойчивого транснационального пространства, к преобладанию негосударственных акторов и их интересов, ценностей над национальными. В итоге складываются общие политические институты и система наднационального многоуровневого управления. Причем важно, что европейское пространство полицентрично, а не иерархично (с. 72). Регионообразующим фактором применительно к ЕС выступает какое-либо не отдельное пространство, а целый кластер пространств в их тесной взаимосвязи.

Автор исследования не отрицает сложных противоречий, конфликтов становления европейского политического пространства. Налицо дефицит демократии, рост неравноправия стран и регионов. Европейское пространство — «элитистское по своей сути» (с. 75). Но подраздел о субнациональных элитах содержит материалы в основном о повышении статуса региональных и местных сообществ, об автономистских и регионалистских партиях в странах ЕС. Будучи весьма важными, эти сведения не могут заменить более глубокого анализа элитных групп, основанного на эмпирических данных.

В монографии раскрыта роль регионов в системе управления Европейского союза. Приводится обширный материал о распределении компетенций в системе многоуровневого управления, об организационном и правовом устройстве взаимодействия региональных властей с институтами ЕС. Рассмотрены конфликты интересов на примерах принятия Лиссабонского договора, реформы Пакта стабильности и роста (2011 г.), сепаратистских тенденций в Шотландии и регионах Испании. Дано убедительное объяснение причин отказа Евросоюза от институционализации участия субнациональных властей в процессе много-

уровневого управления, от поддержки сепаратизма. Определены направления трансформации европейского политического пространства.

Подводя итог рецензии, можно с уверенностью сказать, что И. Л. Прохоренко провела инновационное исследование. Обоснованная автором модель политического пространства логична, подтверждена глубоким знанием источников и новейшей научной литературы. Рецензируемая монография вносит важный вклад в совершенствование методологий анализа политического пространства. Она будет полезна не только для международников, но и для представителей многих социально-гуманитарных наук.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015.

.....

HOW SHOULD WE THINK OF SPACE?

Baranov A. V.

Baranov Andrey Vladimirovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: baranovandrew@mail.ru.

Review of the book: Prokhorenko I.L. *Prostranstvennyj podhod v issledovanii mezhdunarodnyh otnoshenij* [Spatial Approach in International Relations Studies]. M.: IMEMO RAN, 2015, 111 p.

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛИТОЛОГИИ

.....

Гайнутдинова Е. В.

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, Астраханский государственный
технический университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16. Эл.
почта: gainutdinova.ekaterina@mail.ru.

Рецензия на книгу: **Карабущенко П. Л. Элитология мифа.** Астрахань: АГУ, 2008.
322 с.

Для современной элитологии, имеющей явный перекося в сторону политологических исследований, работы в области гуманитарной элитологии являются исключением. К числу подобных нестандартных исключений относится и вышедшая несколько лет назад монография профессора П. Л. Карабущенко «Элитология мифа» (Карабущенко, 2008), в которой автор попытался установить связи различных разделов большой элитологии с современными научно-философскими разработками.

Автор не скрывает, что его работа является своего рода продолжением труда А. Ф. Лосева «Диалектика мифа». Так же как и А. Ф. Лосев, П. Л. Карабущенко дает многослойное определение понятию мифа и элиты, что является прямым заимствованием лосевской методики. Текст А. Ф. Лосева у него там присутствует и в качестве эпиграфа и в качестве цитаты (и даже в качестве обложки выбран рисунок первого издания лосевской книги). К анализу «Диалектики мифа» он постоянно возвращается на страницах своей работы (Карабущенко, 2008) и в собственных выводах отталкивается от данных этого труда.

Следует отметить, что автором весьма подробно рассматриваются гуманитарные проблемы элитологии, в частности культурно-религиозный и методологический аспекты. В ряде своих работ, продолжающих тему элитологии мифа, профессор П. Л. Карабущенко дает весьма интересный анализ вопросов религиозной святости (Карабущенко, 2014а; Карабущенко, 2014b), рассматривает проблемы культуры политического языка (Карабущенко, 2009), предлагает использовать в элитологии методы классического богословия (Карабущенко, 2013b), демонстрируя на конкретных примерах, как эту богатейшую внеаучную традицию можно использовать в рамках современного элитологического знания (Карабущенко, 2013а).

Сама работа состоит из четырех частей: сущность мифа и мифологии (Карабущенко, 2008), религиозная мифология (Карабущенко, 2008), научная мифология (Карабущенко, 2008) и политическая мифология (Карабущенко, 2008). В них автор предлагает читателю системное изложение специфических черт и качеств мифа, его влияние на общественные процессы и развитие личности. По признанию самого автора, миф сыграл в истории умственного развития человечества исключительную роль, при этом не всегда положительную. Для его изучения следует использовать целую систему методов, главными среди которых он выделяет диалектику и герменевтику.

Религиозная мифология в наибольшей степени содержит архаические мифы, объясняющие мир сверхъестественного. В этом плане миф выполняет роль религиозной истории, фиксирующей рост качества умственного развития человечества. Архаическая мифология им оценивается как рассказ о высших пределах элитности, как первая попытка приблизиться к загадке совершенства нашего мира и установить с ним некую связь (Карабущенко, 2008). При этом уже в этой архаической по своей сути мифологии мы видим появление такого явления как антиистория, которая развивалась параллельно с самой историей, часто диктуя последней нормы и темы ее повествования (Карабущенко, 2008).

Специфика научной мифологии заключается в том, что она создает вокруг науки вторую реальность, искажая ее информационное пространство. Роль научной ошибки в развитии науки всегда незаметна, но порой бывает весьма существенной (Карабущенко, 2008). Научная мифология деформирует научное мышление, задавая ему ложные ориентиры. Автором подробно рассматривается роль мифа в истории науки (Карабущенко, 2008), дается анализ новых схоластических веяний (т.н. «неосхоластика») (Карабущенко, 2008), рассматривается заложенная в саму теорию элит мифология (Карабущенко, 2008). Особо отмечается роль художественного мифа, в котором автор видит творческое позитивное начало (Карабущенко, 2008).

В разделе «Политическая мифология» автором рассматриваются мифы политических элит и мифы о самих политических элитах. Акцент делается на то, что в своей повседневности политические элиты весьма часто и охотно идут на фальсификацию своей реальности, выдавая желаемое за действительное. В этом и заключается специфика политической мифологии. При этом мифологизации подвергаются все базовые ценности демократии — свобода слова, равенство, разделение властей и т.д. Мир политики оказывается под сильнейшим давлением со стороны политической филологии, которая часто выполняет роль активного мировоззренческого проводника. Политическая история XX в. убедительно свидетельствует о том, какой негативный заряд может нести политическая мифология, получившая статус активно действующей политической идеологии (Карабущенко, 2008).

Автором отмечается, что элитология мифа исследует ту часть элитности личности, которая открывается лишь с позиции подсознания, с позиции бессознательного. Вместе с этим элитология мифа создает базу для элитологии истории и науки, дает дополнительный инструментарий для философии личности и элитологии сверхчеловека. Именно через миф, историю, науку, философию и антропологию проходит в своем развитии элитология духа. Автор утверждает, что в элитологии мифа дух обретает всего лишь свою первую более или менее определенную форму. Дух начинает движение к своей совершенной форме именно от мифа. И именно миф впервые сформулировал саму идею совершенства духа. «Совершенство стало отправной точкой всей элитологической традиции. Поэтому уже в самом мифе об элитном мы видим первые ростки будущей науки об элите. Движение мысли от мифа к Логосу есть избавление сознания от иллюзии, преодоление аффектов, и это движение есть наращивание элитного качества вопреки всем и всему» (Карабущенко, 2008).

В целом настоящая работа создает основу для конструктивного развития гуманитарной элитологии, не зависящей от политической конъюнктуры и идеологических пристрастий ученых. «Элитология мифа» является, несомненно, ценным вкладом в развитие элитологической мысли начала XXI столетия. Она будет любопытна как специалистам гуманитарных и общественных направлений, так и студентам, интересующимся вопросами теорий элит и мифа.

Библиографический список

1. Карабущенко, П. А. (2008). *Элитология мифа: монография*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».
2. Карабущенко, П. А. (2013а). Стандартная модель элитогенеза: ДНК элиты, ПДК элитности и КПД элитизации. *Философия и общество*, 4 (72), 100–113.
3. Карабущенко, П. А. (2013b). О богословских корнях элитологии (катафатический и апофатический методы исследования элит). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (34), 219–227.
4. Карабущенко, П. А. (2014а). «Повесть о Петре и Февронии Муромских» в свете трактовки исторической герменевтики. *Гуманитарные исследования*, 2 (50), 100–109.
5. Карабущенко, П. А. (2014b). Святость как элитность (на примере жития Сергия Радонежского). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (41), 316–324.
6. Карабущенко, П. А. (2009). «Вопросы языкознания» И. В. Сталина и современная политическая герменевтика. *Гуманитарные исследования*, 4 (32), 6–12.

Статья поступила в редакцию 14.06.2015.

HUMANITARIAN ISSUES OF ELITOLOGY

Gajnutdinova E. V.

Gajnutdinova Ekaterina Valer'evna, Astrakhan State Technical University, 16, Tatischev Str.,
Astrakhan, 414056. E-mail: gajnutdinova.ekaterina@mail.ru.

Book review for *The Elitology of Myth* by P.L. Karabushhenko. Astrakhan: ASU, 2008.
322 p.

References

1. Karabushhenko, P. L. (2008). *Jelitologija mifa: monografija* [The Elitology of Myth: monograph] Astrakhan: Publishing House "Astrakhan University".
2. Karabushhenko, P. L. (2013a). Standartnaja model' jelitogeneza: DNK jelity, PDK jelitnosti i KPD jelitizacii [Standard Model of the Genesis of Elite: DNA of elite, MPC of Elite and Coefficient of Efficiency of Elitization]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society], 4 (72), 100–113.
3. Karabushhenko, P. L. (2013b). O bogoslovskih kornjah jelitologii (katafaticeskij i apofaticeskij metody issledovanija jelit) [On the theological roots of elitology (cataphatic and apophatic methods of the studies of elite)]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 1 (34), 219–227.
4. Karabushhenko, P. L. (2014a). "Povest' o Petre i Fevronii Muromskih" v svete traktovki istoricheskoi germenevtiki ["The Tale of Peter and Fevronia of Murom" considered from the point of view of historical hermeneutics]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian Research], 2 (50), 100–109.
5. Karabushhenko, P. L. (2014b). Svjatost' kak jelitnost' (na primere zhitija Sergija Radonezhskogo) [Holiness as eliticism (on the example of The Life of Sergius of Radonezh)]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 4 (41), 316–324.
6. Karabushhenko, P. L. (2009). «Voprosy jazykoznanija» I. V. Stalina i sovremennaja politicheskaja germenevtika [I. V. Stalin's "Issues of Linguistics" and Contemporary Political Hermeneutics]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian Research], 4 (32), 6–12.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Философия, история и культурология» Астраханского государственного технического университета, Астрахань, Россия.

Гусейнов Александр Шамильевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия.

Ждановский Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, декан факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Некрасов Сергей Дмитриевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Онищенко Максим Леонидович, аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Рябикина Зинаида Ивановна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Савченко Светлана Владимировна, аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Соколов Александр Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета, Ярославль, Россия.

Тезадова Диана Артуровна, аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Фоменко Галина Юрьевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Baranov Andrey Vladimirovich, doctor of political sciences, doctor of historical sciences, professor of the Chair of Political Science and Political Management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Fomenko Galina Yurievna, doctor of psychological sciences, professor of the Chair of personality psychology and general psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Guseinov Aleksandr Shamilieвич, candidate of psychological sciences, senior lecturer of Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia.

Khlysheva Elena Vladislavovna, doctor of philosophical sciences, associate professor, Head of the Chair of cultural studies, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Nekrasov Sergey Dmitrievich, candidate of psychological sciences, associate professor, professor of the Chair of personality psychology and general psychology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Onishchenko Maxim Leonidovich, postgraduate student of the Chair of public policy and public management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Ryabikina Zinaida Ivanovna, doctor of psychological sciences, professor, Head of the Chair of personality psychology and general psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Savchenko Svetlana Vladimirovna, postgraduate student of the Chair of personality psychology and general psychology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sokolov Aleksandr Vladimirovich, candidate of political sciences, associate professor, assistant professor of the Chair of social and political theories of the Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Tereshina Marija Valentinovna, doctor of economics sciences, professor of the Chair of public policy and public management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Tezadova Diana Arturovna, postgraduate student of the Chair of public policy and public management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Zhdanovskij Alexander Mihajlovich, candidate of historical sciences, associate professor, professor of the Chair of public policy and public management of the Kuban State University, Dean of the Faculty of Management and Psychology of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит., затем:* (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит., затем:* (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyyskiy gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet* (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.